
Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2015

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Валентин РАСПУТИН. **Нравственность или успешность?** ... 3
Владимир КРУПИН. **Эти непонятные русские** 13
Александр ОЛЕЙНИК. **Кто толкает мир к нацистскому
мракобесию?** 93
Василий ГРИБОВСКИЙ. **День русской цивилизации** 148
Геннадий ЛУКИНЫХ. **Миф или грядущая реальность?** 154

ПРОЗА

- Владимир ПРОНСКИЙ. **Провинция слёз. Роман.**
Продолжение 21
Нина БОЙКО. **Рассказы** 103
Анатолий КОЗЛОВ. **Рассказы** 121
Алла ЛИНЁВА. **За рекою в непокое. Рассказ** 159
Олег СКРЫННИК. **Святая тема. Рассказ** 171

ПОЭЗИЯ

- Евгений КУРДАКОВ. **К 75-летию со дня рождения.**
Преображенье. Стихи. 80
Юрий ПАРКАЕВ. **Ушедший песнями в народ. Стихи** 88

Эмма МЕНЬШИКОВА. Русская тетрадь . Стихи	140
Юрий ВОРОТНИН. Ожидание света . Стихи	176
Михаил ГУСАРОВ. Девятый вал . Стихи	181

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Фёдор ПАПАЯНИ. Быть или не быть идеологии Отечества?	186
---	-----

РУССКИЙ ВОПРОС

Александр ИЗРАИЛЕВ. Русский мир — это где?	217
Сергей КАРАМЫШЕВ. Русский мир — предверие неба. Чтобы воскреснуть Русью	223
Василий ГРИБОВСКИЙ. Украина — проект Ленина	231
Роман ИЛЮЩЕНКО. Успеть стать русскими	237

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Сергей СОКУРОВ. Половецкие пляски современного украинства	241
--	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы . Размышления и воспоминания. Продолжение	250
---	-----

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

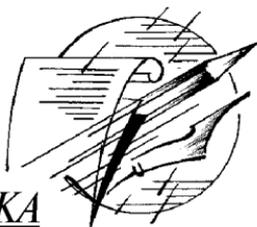
Высказывания Черномырдина	277
--	-----

НРАВСТВЕННОСТЬ ИЛИ УСПЕШНОСТЬ?

О редакции. В память о выдающемся русском писателе В.Г. Распутине публикуем его беседу с известным журналистом Виктором Кожемяко.

Что значит быть успешным?

— Валентин Григорьевич, в последнее время все больше мое внимание привлекает новое слово, которое появилось в нашем языке. Это слово — «успешность». Вообще-то оно вроде бы и не совсем новое. Ведь мы всегда говорили: успех, успехи, желали друг другу успехов. И все-таки вот такой формы — «успешность» — не было. А еще теперь стали говорить: «Успешный человек». В этом тоже, по-моему, непривычный оттенок. То есть коли успешность определяется неким постоянным, чуть ли не врожденным качеством каких-то людей, то, стало быть, неуспешные — это заведомо обреченные на второсортное или третьесортное существование. Что, мол, поделаешь, не дано... Я думал, что, может быть, у меня какое-то субъективно пристрастное восприятие этой самой «успешности», что только мне она режет слух. Но вот на недавней Соборной встрече в храме Христа Спасителя, посвященной 50-летию Союза писателей России, услышал тревожное размышление на сей

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

счет в выступлении Валерия Николаевича Ганичева. Говорил он именно о разрыве успешности и нравственности, о том, что в общественном сознании утверждается фактически безнравственная успешность...

— Давайте сначала взглянемся в это слово — «успешность». Ведь не случайно же оно взлетело сейчас. Поспешать, успех, успешность, даже приспешник — все это однокоренные слова, слова одного лексического гнезда. «Успех» у Даля в середине XIX века понимался как достижение желаемого. Но академик В.В. Виноградов в своей работе «История слов» отмечает, что в XVI—XVII веках и успех имел значение поспешности. Иметь успех означало тогда сорвать куш. Затем слово сняло с себя отрицательный смысл. А вот «поспешность» до сих пор не оторвать от поговорки: «Поспешись — людей насмешишь». Удивительно, как форма слова влияет на его смысл, содержание. «Поспешность», «успешность» как были, так и остались родными братьями, только первое несет в себе физическое действие, а второе — нравственное, вернее, переступающее нравственные законы.

Но, знаете, мне в слове «успешность» слышится скорее бесстыдство людей среднего порядка. Оно больше приложимо к хватким чиновникам, вора в законе, ловкачам разного рода, остающимся в тени, и целой армии бизнесменов, только еще поднимающихся на орбиту. Для поднебесного положения олигархов понятие «успешность» — дело копеечное, их фигуры достигли такого размаха, что и Россия мала, им требуется весь мир.

Но начиналось, конечно, с «успешности».

— Нетрудно понять, что знак, символ «успешности» — большие деньги. За последние пятнадцать-двадцать лет у нас упорно внушается просто-таки культ сверхбогатого человека. Мерилом престижности стали банковский счет и собственность. Теперь говорят: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» А ведь раньше подобная логика, зацикленная на одном лишь материальном богатстве, показалась бы странной. Как же произошли эти изменения в обществе?

— Общество наше больное, и нет никаких признаков, что оно озабочено своим здоровьем. Россия изменила себе и продолжает изменять все больше. Всегда она была самодостаточной, даже в трагическом XX веке, когда формы государственности и жизни претерпели огромные изменения. Отказались от веры — и все-таки выиграли жестокую войну; перевернули деревню, изменили в ней уклад жизни — и все-таки сохранили и преобразовали ее; испытывали и гонения, и бедность, но не Родину свою винили в том и не отказывались от нее.

То, что произошло в конце 80-х и в 90-х годах при Ельцине, Чубайсе и Гайдаре, — гораздо большая беда, чем Мамаево побоище. Богатырскую страну разграбили в считанные годы. Хлебные поля забросили и деревню, можно сказать, уничтожили. Промышленность заглохла, за обладание выгодными предприятиями шла кровавая война. Народные и природные богатства в спешном порядке поделили между собой те, кто вознесся затем на высоту олигархов. Нравственность и совесть отменили, одно упоминание этих понятий вызывало издевательства. Отменили, в сущности, и Россию, хотя именем ее и продолжали пользоваться. Но много ли радости в родном имени, если наполнение его чужое? Чужие нравы и песни, чужое образование и чужие кумиры, русский язык переполнен мусором и грубостями, великая русская литература существует в положении пенсионерки и тихо уходит в тень. Перечислять все эти перемены (а они везде и всюду), право же, сердца не хватит.

Вот такие изменения и произошли, вот такая переоценка ценностей.

Россия живет сейчас в двух ипостасях: в глубинке из последних сил держатся за родное; а на виду — вся пропаганда и агитация, говоря старым языком, то есть телевидение, радио, бесконечные, вытряхивающие вкус сериалы, культура бесноватых с громкими именами, — вся эта «успешность» круговой поруки продолжает властвовать и калечить людей.

— *Наверное, внедрение понятий «успешность» и «успешный человек» нынешними законодателями мод, теле- и радиовещателями (всё ведь идет «в массы» именно от них!) и настойчивая ориентировка на эти понятия связаны с желанием окончательно утвердить, легитимизировать, как говорится, создавшееся несправедливое положение («Пересмотра итогов приватизации не будет», — повторяет власть). Положение, при котором на общественной вершине оказались как раз те «успешные», чья «успешность» вызывает неприятие большинства в нашем обществе. И, тем не менее, пожелание быть успешным звучит как призыв во имя этого ничего не стесняться. Вы не ощущаете такое в самой атмосфере теперешнего бытия?*

— Как не ощущаю, когда это сегодня в так называемых деловых кругах главное мерило деятельности? В кругу «успешных» совесть не в почете, она там — тоже отжившее понятие.

До революции в России, как известно, было немало богатых фигур, в том числе с очень крупными капиталами. Но сидеть на этих капиталах тогда считалось все-таки неприличным. Конечно, приличия эти не всеми соблюдались, но в

таких случаях и отношение к скупердьям было соответствующее. Но в каждом губернском городе и в каждом уездном, будь то Сибирь на всем ее протяжении, в Русский Север, центральная или западная часть империи, — всюду состоятельные люди считали необходимым заниматься благотворительностью и давать деньги на бедность, на храмы, больницы, училища, музеи, библиотеки, театры.

В 1887 году былая столица Сибири — город Тобольск справлял свое 300-летие. К тому времени Тобольск был уже отодвинут от магистральных путей, и имя его потускнело. Благодарное сибирское купечество, отдавая дань заслугам отца сибирских городов, выстроило в Тобольске прекрасный музей и украсило его полотнами великих мастеров.

Первый в Сибири университет в Томске, основанный в 1880 году, был выстроен в основном на пожертвования промышленников. Огромный вклад в его строительство и приобретение для университета библиотеки В. Жуковского в четыре с половиной тысячи томов вложили знаменитый меценат, промышленник и ученый Александр Михайлович Сибиряков, его младший брат Иннокентий Михайлович.

Да и благотворительность в Москве: Третьяковская галерея, Румянцевский музей и библиотека, Бахрушинский музей, Голицынская больница и многое-многое иное получали имена своих создателей и покровителей.

Может быть, и среди нынешних толстосумов водятся меценаты: на храмы, слышно, дают, но случается это редко и участвует в этом, похоже, не голос совести, а «голос имиджа».

Призывают зарабатывать, не работая

— *Есть и еще одна сторона этой темы: внедряемое понятие «успешность» отделено от другого понятия — «труд». Мало того, даже ему противопоставляется! Недавно был поражен, увидев в метро следующую рекламу: «Хватит работать — пора зарабатывать! Освой профессию «трейдер» на финансовых рынках». И тут же, рядом, — радостное лицо в другой рекламе: «Я зарабатываю на разнице курсов валют». Указаны адрес и телефон, где этому научат... Подобная реклама мелькает все чаще. На мой взгляд, это разрушение здоровой трудовой морали. Если раньше человек сызмальства воспитывался в уважении к общественно полезному труду как единственному способу заработать — материальные ли средства, достойное ли положение в обществе, то к чему зовут нынче? Зарабатывать, не работая... Во что же вырождается общество, руководствуясь такими призывами?*

— Здоровая трудовая мораль у нас давно уже разрушена, 90-е годы погребели под собой много чего из государствово-державных понятий нравственности и здоровых взаимоотношений. Возвращать их непросто, да и никто, похоже, этим не занимается. «Хватит работать — пора зарабатывать» — подобные лозунги уже годы и годы кружат головы молодых людей. На этой стезе они и норовят устроить свое благополучие. И почему власть на публичное разведение таких «грызунов» взирает равнодушно, понять нельзя. Почему не контролирует рекламу, особенно в метро, где каждый день она лезет в глаза миллионов и миллионов, половину из которых заставляют согласиться, что так теперь и должно быть, как предлагает реклама.

Не говоря уж об улице. Прошлым летом по всей Москве красовалась «аккуратная», однако же откровенная «художественная» реклама однополый любви.

И ничего — деньги сокрушают все, всякую мораль и всякую преграду.

А во что превращается общество, руководствуясь подобными призывами, мы уже и теперь наблюдаем воочию...

— *Во все времена, конечно, были люди, ухитрившиеся много иметь, не работая. Было узаконено и богатство меньшинства, живущего за счет труда большинства. Но давайте вспомним слова Христа апостола: «Не работающий да не ест». В первой Советской Конституции она была записана фактически дословно: «Кто не работает, тот не ест». Это стало одной из основ государства. Недаром появилось и почитаемое звание — Герой Труда. Все-таки какие бы огромные издержки и проблемы ни пришлось тогда пережить, а человек труда, как правило, действительно был окружен в обществе уважением и почетом. Он становился героем книг, фильмов, спектаклей... А что теперь? Кто теперь герои на телевидении и в глянцевых «гламурных» журналах? Кого здесь воспевают и чьи хоромы во всех ракурсах показывают? Согласитесь, тех самых «успешных людей» — будь то олигарх, финансовый воротила или «попса», «шоу-бизнес» в лицах, набивших уже всем оскомину. Но разве такое безумное внимание к этим персонам — дань труду и подлинному таланту?*

— Мы с вами ломимся в открытые двери. Эти двери бесчинства и вседозволенности давно нараспашку, а мы никак не хотим с этим смириться и все проверяем, не вступил ли в силу спасительный закон, который преградит им, то есть бесчинству и вседозволенности, преступный путь. Нет, не вступил. А если бы и вступил, толку от него все равно было бы мало. Законопослушания быть не может, когда в обществе царит безнравственность.

Горбачёвско-ельцинская «революция» действовала не только против коммунизма как идеологии и форм собственности, но и против тысячелетней России с ее нравственными правилами, традициями, вековыми народными обычаями и культурой. Народ как единое целое распался и превратился в население. Государство ослабло, доверие к нему упало. Бешеное богатство одних и распоследняя нищета многих подорвали доверие к власти. Отечественное образование, лучшее в мире, как показала история, было с невиданным нахальством отвергнуто и превратилось в замысловатые загадки, с которыми ни учителя, ни ученики справиться не могут. Средства информации во все 90-е годы были агрессивно чужеродными и «полоскали» родное на чем свет стоит. Они и теперь не очень изменились. Все перечислять — слишком долго да и не нужно.

Вот и получили то, что имеем.

Правда, вернулась вера, вновь дозволенная в годовщину Тысячелетия крещения Руси. С той поры тысячи и тысячи храмов дружным звоном сзывали на службу во всех городах и во многих всях страны. В праздничные дни храмы переполнены.

Если говорить о надеждах, возлагаемых по прежним понятиям на народ, то надежда прежде всего на верующих. Это, я думаю, сейчас сердцевина, из которой в нравственной, духовной и тысячелетней ипостаси может очнуться народ. Но сердцевина пока, как мне представляется, несколько замкнутая: верхи нравственные законы почитают мало, а низы по своей удрученности нередко уже ни во что не верят.

Максим Галкин затмил Юрия Гагарина

— *Недавно услышал в телепередаче рассуждение о новогодних «Голубых огоньках». Ведущая с нескрываемой брезгливостью обронила, что, дескать, в советское время сидели за столами всякие там передовики производства, и приходилось «по бумажке» их представлять. А ныне, мол, Аллу Пугачеву и Максима Галкина знают все. Но вот что интересно: когда показали кадры старой хроники, в студии «Голубого огонька» возник не кто-нибудь, а Юрий Гагарин!.. Гагарин и Галкин все же величины несопоставимые. Между тем происходит вытеснение, замещение одних общественных авторитетов другими. По какому же принципу? Что в основе? Каковы истоки этой нынешней успешности популярных «медийных» личностей, чья популярность изо дня в день всячески раздувается?*

— Ох, о телевизионных «Голубых огоньках» и прочих подобных передачах лучше не вспоминать! Они давно уже

превратились в отвратительную клоунаду, которая многим и многим портит праздничное настроение. Не всем, конечно, — уже воспитано поколение, с восторгом принимающее хамство, безвкусию и неприличие. И разве можно сравнить прежний «Голубой огонек» с теперешним? Тогда были высота, красота и величие и в исполнении номеров, и в фигурах именитых гостей, да и во всей обстановке праздника. А теперь — балаган, выпренность и красование пошлости — особенно в среде исполнителей.

Аллу Пугачеву и Максима Галкина, конечно, знают все. Но знают в последнее время все больше по скандалам. Успешность, не ведающая нравственных границ, без этого не обходится и «подмочит» любой талант. Недавно в прессе прошла информация о том, что в США расследуют дело о финансовых махинациях в Америке Максима Галкина. В России, надо думать, не посмели бы уронить тень на любимца публики.

Вы спрашиваете, каковы истоки неслыханной популярности одних и тех же «медийных» личностей? Истоки в захвате искусства и его присвоении. Кто в этом участвует — «наши», это высшая мера таланта и успеха, на них работают и пресса, и радио с ТВ, им благоволит власть. А «не наши» в тени, более того — в опале. Каждый спектакль МХТ имени Чехова или Ленкома — это громкое, чрезвычайное событие, а на новые работы Горьковского МХАТа или Малого театра — редкая информация сквозь зубы. Горько вспоминать, как власть осчастливила вниманием Татьяну Доронинову, великую актрису нашего времени...

— *Пожалуй, Валентин Григорьевич, вам ближе всего должна быть тема успеха в литературном творчестве. Вспомните мне строки Бориса Пастернака:*

*Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.*

Не успех! Действительно, было бы странно сказать, что Пушкин или Есенин — успешные поэты, Достоевский или Шолохов — успешные прозаики, а Островский или Вампилов — успешные драматурги. Но сегодня, если с помощью всемогущего «пиара» любая бездарность может быть возведена чуть ли не в гении (и возводится!), здесь тоже критерии основательно сбиты. Значит, деньги и тут оказываются сильнее таланта и труда? Что вы думаете об этом?

— Конечно, так оно и есть. Прекрасные слова вспомнили вы у Пастернака, совсем в точку успешности теперешних знаменитостей. Именно: ничего не знача, умеют поднять вокруг себя чуть ли не вселенскую шумиху. Но Пастернаку в его целомудренные времена, должно быть, и в голову не могло прийти, что творческий успех можно устроить и искусством безнравственности и пошлости, искусством, как говорилось прежде, «низких истин», что сейчас вволюшку и происходит.

Да только вот в чем конечная справедливость. Ни одна из знаменитостей этого рода ни из эпохи Пушкина и Достоевского, ни из эпохи Шолохова и даже Вампилова в памяти не осталась. Сгинули все вместе со своими творениями.

Можно ли служить одновременно Богу и мамоне?

— *Сейчас непросто разобраться во всех хитросплетениях финансово-экономического кризиса, все более охватывающего ныне мир. Но одну из причин называют нередко: жизнь не по средствам, необеспеченность акций реальным производством, виртуальные финансовые операции, потеревшие крах. Стало быть, как я понимаю, «делание денег из денег», зарабатывание без истинной работы в конце концов приводит к определенной расплате.*

— Уверен, что так и есть. Кризис в России если не устроили, то сильно усугубили олигархи, владеющие львиной долей национальных богатств. Их бешеные доходы, судя по всему, на Россию работают скромно, а продолжают переводиться за границу — в ценные бумаги, спекулятивные операции, дорогую недвижимость... Да и в движимость тоже — в виде морских, воздушных и сухопутных судов. Нам, бедным, и не представить, во что еще. Теперь уже не арабские набобы удивляют мир своим расточительством, а российские.

Ведь не пострадал же так сильно от кризиса, как мы, Китай, где государство оставалось хозяином положения и контролировало движение экономики в национальных интересах.

— *Культ «успешности», насаждаемый у нас нынче, — это, по-моему, не только изыск пропагандистов новорусской действительности. Тут и глубинные, уходящие в религию корни. Но не в православие, конечно, а в иудаизм, в протестантизм, где именно успешность признается знаком богоизбранности. Если ты успешен, значит, тебя любит Бог. Ну а если неудачник, слабый, больной, увечный, стало быть, негоден ты Богу и должен пребывать изгоем. В православии все иначе. Здесь — сочувствие к бедным, униженным и оскорбленным. Это, может быть, и наша национальная черта. Гоголь написал: «В русском сердце всегда обитает прекрасное чувство взять сторо-*

ну угнетённого». Лев Толстой бесконечно мучился, признаваясь в своем дневнике: «Все больше и больше почти физически страдаю от неравенства: богатства, излишеств нашей жизни среди нищеты; и не могу уменьшить этого неравенства. В этом тайный трагизм моей жизни...» А вот нынешний олигарх Сергей Полонский провозглашает на газетных страницах: «У кого нет миллиарда, могут идти в ж...» Нам хотят внушить, что верны не трагические ощущения Толстого, а цинические установки этого самого Полонского. Хотят убедить, что «успешность» любой ценой искупает и покрывает все на свете, а разительное, чудовищное, несправедливейшее неравенство — норма.

— Если нам раз за разом хозяева страны повторяют, что пересмотра приватизации не будет, так заставьте сверхбогачей считаться со страной и народом, которых они ограбили, не позволяйте им унижать порядочность и бедность. Конечно, за хамские высказывания этого Полонского в суд не пойдешь. Но и проглотить их как остроумную «милость» с барского стола было бы слишком унижительным.

Слышно, что кризис ударил и по олигархам — их стало поменьше, и в их рядах произошла рокировка. Дерипаска теперь на восьмом месте, а номером первым завладел супермиллиардер, куршевельский проказник Михаил Прохоров, ныне владелец самой дорогой в мире виллы на Лазурном Берегу. В Куршевель, надо полагать, он больше не заглядывает, но нравы, утвержденные там, ныне вознеслись еще выше. Помню, ТВ показало сцену, как в одном из куршевельских ресторанов российские кутилы, конечно, из клана породистых, отплясывают на столах с девицами чечетку под гимн России. «Неслабо?» — вопрошают в таких случаях остряки, когда действие переходит всякие границы приличия.

Нынешний кризис — это, быть может, последнее предупреждение человечеству в тщетности и гибельности избранного пути. Это кризис не только экономики, но и культуры, нравственности, цивилизации, человеческого общежития. Кризис мирового порядка. Люди все тревожней оглядываются назад: где и когда сошли с наследованного пути и безопасного продвижения вперед? В чем ошибки и соблазны?

Сошлюсь на один широко известный факт. Нашим телевидением проводился конкурс «Имя Россия». Голосованием определялись имена соотечественников, сыгравших исключительную роль в судьбе России. Третью строку в этом конкурсе (мало кто сомневается, что после хитроумных усилий отодвинуть его туда с первого места) занял Сталин. Мало того — во всем мире огромными тиражами сейчас издается и

покупается «Капитал» Маркса. Совсем не слабые головы вынуждены согласиться, что хищнический капитализм — совсем не тот порядок, который нужен человеку, и что справедливости в нем быть не может. Но если Западу потребовалось несколько столетий, чтобы убедиться в ошибочности своего пути (это не значит, конечно, что теперь от него тут же откажутся), то России хватило и двух десятилетий, чтобы обнаружить себя в капкане мирового порядка и вспомнить о Сталине.

Народ наш, быть может, и ошибается в способах своего спасения, но он не может не видеть, не чувствовать, не испытывать на себе, что капитализм с его хищническими законами и нравами ему не годится.

ЭТИ НЕПОНЯТНЫЕ РУССКИЕ

До меня дозвонился японский профессор-русист и попросил помочь в двух вопросах. Во-первых, помочь навестить известного русского писателя, который был за городом на излечении, а во-вторых, поговорить на одну, как он выразился, совсем не японскую тему. Но и не русскую.

Я согласился съездить даже с радостью: и с писателем по-видаюсь, и за городом побываю, много ли мы на чистом воздухе бываем.

— Давайте прямо с утра пораньше, — сказал я. — Доедем часа за три, много за четыре.

Профессор задал два вопроса:

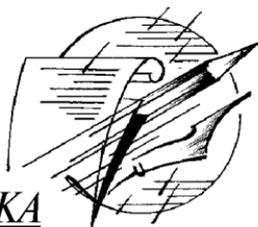
— Прямо с утра пораньше — это когда? А много за четыре — это как?

— Ну, как выйдет, — отвечал я, — может, и в два с половиной получится. А с утра пораньше надо, с утра электрички лучше ходят.

— Как лучше ходят?

— Ну, особо не капризничают. А после десяти их лихорадит.

Профессор, видимо, решил, что наши электрички одушевленные существа: то они капризничают, то их лихорадит.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Ехать надо было с Белорусского вокзала. Мы договорились встретиться в семь у памятника Горькому — место заметное.

— С такси не связывайтесь, плюньте, — сказал я, — у вас прямая линия, без пересадок, «Театральная» — «Белорусская», а памятник среди площади, не растеряемся.

— Не растеряемся, будем находчивыми, так? — спросил профессор.

Утром, примчавшись на вокзал, я увидел в расписании, что есть электричка до Можайска (а нам надо было до Кубинки), электричка хорошая, мало остановок, но она уходила именно в семь. И если мы только в семь увидимся, то придется полчаса ждать, ехать на бородинской почти со всеми остановками. Зная, что японцы — народ аккуратный, что профессор непременно будет ехать с запасом времени, я купил билеты и побежал к метро «Белорусская радиальная».

Изумленный профессор увидел меня, сходя с эскалатора.

— Мы сейчас, — спросил он, — пойдем встречаться к памятнику Горькому? Ведь это из-за него Чехов вышел из академии?

— Да, из-за него. Но он давно вышел, а электричка сейчас уходит. И потом, если мы уже встретились, зачем нам Горький? — отвечал я и, так как объяснять было некогда, тащил профессора на пятую платформу. Именно пятая значилась на табло.

Но когда мы прибежали на пятую, то по радио объявили, что электричка до Можайска уходит с четвертой. Повлѣк профессора обратно в тоннель. Профессор, видимо, решил, что я плохо знаю Белорусский вокзал.

В электричке, отдышавшись, мы стали разговаривать на ту тему, что в России большое пространство.

— Сколько земли, — восклицал профессор, когда между станциями мелькали два-три перелеска.

По проходу шла торговка пирожками, и профессор, не смотря на мой ужас, купил у нее штучку и стал откусывать по мелкому кусочку. Меня же угостил чем-то сушеным, рыбным, в плоском пакетике.

— Но все-таки спрошу, — сказал он. Видно, он думал над этим. — Если объявили, что поезд уходит с одной платформы, то почему он пришел на другую?

— А это стрелочник виноват, — ответил я, — стрелки перевел с похмелья, вот и все.

— Как с похмелья? — изумился профессор. — Стрелочнику же совершенно нельзя пить, это же очень серьезная профессия, это же связано с жизнью людей.

— Честно скажу: пьют, — отвечал я. — Это очень большой наш недостаток: пьют стрелочники, они, они у нас во всем виноваты.

Профессор доел пирожок, я доел сушеные волокна, кстати очень вкусные, и мы стали говорить о Чехове. Профессор находил сходство между Чеховым и писателем, к которому мы ехали.

— А как вы думаете, — спросил профессор, — Чехов был антисемитом?

— Я до таких тонкостей в Чехове не доходил, но думаю, что не был.

— Да, но рассказ «Тина»... — заговорил профессор. Это и был тот неяпонский вопрос, о котором просил поговорить с ним профессор.

— В Японии нет евреев, — объяснил профессор, — поэтому мы решили, что именно японцы разберутся в еврейской проблеме. Я этим стал заниматься, но у меня вопрос: почему нигде в мире ни Чехова, ни Пушкина, ни Гоголя, ни Лескова, ни Гончарова — никого из русских мировых классиков не называют антисемитами, но я прочел их всех внимательно и видел у них многое по еврейскому вопросу. Даже у такого, как Тургенев.

— У него-то где? — спросил я, стыдясь того, что плохо знаю свою классику. А вот японец знает. О, эти японцы все знают.

— А у него в «Записках охотника» помещик Каратаев хвалит свою собаку, говорит, что даёшь собаке кусок хлеба из левой руки и говоришь: жид ел, то собака не ест, а говоришь: барышня кушала, и даёшь из правой руки, то собака возьмёт.

— Так, а в чём тогда вопрос?

— Так вот, классиков не называют антисемитами, а я прочел всего Шукшина, Белова, Распутина, у них нет антисемитских высказываний, а их называют антисемитами. Почему?

— Спросите тех, кто называет. Для меня это тоже загадка. Да это ещё что, у нас давно ли эти писатели в фашистах ходили, у нас даже слово «патриоты» оплёвывалось.

— Это нас возмущало, — сказал профессор. — Японию после войны поднял только патриотизм. Всякое государство можно сохранить и укрепить только патриотизмом.

— Вот спасибо. Вот еще бы это демократам внушить.

— А наши демократы, — сказал профессор, — очень большие патриоты. А у вас патриоты — русские, а демократы — евреи. Может, от этого противоречия.

— Противоречие в вашем суждении. Как же евреи не патриоты, а евреи Израиля? Если б они не были патриотами, разве б туда стремились?

— Тогда вопрос прямой, можно?

— Только так и можно, — отвечал я.

— Есть ли в России антисемитизм?

— Тут я вам плохой помощник, — искренне отвечал я. — Я первого еврея в двадцать лет в армии увидел. Илюха Файбрун — хороший парень. Мы вместе боевые листки выпускали. Я сочинял, он переписывал. Правда, вот на учениях, например, я в противогазе бегу, а он на штабной машине. Но ведь опять же — сочинять-то тексты можно и на бегу, а ему планшетка нужна, бумага, перо. Почерк у него был хороший. Так что я сам виноват, мог бы и почерк выработать, в писаря бы пошел. Или в институте у нас был еврей, Семен. Тоже парень отличный. А я грузчиком работал на ткацкой фабрике. Он жил недалеко, попросил устроить на работу. В грузчики какая проблема, устроил. Только уже к вечеру первого дня я тюки с пряжей таскаю, а Сенька их считает. Зарплата у него даже и повыше — учетчик. Но мне интереснее было грузить, чем с карандашом сидеть.

— А серьезнее? — прижимал меня профессор. — Есть антисемитизм?

— Видимо, после революции был, — отвечал я. — Иначе зачем бы появился закон об антисемитизме. Слово «жид» нельзя было произнести...

— Но ведь жид и еврей не одно и то же, я изучал этимологию.

— Да мы слово «жид» ничем иным, как обозначением жадности, и не считали. В детстве, если кто жадный, ему говорили: а, жидишь!

— Да, да, — подхватил профессор. — И у Гоголя, когда Чичиков передал Плюшкину деньги, то тот «сразу ожидовал».

— Ну вот тем более, Плюшкин же не еврей, — обрадовался я поддержке Гоголя. — Или у нас была считалка: «Жид, жид, жид, по веревочке бежит, веревка оборвется, жид перевернется». Какой тут антисемитизм? Хотя потом, когда я был в Москве, рассказывали про анекдот тридцатых годов о том, как стоит мужчина на остановке, его спрашивают: ты что делаешь? Он хотел было ответить: трамвай подЖИДаю, да испугался и ответил не «поджидаю», а «подъевреиваю».

Профессор, посмотрев в книжечку, продолжал допрос:

— А не думаете ли вы, что антисемитизм имеет в основе антииудейство? У Пушкина в «Скупом рыцаре» рыцарь возмущен, что еврей-аптекарь предлагает рыцарю отравить скупого отца. Рыцарь его, еврея, прогоняет, говоря о деньгах, что они будут пахнуть «как сребреники пращура его». Он ведь имеет в виду Иуду и историю с тридцатью сребрениками?

Так? Еще у Пушкина, когда пишет про гречанку: «Ко мне постучался презренный еврей». Есть же причина такого отношения.

— Мы почему-то и воробьёв называли жидами. — Я, к сожалению, не был столь силён в еврейском вопросе, как японец. — Я больше сужу не по науке, а по жизни. Вот опять же анекдот: «Беги, Абрам, погром!» — «А я по паспорту русский». — «А бьют не по паспорту, а по морде». Но это, я думаю, еврейский анекдот.

— Почему?

— У нас, как началась эта свистопляска с перестройкой, как пошёл свальный грех демократии, так уж сколько про эти погромы кричали, даты называли — всё враньё, в русских нет чувства мести. А евреи, что ж евреи, они как в псалмах Давидовых, как же им петь весёлые песни в земле чужой. Они из глубины веков подпитываются чувством богоизбранности, превосходства, а мания величия обязательно вызывает манию преследования.

— Да, да, — поддакнул профессор. — Мы — буддисты — братья христианам, мы знаем, что богоизбранность одного народа кончилась на Голгофе, богоизбран тот, кто идет за Богом, а для него нет ни эллина, ни иудея.

Он погрузился в свою книжечку. Скоро доедем, думал я, глядя в мутное окно. Чем бы ещё помочь профессору? Он сам всё лучше меня знает. Но вот это надо сказать:

— Я вам рассказал анекдот про городской трамвай. Тут заметно, что человек боится, что за слово «жид», даже в корне слова под-жид-аю, его могут замести, забрать, привлечь, в общем. А я в селе вырастал, там, например, такие частушки пели вовсю еще безо всякой гласности: «На бочонке я сижу, а в бочонке кожа. Сталин Троцкому сказал: «Ты жидовска рожа».

— А почему в бочонке кожа? — спросил профессор.

— Для рифмы. Но тут Сталин и Троцкий по разную сторону баррикад, а вот частушка, опять же открыто пели, в ней они объединены: «Сидит Сталин на березе, Троцкий выше, на ели. До чего, хриstopродавцы, вы Россию довели». Или народная частушка: «Ты Иван, и я Иван, голубые очи. Мы с тобой идём в забой, а евреи в Сочи». Одним словом, плохой я вам помощник. Вы меня лучше по русскому вопросу спрашивайте. А то, кто послушает со стороны, и решит, что мы с вами антисемиты. А мы просто занимаемся научными изысканиями.

— Но разве в электричке есть подслушивающие устройства? — забеспокоился профессор.

— Да если бы и были, она так гремит. Это не электричка от Токио до Киото. В ней и шептаться можно было. А мы одъезжаем.

Профессор захлопнул книжечку.

Выходя, я вспомнил, что и в «Капитанской дочке» есть одно место, там Зурин, обучая Гринева, говорит: «...придѣшь в местечко, чем прикажешь заняться? Ведь не всё же бить жидов». Но не стал напоминать профессору, уже ясно, что и эта цитата есть у него. Да и что это добавляет?

Профессор уже в тамбуре спросил:

— Значит, бывает так, что закон говорит одно, а люди другое?

— Но, господин профессор, вы же занимаетесь Россией, как же иначе?

Профессор сверился с записной книжечкой, вздохнул:

— Даже у Толстого в «Анне Карениной»: «Дело было до жида, дожидался у жида».

— Язык такой русский, — оправдал я Толстого. — А знаете, на Украине Льва Толстого предлагают называть Левко Пузатый. Они против русификации.

Кубинка! Боже мой, вечность назад я служил тут в ракетных войсках. Но, оставив воспоминания, стал расспрашивать, на каком автобусе ехать до санатория. Отвечали: на двадцать восьмом. Вот и указатель: к двадцать восьмому. Мы пришли с профессором на привокзальную площадь и сели в двадцать восьмой. На всякий случай, и как будто кто меня подтолкнул, я спросил:

— Это двадцать восьмой?

— Нет, это сорок четвертый. А двадцать восьмой теперь ходит с другой стороны.

— Как же так? Написано же двадцать восьмой. И на указателе, и на остановке, и на автобусе.

— Все же знают, — хладнокровно отвечали нам.

— Хорошо еще, не успели заплатить, — сказал я профессору, когда мы снова поднялись на мост через железную дорогу.

На площади с другой стороны мы увидели битком набитый двадцать восьмой. Еле влезли. Тут уж я, конечно, спросил:

— Это двадцать восьмой?

На меня посмотрели как на дурака:

— Вы же сядились, видели, в какой садитесь.

— Но вот мы так же сели в двадцать восьмой на той стороне, а оказался сорок четвертый.

— Так зачем вы на ту сторону пошли?

— На указателе написано.

— Мало ли что на указателе.

У меня хватило ума спросить:

— Мы до санатория доедем?

— Нет, — отвечали нам, — до санатория в другую сторону.

— Как же так, — спросил я, — говорили же, что тут конечная.

— Ну да, в ту сторону конечная, а от санатория в эту не конечная. Да вон он стоит.

Мы снова вылезли и пошли к двадцать восьмому автобусу, но закрытому, без водителя и кондуктора, хотя рядом стояли люди.

Они сказали, что автобус сейчас поедет.

Профессор спросил:

— А что это значит, когда нам ответили: «Мало ли что на указателе?»

— Значит то, что не надо верить указателям.

— Почему?

Я пожал плечами. Профессор стал изучать расписание движения и соображать, глядя на свои японские часы, когда же мы отправимся.

— Бесплезно смотреть, — сказал ему пожилой мужчина. — Когда захотят, тогда и поедут.

— Но для чего расписание?

— Для модели.

— Для какой модели?

Мужчина тоже, как и я недавно, пожал плечами.

— Для какой модели? — спросил меня профессор, когда мы отошли. — Для модели движения?

— Скорее, для всяких комиссий. Придут, посмотрят — расписание есть, все в порядке.

— Комиссия движения? — стал уточнять профессор.

— Всякие бывают, — отвечал я.

Из того, переполненного, двадцать восьмого автобуса вышла кондукторша с сумкой. Автобус немедленно поехал. Видно, из-за нее и стоял. Кондукторша зашла в диспетчерскую, вышла из неё с другой женщиной, и они, открыв автобус, который мы ждали, вошли в него. Сели там завтракать. Хотя двери остались открытыми, нас туда не позвали, мы продолжали ждать. Подошли и водители, сразу трое. Они обсуждали вчерашние события: «А чего Колька сказал?» — «А Колька сказал: я с вами пить не буду». Это его точные слова. Так и сказал».

— А почему Колька не будет с ними пить? — спросил профессор.

— Разногласия какие-то.

— Но он же из их коллектива? Да? Значит, должен пить с ними.

Наша очередь росла и начала роптать. Но для водителей мы были как пустое место. Кондукторши окончили завтрак, вылезли, мы самочинно заняли сиденья. Кондукторша пошла было к нам, но тут её кто-то окликнул, и она стала говорить о раскаде. Пожилой мужчина осмелился спросить, когда же мы тронемся.

— А будете орать, вообще не поеду, — отвечал водитель, который уже занял свое место.

— Разве мы орём? — спросил я.

— А всё равно, — ответил водитель. — Меня из гаража без техосмотра выпустили, я могу вообще не ехать. Или останюсь среди дороги и буду стоять. Имею право.

— Неужели он так поступит? — спросил меня профессор.

— Довезёт, — ответил я.

Пришла кондукторша, стала обилечивать. Автобус завёлся и тронулся. Кондукторша собирала плату, отрывая от катушки билетов на полцены, а то и вовсе не давала билетов. Тот, кто вовсе отказывался от билетов, тот платил полцены. Объяснить профессору такую сложную механику было невозможно. Он, бедный, уже и не спрашивал.

В санатории, у писателя, профессор пытался разобраться в увиденном. Профессор искренне решил, что я тоже ничего не понимаю. Если написано на автобусе двадцать восьмой, то почему он сорок четвертый? Если объявлено отправление с пятой платформы, то почему отправляют не с пятой? И так далее. И было ли такое во времена Чехова? И если было, то почему нигде у Чехова не отражено?

— Если и было, так он этого просто не замечал. Вы ко мне ехали? Давайте чай пить.

Во время чая мы решили, что классики закрыли тему антисемитизма, но что это не нравится современным критикам-стрелочникам, вот они и заставляют русских писателей продолжать эту тему.

А что касается автобусов и электричек, то ничего не было подстроено, что всё нормально и что если изучаешь Россию, то надо быть ко всему готовым, даже к постоянной смене платформ, номеров, расписаний, критики, законов.

Одно только у нас неизменно — Россия.

Профессор поблагодарил, но все-таки вычитал из своей книжечки самый важный вопрос:

— Русские уйдут из мировой истории?

— Только вместе с ней, — отвечали мы.

ПРОВИНЦИЯ СЛЁЗ

РОМАН

Санитарные обозы с ранеными шли ещё два дня, потом вдруг пропали, словно там, откуда они тащились нескончаемой чередой, пришёл конец войне. Пропали и фуражные обозы, обозы с армейским снаряжением, догонявшие наступающие части, даже и вестовых почти не стало, и хорошо, если в иной день один или два проскачут по Князеву, распаяя осмелевших собачонок.

Григорий в эти дни ходил по дворам и читал со стариками подаренную красноармейцами газету, в которой говорилось, что сразу на нескольких фронтах войска перешли в наступление, освободили десятки городов и гонят немцев дальше на запад. Слушал Григорий и радио, чаще обычного слушал, но постепенно интерес к этим сообщениям угас, словно он привык к радостным вестям. Изо дня в день он как никогда ждал от Павла письмо, и, приди оно, он и победы под Москвой воспринял бы по-иному, а так — сплошь сомнения... Иной раз казалось, что сын специально тянет с письмом: вот

Продолжение. Начало в №4 за 2015 г.

ПРОЗА

дождётся того дня, когда будет боям конец, тогда и напишет, а может, и сам раньше письма заявится; или где пропал без вести, а начальство не спешит сообщать — вдруг найдётся! А может, где в госпитале без рук, без ног мается, а то и в плену холку гнёт — поди угадай! Григорий в мыслях был уж готов на самое худшее, только знать бы об этом, чтобы думы не терзали душу.

Несколько дней кряду он дожидался почтальонку, того послеобеденного часа, когда она бежала по селу, разнося письма. Григорий в это время находил какую-нибудь нестоящую работу, а когда она показывалась — смотрел на неё во все глаза, а та всякий раз проходила мимо, только поздороуется негромко и чуть кивнёт для приличия. Ему в такие моменты казалось, что она что-то скрывает, и он стал думать, уж не мстит ли она за давний случай, когда он не углядел их корову, отелившуюся в стаде, а телёнка задавили сбежавшиеся на запах крови заеззившие коровы... Когда в очередной раз почтальонка проходила мимо, Григорий не сдержался, окликнул и, не глядя в глаза, спросил:

— Ты уж, Зина, если какое письмишко завалылось, принеси, отдай. Ведь нам с бабкой теперь только одна в жизни утеха, что письмо от сынка получить... А за телёнка-то не сердчай — не по злу так случилось в тот раз. Бывает всякое в жизни.

— О чём это вы, Григорий Тимофеевич? — остановившись и неловко ковыряя валенком снег, спросила Зина Филимонова, а по-уличному — Погремок. Когда-то в девках она славилась на всю округу голосистостью и озорством. У неё и муж был такой же: певун и весельчак. В первые дни войны погиб. А от Зины Погремка за эти месяцы осталось только одно прозвище, а в остальном — и в походке, и в разговоре, и во взгляде — старуха старухой.

— Да всё о том же, — не сразу отозвался Григорий. — Письмо, спрашиваю, от Павла не приходило? А то, может, пацаны твои куда дели, они баловные у тебя?!

— Зачем оно им. Они и букв пока не знают.

— Во-во, они в этих годах самые озорные... Так что, если письмо придёт, не забудь, занеси...

— У меня служба такая. Письма-то я всегда с радостью на душе, это вот когда похоронное приходит... Вере вот вашей... — Зина не договорила, осеклась на полуслове, а Григорий, уловив эту неуверенность, стал допытываться:

— Ты уж договаривай... Чего там у Верки-то? С Алексеем, что ли, чего?

— Да это я так, Григорий Тимофеевич, у Веры всё нормально... А вам как письмо будет — обязательно принесу, вы и не беспокойтесь.

Боясь расспросов, почтальонка поспешила расстаться, а Григорий неподвижно стоял около избы, повторяя про себя её последние слова: «Не беспокойтесь... Не беспокойтесь...» — желанная какая! Хотя он и сердился, не зная на что, но разговор немного успокоил, отвлек от мыслей о Павле, вот только то, что она о Вере что-то не договорила, непонятной тревогой засело в душе. Когда Надёжка пришла с работы, он, стараясь быть как можно спокойней, равнодушно сказал:

— Сбегала бы к Зинке Погремку... Чего-то она мне сегодня сболтнула про Веру, да не до конца. Я так понял — с Алексеем что-то случилось!

Надёжка даже есть не стала — сразу к Зине. В избу вошла, а она с младшим сынишкой сидит за столом, а на столе чугунок нечищенной картошки и кучурочка соли... Увидев Надёжку, Зина машинально вытерла руки о фартук и испуганно застыла.

— Ты чего? — вырвалось у неё.

— Дед наш послал... Говорит, ты ему чего-то про Вериного Алексея наговорила? Чего с ним? Ты уж, девка, не скрывай, если что случилось!

Зина ничего не ответила, закрыла лицо руками, заплакала. Надёжка подошла к ней, прижала к себе, а Зина, всхлипывая, приговаривала:

— Что я, прокажённая какая?.. Чуть что у кого случилось — сразу я виновата! Что же я-то ни к кому не бегаю, а мне ведь, ох, как хочется иной раз головушку-то прислонить, ох, как хочется разрыдаться-то... Но, нет — терпи, Зинка, терпи, ты железная, ты одна на Князево, чего же без тебя люди будут делать-то, чего?

— Ну, хватит, хватит, Зина. Не одна горе мыкаешь. Ныне никому не сладко, что поделаешь, когда такая беда ко всем пришла... Что с Алексеем-то стряслось? Ты, девка, говори, не скрывай ничего, ведь всё одно узнается, тогда сама себя будешь казнить.

— Да как же скажу, когда Вера велела молчать!

— А я ей сестра или нет?

— Она и тебе не велела говорить. Никому... Сына у неё убили... Фёдора! Ещё месяц назад! — Зина, не сдержавшись, зарыдала, уткнулась Надёжке в грудь, а та, чувствуя как перехватывает дыхание от услышанных слов, усадила Зину на лавку, а сама быстрее к сестре.

Пока добежала, сердце чуть не разорвалось. Думала сразу вломиться, но перед крыльцом заробела. Дверь в сенцы была уже заперта, и Надёжка тихо постучала в окно. Открыла сама Вера. Она ничего не сказала, только негромко спросила: «Это

ты?» — и прошла в дом. Надёжка вошла следом, и когда Вера увидела Надёжкино лицо при свете, поняла, что сестра всё знает о Фёдоре, и поспешила вывести её обратно.

— Молчи, прошу тебя — молчи, — зашептала Вера в сенях. — Никто из моих не слышал о Фёдоре. Не хочу, чтобы знали! — Она прижалась к сестре, сдерживала и не могла сдержать рыдания. — Ведь Галя вот-вот должна рожать... Каково ей всё узнать!

— Пойдём в избу, — трясаясь от внутреннего озноба, — сказала Надёжка. — Тут и застыть можно.

— Сейчас, сейчас — только успокоюсь немного, — утиралась в темноте Вера, а Надёжка поторопила:

— Пойдём — застынешь, говорю тебе.

— И Любе ничего не говори, — вздохнув и хлюпнув носом, попросила Вера.

У Надёжки в эту минуту жалость и сострадание смешалось со злостью на сестру: целый месяц носит в себе такое горе и не скажет! Да за это время с ума сойти можно... Да она, случись у неё что хоть с Сашкой, хоть с Бориской, руки бы на себя наложила!

Когда сёстры вернулись в избу, Люба внимательно пригляделась к ним, спросила:

— Что это вы такие? С Павлом, что ли, чего?

— Не пишет давно... Вся душа изболелась. Не знаю, что и думать... Твой-то как там один? — отговорила Надёжка.

Кажется, Люба переживаний сестёр не заметила и, сразу повеселев, начала рассказывать о Николае:

— Ведь их автобазу собирались эвакуировать, а теперь, когда набили немцу сопатку, об эвакуации и думать перестали, потому как без автомобилей в нынешнее время не особо разбежишься! На них, считай, вся Москва держится, а Николай автомобилям моторы ремонтирует! — Любаша сообщила свою новость так, будто эта новость была самой главной на свете. Она взяла сына на руки и, раскачивая, наговаривала ему, счастливо жмурясь: — Скоро наш папка комнату получит! Поедем к нему? А? Поедем, мой хороший?!

Вера в это время под села к Гале, неприкаянно сидевшей на лавке в углу и неловко прикрывавшей руками живот, обняла её и, не говоря ни слова, молча уставилась куда-то в одну точку, словно там, в воображаемой дали, увидела что-то необыкновенное.

Надёжка понимала, что надо сейчас сестру успокоить, отвлечь от дум по сыну, но не знала, что сказать; не могла и оставаться, молчанием усугубляя неловкость. Ушла она незаметно, трясаясь гнетущим чувством собственного бессии-

лия, когда знаешь, что надо помочь человеку в беде, но не ведаешь, как это сделать.

Наутро, собравшись на работу, увидела на крыльце Веру и испугалась: бледное, посиневшее от озноба лицо и мокрые воспалённые веки...

— Да ты замерзла здесь! — вырвалось у Надёжки, и она подхватила сестру под руки, заставляя встать; хотела отвести в избу, но Вера не пошла.

— На работу собралась? Пойдем вместе, уж давно тебя жду, — сказала она и, успокаивая себя, вытерла глаза, потом долго слезливо сморкалась и изредка всхлипывала.

До моста шли молча, а на выгоне Вера уткнулась сестре в плечо, захлебнулась рыданиями. Надёжка совсем растерялась, стала неловко гладить Веру по голове, приговаривая: «Хватит, успокойся и пожалей себя, ведь тебе девчонок надо растить...»

— Я сейчас, сейчас, — говорила Вера, но сама словно торопилась выплакаться, и рыдания рождались сами собой; от них на душе становилось как будто легче. Она вроде бы успокоилась, но через минуту снова скукожилась.

— Не знаю, что и делать с тобой! — прихлопнула руками Надёжка. — От твоих причитаний, думаешь, ему сладко там? Да оттого, что ты ревмя ревьешь, ему перед другими совестно. Если посчитать, там уж десятка два наших князевских мужиков обжились... Подожди, вот они ещё силу подкопят, да как все разом поднимутся! Сразу войне конец!..

Вера судорожно вздохнула:

— Так не бывает... С того света ещё никто не вернулся.

— А Фёдор вернётся! Он, может, и не погиб вовсе, а бумажку прислали по ошибке. Я б на твоём месте в военкомат сходила — пускай проверят! А то им легко бумажки-то рассылать!

Слушая сестру, Вера притихла, а потом опять тяжело вздохнула:

— Вижу нынешней ночью сон: Фёдор мой убитый в снегу лежит, а около него волк вертится, руку ему грызёт — наполовину отъел... Палку схватила, думаю: «Счас башку-то проломлю ему!» А только замахнулась, глядь, вместо волка ваш сосед стоит — Мишка Фокин! Упал Мишка передо мной на колени и плачет: «Не убивай меня, Вера. Я не по своему желанию. Послали. Служба у меня такая...» Как он сказал: «Не убивай меня!» — я будто и не спала. Так до утра больше и не заснула: только глаза закрою — волк опять снится...

— К Елизавете Фокиной сходи, поговори с ней. Может, их Мишка что-то написал про Фёдора, ведь Мишка-то, я слышала, в похоронной команде служит, — вздохнула и Надёж-

ка. — Их и на фронт призывали вместе... Сходи. Только говори с Елизаветой, а не с самим. Уж очень он злой на всю нашу родню.

— Сходила бы, да нельзя — слух по селу пойдёт, что Фёдор погиб, а мне молчать надо — как бы с Галей чего не случилось.

Чем больше они говорили в этот день о Фёдоре, тем чаще Надёжке вспоминался Павел. «А может, его и нет давно?!» — эта мысль застряла в голове, и пока ехали в поле за соломой, пока везли её, воюя с упрямыми быками, пока скидывали солому на скотном дворе, не расставалась с ней. От душевной неустроенности она чувствовала себя необыкновенно усталой, одинокой и не переставала думать о Павле. Она многое вспомнила из совместной жизни, и вспоминалось только хорошее, будто плохого и не было, а если и случалось, то не с ней, а с какой-то другой Надёжкой, совсем не похожей на неё, потому что сейчас она и представить не могла, что Павел мог когда-то обидеть. Он и не способен на такое!

Сгрузив солому, они распрягли быков, отвели в конюшню. Осенью кастрированные быки не слушались женщин, пригнув головы, крутили рогатыми лбами и зло смотрели на них тёмными слезящимися глазами; один из быков шумно вздыхал и вздыхал, словно укорял и жаловался на свою загубленную молодую жизнь.

По дороге домой Надёжка тоже начала рассказывать Вере о недавнем сне, в котором видела мужа огромным-преогромным, таким, что он запросто шагал от села к селу, наступая на избы, и она, обмерев от страха, спросила тогда у него: «Зачем же людей-то губишь?» — «А так легче шагать — в снегу не вязнешь!» — ответил Павел откуда-то из поднебесья. Надёжка хотела пристыдить его, но не успела — проснулась и лежала в постели, боясь пошевелиться... Заведя разговор о сне, ей хотелось узнать у сестры, к чему он, но Вера, до конца не дослушав, остановила, сердито сказав:

— Что ты всё выдумываешь?! То о яблоне, цветущей в декабре, полгода говорила, то у неё Павел выше неба стал! Думай, что мелешь-то!

Надёжке сделалось обидно, будто и не с сестрой поделилась. Расстались сухо. Были сумерки. Не спеша домой, она присела на крыльце, всматриваясь в череду телеграфных столбов вдоль большака и будто зная, что несколько минут назад Павел спустился с подножки вагона и вышел на этот самый большак, считая столбы на другом конце его.

Весь последний месяц Савин лежал в подмосковном госпитале и не думал, что так повезёт, хотя и было это везение

относительным. Он мечтал об отпуске, чтобы приехать в Князево с восходом солнца, когда бабы идут на наряд, чтобы все видели его, а не так вот по-воровски сбежать с поезда и радоваться наступлению сумерек. Ладно, он потерпит, часа за четыре доберётся до Князева, только бы нога не подвела, а там... Дух захватывало у Павла, что будет там, дома! С самого утра он жил этой мыслью, с того часа, когда, расставаясь с госпиталем, получил назначение, предписывавшее явиться в район города Раненбурга. Хотя предписание было не в свою часть, но слово «Раненбург» заворожило и обрадовало, потому что добираться туда надо через Хрущёво, а Хрущёво — это, считай, дом родной.

Замёрзнув в вагоне, Павел в пути быстро согрелся и ощущал на месте зажившей раны приятный ком тепла, отчего простреленная лодыжка перестала ныть. До Больших Полян он добрался, не заметив как, и только услышав у крайних изб звук деревянной колотушки сторожа, зашагал медленнее, прислушиваясь и невольно принюхиваясь к сельским запахам. Взятые его в кольцо голосистые дворняжки малопомалу успокоились, разбежались по дворам, а Павлу сделалось спокойнее от их набега, потому что собачьи голоса подтверждали, что здесь живут люди, они свои, и от этого уверенность на душе, свобода. В эти минуты Павел опасался одного: патрулей. Вдруг где стоит контрольно-пропускной пункт... А это, значит, проверка документов, вопросы, то да сё. В конце концов, завернут на станцию, а там особый отдел, опять расспросы, проверки... Не знал он, что уже полтора месяца прошло с того дня, как снимали в округе посты и перестал шевелиться военный люд. Одно слово — тыл.

На полпути, не доходя Сохи, Павел почувствовал, что раненая нога одеревенела, налилась болью. Поговорить бы сейчас, отвлечься, но словечка замолвить не с кем, и он невольно вспомнил земляка, с которым вместе направлялся в Раненбург. Солдатик тот, когда Павел подбивал его заглянуть домой, пугливо жмурился, тёр слезящиеся глаза и всю дорогу до Хрущёва упрямо мотал головой: «Начальство ругаться будет! За это, милоч, по голове не поглядят. Сейчас с этим строго!» Расставаясь с ним, Павел матюгнулся в душе, сделал по-своему, а теперь, хотя и донимала нога и поговорить было не с кем, не жалел об этом. Чего жалеть, когда по собственной воле соблазнился... На окраине Большого Села Павел не утерпел, не обращая внимания на окружавших собак, присел перед чьим-то домом на дровосек, чувствуя, как пульсирующая кровь ходит по ноге. Он на какое-то мгновение задремал и пробыл в приятном оцепенении совсем малое

время, в которое всё же успел увидеть сон. И снился ему последний бой и окопы на краю кладбища. Когда долбили окопы, то натолкнулись на человеческую мосолыжку. Хотели выковырнуть из земли, но она накрепко вмерзла, и чтобы не возиться, её скололи, но не ровно, и острая кость цепляла каждого пробирающегося окопом, словно мстила за нарушенный покой... Во время контратаки немцы захватили левый фланг окопов, спасаясь от гибели, Павел, уже раненый, прыгал на одной ноге, опираясь на винтовку, и вдруг зацепился винтовочным ремнём за торчащую костяшку. Не помня себя, с такой силой рванул винтовку, что вырвал из приклада антабку и успел скрыться за окопным изгибом, последним, перед которым немцы застряли. Под вечер их выбили, но Павел в это время был уже далеко — в полковом медсанбате, в двух километрах от рубежа обороны...

Он очнулся так же внезапно, как и задремал. Нога немного успокоилась, перестала ныть, только по-прежнему туго пульсировала кровь. Рассиживаться было некогда. Павел даже не зашел к Родину, хотя по дороге до Большого Села была мысль зайти, разузнать у его жены или отца, где воюет дружок. И увидь Павел свет в окнах, зашёл бы, но спящих тревожить не стал и скорее, скорее в Князево.

На последний крутой подъём перед селом Павел едва выбрался, а выбравшись — увидел тихие Отруба, большак, убегавший в низину, темнеющую вётами и вишенником родную усадьбу! Павел почувствовал, как подкатились слёзы, стало жарко. Он не помнил, как шёл по Князеву, как оказался у дома, тихо постучал в окно и замер в радостном ожидании, гадая, кто откроет дверь. Но открывать не спешили. Кто-то выбрался в сенцы, долго молча возился с задвижкой и не сразу спросил голосом Григория:

— Кого там носит?!

Павел задохнулся, услышав отца, попытался отозваться, но лишь что-то бессвязно пробормотал.

— Кто там?! — тревожно повторил Григорий.

— Ба... Ба... Ба-тя! — еле выговорил Павел и почувствовал, как слёзы залили лицо. Более он не мог выговорить ни слова, и когда Григорий распахнул дверь и повис у него на шее, то продолжал отрывисто всхлипывать, воспринимая отцовы объятия и поцелуи, словно незаслуженно обиженный ребёнок. После радостных слёз Павел чуток успокоился, а Григорий продолжал целовать его в щёки, заиндевелые усы и всё повторял:

— Пашка, Пашка — это ты?! Пашка! Ты где же, окаянный, пропадал-то, ой-ой...

Наталкиваясь друг на друга, неуклюже уступая дорогу, они вошли в избу, Григорий ощупкой зажѐг в кухне моргаску и, увидев сына на свету, опять обнял его, прижал к себе. Когда Надѐжка с Акулей соскочили с постелей, ошарашенно глядя на Павла, тоже попытались прильнуть к нему, старик не подпустил их, совсем замяв сына, а тот и не пытался освободиться из отцовых объятий. Только сейчас, в эту долгожданную минуту он понял, что такое дом, семья, родители. Отцово же внимание и вовсе всё в нём перевернуло, потому что он рассчитывал первой увидеть Надѐжку, потом расцеловаться с матерью и, поздоровавшись за руку, обняться с отцом. Вышло всё наоборот, и Григорий, не отпуская сына, напустился на Акулю:

— Мать, чего стоишь? Ошалела? Собирай поесть сыну! Ведь с дороги он!

Акуля обиженно посмотрела на мужа, но послушаться не посмела, ушла в кухню, а Григорий, моргнув снохе, спросил:

— А ты чего застыла?! Или муженьку не рада?

— Да мне и не подступиться к нему, — улыбнулась Надѐжка.

— На, забирай, — подтолкнул Григорий сына к снохе, а та шагнула навстречу, обвила шею тёплыми руками и, зажмурившись, несколько раз поцеловала, потом, заглядывая в глаза, начала снимать вещевой мешок, шинель, хотела и сапоги снять, но Павел не разрешил.

— Вот это я сам, — сказал он и, прихрамывая, прошѐл к лавке, тяжело сел, начал снимать обувь.

Надѐжка заметила хромоту и не удержалась, спросила:

— Опять нога мучает?

— Везучая она, — усмехнулся Павел, — в прошлую зиму сам топором рассадил, а в эту немчура постарался!

— Покажи...

— Да чего показывать-то... Вот сюда, в ляжку жигануло.

— В госпитале лежал? — спросил Григорий.

— Месяц провалялся.

— А чего не написал-то? Приехали бы, раз такое дело.

— Чего расписывать-то. Думал, после госпиталя отпуск дадут, хотел неожиданно заявиться... — Павел на полуслове осѐкся и после паузы продолжил: — Вот и явился! Ведь, признавайтесь, — не ждали?

— Как это не ждали! Ты чего говоришь-то! — повысил голос Григорий. — Мы эти полгода не знали, что и делать без тебя. Тут такое творилось... Это сейчас вроде утихло, а то...

— Хватит тебе! — перебила мужа Акуля. — Растакался, герой. Сперва расскажи сыну, как от ероплана в лесу прятался!

— А ты не встревай в мужской разговор! Ишь, разговори-лась. Паш, не слушай её — садись за стол.

— Сейчас, бать, — Павел поднялся с лавки, — только на ребят взгляну! — Он прошёл за перегородку, Надёжка заглянула в спальню с ним вместе, шепнула:

— Растут... Сашка о тебе часто вспоминает, говорит: «Как вырасту, пойду вместо бати воевать!»

— Боец! — улыбнулся Павел и поправил на сыновьях одеяла, наклонился, поцеловал и долго стоял перед ними на коленях, счастливо моргая.

Едва Павел сел к столу и взял ложку, Акуля подошла к сыну, обняла его сзади за плечи и начала целовать в макушку, приговаривая:

— Вот и мой черёд настал, вот и у меня ныне счастье...

— Хватит, хватит — навалилась! — проворчал Григорий, а Акуля отмахнулась:

— А я тебя и не слушаю! Мой сын, что хочу, то и делаю с ним!

— Ма, молочка принесла бы! — попросил Павел. — Корова-то, поди, отелилась?

Сразу все замолкли, а Акуля уткнулась в фартук.

— Ма, ты чего?

— Мы уж полгода без коровы живём... Пропала Зорька. В тот день, когда ты ушёл, пропала, — начала всхлипывать Акуля.

Павел посмотрел на жену, на отца и снова на мать.

— Сгуртом чым-то увязалась, — торопливо сказал Григорий, ни на кого не глядя. — Ты, должно быть, помнишь, в ту пору мы Зорьку-то в стадо не гоняли... Хромая она была. Да уж лучше бы погнали. Под моим присмотром никуда бы не делась, а эта вот, — Григорий кивнул на жену, — только в разговоры встревать умеет, а так ни на что иное не способна!

— Надо было догнать! — шумно вздохнул Павел. — Хромая она бы далеко не ушла.

— Догонял... До самых Столпцов бежал, да она в Проне утонула, когда гурт переправляли... Сказывают, не наша одна, — за всех говорил Григорий, и ему в эти минуты стало стыдно перед сыном, будто был виноват в пропаже Зорьки.

— Как же без коровы-то обходитесь?

— Вера помогает, нет-нет да принесёт горшок молока... Ребятам хватает.

— Вот что сделайте, — после долгой, напряжённой паузы подал голос Павел, — время не тяните, а сходите в Городище — там никогда телят не держат, — и посмотрел на жену. — Ты бы и сходила, поговорила с невесткой: либо у неё, либо у кого ещё

присмотрела тёлочку. Глядишь, выросла бы, сена-то года на два хватит, а там и война кончится, не вечно она будет греметь... А с Дмитрием бы я потом расплатился, не чужие, сочлись бы.

— Убили Дмитрия-то, — вздохнула Акуля, — ещё осенью убили.

— Опять встречаешь! — грозно глянул на жену Григорий. — Тебя просят нос совать? Просят, тебя спрашиваю?!

— А ты не кричи на меня! Умный какой. Сено лошадям потравил, а теперь учить начинает! У, бесстыжий!

— Мам, перестань! О каком сене говоришь? — спросил Павел.

— Которое в сарае лежало... Ведь у нас тут войска день и ночь шли. Постоем стояли, а он, — Акуля ткнула пальцем в сторону Григория, — лошадей полный двор напустил!

— По своей воле, да?! Военное время — никуда не денешься! — плюнул Григорий.

— Военное время! — передразнила Акуля. — Что-то сосед наш вместо кавалерии штаб у себя расселил... Елизавета рассказывала, что после штаба добра всякого осталось видимо-невидимо, одной говядины шестнадцать железных банок! А ты сальце последнее растащил — постояльцев кормил. О них казна позаботится, а о тебе — жрать будет нечего — никто не вспомнит!

Григорий сник от напора Акули, вжал плечи и изредка поглядывал на сына, ожидая от него защиты, но Павел не спешил принимать чью-то сторону. Больше того: известия о пропаже коровы и гибели Дмитрия, ругань родителей не особенно-то и вывели Павла из приподнятого настроения, жившего в нём последние часы, когда рвался домой. Сейчас Павел даже забыл о гудящей ноге и думал лишь об одном: как можно быстрее оказаться рядом с женой, и поэтому, чтобы не слушать бесконечный родительский спор, сказал примиренчески:

— Хватит вам ерепениться, давайте спать!

Он вышел из-за стола, начал раздеваться, и когда уж забрался под одеяло, попросил Акулю:

— Ма, разбуди завтра пораньше, а то на одну только ночь отпустили.

Акуля ничего не ответила, а Григорий заходил по избе туда-сюда.

— Как это на одну ночь? Нет такого закона, чтобы после госпиталя на одну ночь разрешали! Что они там, мать их, совсем сбесились! — забыв о разговоре с женой, начал бушевать старик. — Это кто ж такой закон выдумывает? У-у-х! — Григорий прислонился к перегородке, закрыл лицо руками, и плечи его часто затряслись, будто он смеялся.

Павел встал с постели, подошёл к отцу, обнял:

— Успокойся, батя, мне ещё повезло, что хоть на ночку отпустили, другим и этого не снится.

— Хорошо везенье: ночью ноги обивать!

— Домой ноги сами несут, а завтра, может, с кем подъеду...

Понимаешь ли подвезёт. Как он поживает?

Григорий перестал трястись, вытер глаза, вздохнул:

— Хорошо живёт, сам себе хозяин на бугре у церкви...

— От чего умер-то?

— Подстрелили...

Григорий начал рассказывать о Ксенофонте, и пока он говорил, Павел вернулся к Надёжке. Когда Григорий сказал, заканчивая рассказ: «Так что старик хорошо устроился!» — Павел отца почти не слушал, ощущая рядом Надёжку, и смиренно уставился в потолок, дожидаясь, когда отец наговорится. Когда же Григорий задул моргаску, они, дрожа и постанывая, сразу сцепились в объятиях, и не было в эти минуты силы, какая могла бы разъединить их. Одарив друг друга, они затихли, но почти сразу новая волна страсти овладела ими, заставив забыть обо всём на свете. Когда на минутку успокоились, на Павла навалилось неожиданное веселье, и, слегка похлопав жену по большому уж животу, он будто серьёзно спросил:

— Без меня, что ли, успела распухнуть?

Надёжка молчком ущипнула Павла за нос, словно сказала: «Вот тебе за такие слова!»

— Когда срок-то? — вырвавшись, по-прежнему насмешливо поинтересовался Павел.

— В марте, — шепнула она и опять ущипнула.

— Ты смотри, вроде мой! — фыркнул Павел и обнял жену, прижал к себе, загоревшись желанием навсегда раствориться в ней.

Это желание бушевало в нём до того часа, когда он услышал, как поднялась с постели мать, как она ощупкой долго одевалась, словно оттягивала нежеланную минуту, когда должна будить сына. А когда Акуля зажгла свёт и подошла к их постели, Павел уж сидел на кровати, обняв Надёжку.

— Вставай, сынок, — негромко и неохотно, будто её заставляли, сказала Акуля.

Павел встрепенулся, молча оделся и пошёл умываться. Заметив, что он припадает на раненую ногу, Григорий зашептал с печи:

— Паш, не ходи сегодня... Погодил бы. А не то, хочешь, вместе пойдём. Я начальству твоему в глаза наплюю. Чтобы больного раньше времени из госпиталя не вышвыривали!

— Никто меня не вышвыривал, — отмахнулся Павел. — Ныне всех так — некогда по койкам разлёживаться.

Продолжая ворчать, Григорий нехотя слез с печи, сел на пристопку, поджав босые ноги.

— Оделся бы! — пристыдила Акуля. — Мотнёй-то воняешь!

— Пошла ты... — отмахнулся Григорий. — Без тебя тошно...

Проводы были суматошными. Акуля лишь успела разогреть в печи оставшуюся с вечера сковородку с жареной картошкой да разлить по кружкам чуть тёплый чай. Павел же почти не ел и не пил, хотя старались для него. Выйдя из-за стола, он заглянул к сыновьям и долго смотрел на них, освещая лица моргаской.

— Надёжк, разбуди их, — подсказал Григорий, — пусть на отца поглядят!

— Не надо, — остановил Павел жену. — Спросонья они всё равно ничего не поймут, только перепугаются.

Павел поцеловал спящих сынов, выйдя из спальни, начал одеваться. В этот момент все застыли, боясь некстати обронёнными словами нарушить злую и необъятную тишину. Павел чувствовал на себе взгляды жены и родителей и боялся поднять глаза, неожиданно налившиеся слезами. Сейчас ему более всего не хотелось показывать их, словно оттого — увидят их или нет — зависела его дальнейшая судьба. Торопливо поцеловав мать с отцом, Павел обнял Надёжку, прижался к ней. Чувствуя, как новая волна горечи сжимает горло, Павел подхватил вешевой мешок и вышел в сени, хрустнув промёрзшей за ночь дверью. За ним вышли Надёжка и Григорий, ощупкой дошли до крыльца, но Павел завернул их в избу, торопливо выбрался на большак. Ему хотелось в эту минуту оглянуться, крикнуть что-нибудь провожающим, потому что он знал, что они настырно стоят на крыльце, но не оглянувшись, прибавил шагу, стараясь поскорее слиться с темнотой.

Только выйдя за Князево, Павел стал приходить в себя, слово за словом вспоминать разговоры, жесты, взгляды семейных. Начал по-настоящему осознавать и пропажу коровы, и гибель Дмитрия, и всю жизнь семьи за прошедшие полгода. В сознании рождались мысли о том, как лучше прожить домочадцам, мучило сожаление, что ничего не успел сказать, как-то помочь им. Он был готов сейчас надавать советов по всякому поводу, но всё дальше и дальше уходил от дома, а сердце болело всё больше от сознания того, что не знал, когда вернётся или хотя бы заглянет в Князево, и вернется ли вообще. Но о смерти Павлу сейчас думать не хотелось, он не боялся её, наверное потому, что уже полгода ходил

с ней в обнимку. За этими мыслями не заметил, как миновал Мосток и Большое Село. Только когда подошёл к Сохе и увидел в зыбком рассвете выезжавшие из-за разоренного дервизовского двorca розвальни, мысли его перестроились на армейский лад. Выехав на большак, возница остановил унылую лошадь, кивнул:

— Прыгай, солдат! Должно быть, на станцию с утра пораньше чешешь?

— Туда, — отозвался Павел непослушными от мороза губами.

Бородатый возница принялся расспрашивать Павла о фронте, о том, откуда он идёт и куда. Павел что-то отвечал, что-то сам спрашивал, всё глубже закапываясь в солому, чувствуя, как душу и тело одолевает непобедимый сон.

Ещё неделю назад Катя Пономарёва услышала кем-то пущенный по селу слух о Фёдоре Виноградове, а раз так, то теперь Галю ничто не удерживало в чужом доме, пусть возвращается. А обида? Чего ж её помнить. Если бы все помнили свои обиды, то тогда бы и жить не стоило. Разве ж без обид этих окаянных обойдёшься! Как поругались, так и помириться можно. Живые люди. Надо только кому-то сделать первый шаг.

Катя понимала, что легко вернуть дочь не удастся, и поэтому, наверное, стоя перед чужим окном, она чувствовала неприятную дрожь во всём теле. На стук вышла Люба. Она, немного приоткрыв дверь и увидев у крыльца Пономарёву, сразу прикрыла дверь, оставив небольшую щель.

— Что вам надо? — спросила сухо.

— Позови Галю.

— Зачем?

— Значит, нужна. Я ей мать всё-таки!

Люба закрыла дверь на задвижку и ушла. Из избы долго никто не выходил. Наконец Катя услышала, что кто-то вошёл в сени. В щель выглянула насупленная дочь.

— Зачем пришла? — спросила она. — Тебя никто не звал!

— Прости, доченька... Нету сил одной жить. Целыми ночами не сплю — о тебе думаю... Ведь ты теперь тоже одна. Фёдора-то, говорят, убили...

— Как это убили?! — ойкнула Галя. — Ты чего говоришь-то?!

— Погиб он, погиб — точно знаю!

— Врёшь! Уходи. Если бы погиб, то извещение пришло. Уходи, кому говорят! — Галя захлопнула дверь, не помня себя, вернулась в избу и, не зная: верить или не верить матери,

осела на лавку. Гале не хотелось плакать, она заставляла себя забыть услышанное, будто мать ничего и не говорила, но слёзы полились сами собой. Люба присела рядом, начала успокаивать, а выглянувшая из кухни Вера поинтересовалась, плохо скрывая тревогу:

— Мать приходила? Чего она наплела-то?

— Про Фёдора... Будто убили его...

— Она ещё не то нагородит, — будто безразлично отозвалась Вера и, чтобы не выдать своего волнения, схватила подвернувшееся под руки ведро, вышла в сенцы. Заметив на крыльце Пономарёву, замахнулась на неё:

— Уходи, змея! Всю голову расшибу!

Бросив ведро в сенях, Вера выбежала во двор, не в силах смотреть на Пономарёву, будто та была виновата в гибели сына, подцепила пригоршню свежего снега и терла им лицо, не позволяя себе раскиснуть. Ей не хотелось, чтобы Галя что-нибудь заподозрила... Только когда мороз защипал щёки, Вера вернулась в избу и, будто ничего не случилось, сказала:

— Садитесь, девки, завтракать.

Катя Пономарёва в это время уже сидела на своём крыльце, не зная, что делать. Ей сделалось обидно и стыдно. Она ругала себя за то, что пошла к дочери, хотя была почти уверена, что ничего из этого не получится.

«Зачем только стелилась?! Да и Галя хороша! Не могла человечески поговорить, а ведь мать-то ещё не раз в жизни пригодится. Подожди, — мстительно думала Пономарёва, — если Зинка-почтальонша не наврала, то ещё вспомнишь о матери-то, вспо-омнишь!» Думать-то Катя думала, да только не копила особого зла на дочь. Кате словно кто-то нашёптывал, постоянно наговаривал, что дочь не виновата ни в чём. Не умри у неё отец, не побей она её в детстве, не будь дочь горбатенькой, глядишь, и жизнь-то у них по-другому сложилась. А теперь, как ни охаживай, — обиду не вытравить. Это на всю жизнь теперь.

Мысли, мысли. Некуда от них деться. Они давили, мешали глубоко вздохнуть и сдвинуться с места. Уж почти все бабы прошли на наряд; кое-кто из них окликал, но Пономарёва не отзывалась. Когда совсем рассвело, она, не заходя в дом, отправилась в Пронск, подгоняемая неожиданно пришедшей мыслью. Единственной, среди сотен, живших в ней в это утро, мелькнувшей случайно, но сразу пришедшейся по душе, и она стала лелеять её, всё больше и больше проникаться ею и теперь, когда ноги несли и несли, мысль эта звенела в ней, а душа захлебывалась неожиданной радостью. «На фронт, на фронт, на фронт!» — стучало в мозгу, и это решение сразу всё

затмило: и обиду на дочь, и семейную неустроенность последних лет, и нелюбовь баб, словно она, Катя Пономарёва, у каждой из них отбила по несколько мужей.

Усатый пожилой лейтенант — дежурный по военкомату — выслушав Пономарёву, рассмеялся:

— Значит, говорите, пулеметчицей хотите воевать? Как чапаевская Анка?

— Ага! — согласилась Катя. — Хочу, как она!

— Только пулемёт-то тяжёлый, душа моя, — усмехнулся лейтенант, — с ним ведь натаскаешься.

— А я на тачанке буду ездить!

— Прости те времена, душа моя, прошли, — лейтенант о чём-то задумался, посерьёзней: — А семью-то не жаль бросать?

— Нет у меня семьи... Одна я! — ответила Катя с вызовом.

Лейтенант ещё хотел что-то спросить, но раздумал, сказал:

— О пулемёте, бабонька, и не думай, а если желаешь на фронт, то можем направить на курсы санинструкторов. Решай.

— А чего решать, когда решено. Записывай!

— Да ты погоди... Сначала тебе надо с военным комиссаром поговорить. Уж он и решит, что с тобой делать.

Через полчаса Катя вышла из военкомата с повесткой. Ещё через полчаса была в Князеве, собрала в узелок кое-что из белья, переловила во дворе пяток кур и отнесла их соседке Марфе, вторую неделю сидевшей дома с радикулитом.

— Вот накось, соседка, тебе моих курей: хочешь сразу их съешь, а хочешь — попозже. Мне всё равно, потому как на фронт ухажу, воевать!

По-старушечьи сложив руки на груди, Марфа слушала соседку и ничего не понимала. «Куры», «фронт», «повестка» — всё смешалось в её голове, забитой в последнее время одной мыслью: чем бы детей накормить! Катя поставила на пол корзину с курами, обняла Марфу, сидевшую на лавке с закутанной поясницей, потрепала по голове ребятишек, гроздью свесившихся с печки, — и на выход. Из сеней вернулась, сказала:

— Ключ тебе оставляю от дома... Там в подполе мешка два картошки лежит — тоже возьми её себе. Сгодится.

Марфа моргала и не знала, что сказать, а Кате некогда было дожидаться её слов, да и не особо они нужны были в эту минуту. Надо спешить. У дома Виноградовых Катя всё же приостановилась, хотела зайти попрощаться с дочерью, но вдруг навалившаяся гордыня погнала дальше, гнала без ос-

тановки, и только поднявшись из Князева на самый бугор к расставанным вёслам, Пономарёва оглянулась, утёрла глаза, зная, что теперь надо идти только вперёд.

А перед самым Пронском вспомнила, что забыла сказать соседке о муке в чулане. Хоть и муки-то чуток — полпуда, а всё пригодилась бы. «Ну, ничего — додумается Марфа, заглянет в чулан», — успокаивала себя Катя и не могла предположить, что соседка через час после её ухода пойдёт к Виноградовым.

Целый час она соображала, почему Пономарева отдала ключ от дома не дочери, а ей. Ну, поругались, бывает, так ведь и помирятся когда-нибудь, а она, Марфа, потом глазами хлопай.

— Вот накость возьми, — сказала Марфа Вере, передавая ключ, зайдя как обычно к соседям без стука. — Гале отдай, а то мать её сегодня мне всё оставила и на фронт ушла... И кур заодно заберите! Мне их кормить нечем.

— Ох, ох, — покачала Вера головой, — не вовремя ты пришла. Галя-то вон рожает... А о ключе от чужого дома и слушать не хочу!

— А мне что же делать — мне тоже чужого не надо!

— Поступай, как знаешь, а мне некогда сейчас... Елизавета заболела, приходится самим управляться.

Вера давно ждала день, когда Галя надумает рожать, решив, что роды будут трудными, ведь на Галю в последние месяцы страшно смотреть: маленькая, сухая, горбик выпирает из-под цветного полушалка, повисшего на острых, высоких плечиках. Где же ей, заморышу этому, взять сил великих, которых и у здоровых баб не всегда хватает, а если и хватает, то как раз только на то, чтобы все их отдать при родах дитю своему... Переживала Вера, как оказалось, зря. То ли срок подошёл, то ли мать взбудоражила, но едва она ушла, как Галя испуганным зверьком забилась в тёмный угол кухни и от боли, тугим узлом скрутившей живот, боялась шепнуть лишнее слово. Было собравшись на работу, Вера вернулась в дом, когда Люба окликнула её с крыльца и тихо, словно что-то запретное, сказала:

— У Гали схватки начались.

К полудню Галя родила мальчика. Приняв новорожденного, Вера ни с того, ни с сего разрыдалась, а Галя, будто знала причину слёз свекрови, сказала, стесняясь взглянуть ей в глаза:

— Не плачь, мам! Фёдор живой, вот увидишь! — и заплакала сама, прикусив губу и уставившись неморгающими глазами в потолок.

— Да я не плачу, дочка. Это так что-то не ко времени вспомнилось... Чего же сейчас плакать — радоваться надо, что внучок у меня теперь есть и сама ты жива-здорова.

Не знала Катя Пономарёва, что и она в этот день стала бабушкой. Иначе зашла бы к дочери — простилась и на внучонка взглянула, благо и случай подходящий выдался: этим же днём после обеда отправили её из военкомата на попутных райповских розвальнях до станции, а оттуда Кате предстояло ехать в Рязань. Когда розвальни спустились в Князево и, миновав мост, поднялись к усадьбе Виноградовых, Катя хотела попросить возницу, молодого парнишку с вылезавшими из-под шапки вихрами, чтобы он остановил мерина, хотя бы на минутку... Но нет — взыграла давешняя гордыня, и, словно в наказание за это, Катя никого не увидела на всём порядке. Только когда уж стали спускаться к следующему мосту, она заметила Григория Савина, тащившего что-то в ведре. Увидев мерина Ксенофонта Михайловича, тот остановился.

— Прощай, старик! — крикнула Пономарёва Григорию и засмеялась, захлопала в ладоши, будто ехала с праздника или на праздник.

— Ты её, малый, кнутом перетяни, кобылу эту, — крикнул Григорий вознице и, матюгнувшись, высыпал землю из ведра в снег, поковырял землю ногой, ища в ней случайно завалявшуюся картофелину, но в мусорной земле попадалась только гниль.

В подпол Григорий попал случайно. После отъезда Павла он всё утро ходил сам не свой, не зная чем заняться. Когда в обед Акуля натёрла редьки, он накричал на жену и заставил лезть в подпол за хреном, а она не нашла его. Выгнав жену из подполья, Григорий полез сам, чего сроду не делал, и, спустившись по лесенке, обомлел... Даже в самые неурожайные годы в подполе к этому времени от стены до стены крутой горюшкой лежала картошка, а сейчас только пологая кучурочка в одном углу горбатилась... Как ошпаренный, Григорий выглянул из подпола, крикнул Акуле:

— Поди сюда, мать твою в кривую ногу!.. Куда картошь дела? А? Куда, спрашиваю? Не слышишь?!

— Поели... Куда же ей больше деться.

— Поели, говоришь! Ну, я тебе сейчас...

Акуля знала, что за этими словами последует, и, не дожидаясь, когда Григорий выберется из подпола, раздетая выскочила из избы и побежала к Фокиным, с улицы услышав, как закричали в избе ребятишки. Оглянувшись, Акуля увидела, как Григорий с чапельником наперевес слетел следом

за ней с крыльца, застрял в сугробе, но, как сохатый выкидывая ноги, начал молотить ими по целине. Сразу душа обмерла, и она почувствовала, что ноги сделались ватными. Акуля только-только поднялась к Фокиным на крыльцо и погромела вертушкой на двери, как в этот момент Григорий настиг её и молча замахнулся... Она обхватила голову, осела у двери, а Григорий, на секунду задержавшись, с такой силой и досадой хряпнул по периле крыльца, что ореховый чашельник хрупнул, как сухарь. Бросив обломки в снег и запоздало сожалея, что не побил жену, Григорий рявкнул:

— Домой не являйся — убью курву!

В избе он прикрикнул на рассопливившихся внучат, загнал их на печку и полез в подпол. Видя, что дед на них не обращает внимания, а бабушки всё нет и нет, Сашка решил припугнуть деда.

— Сиди там, сиди, — сложив руки у рта, крикнул он в подполье, — сейчас домовый намнёт бока, узнаешь, как драться! Где бабка? Убил?!

Григорий ничего не ответил, но с такой злостью глянул из подпола на внука, что тот испуганно обнял Бориску и забился в дальний угол. Григорий же, очистив угол в подполье, стал перебирать картошку и насчитал девять ведер. Полтора мешка! Это всё, что осталось до весны на всю семью, не считая того, что картошка ещё понадобится для посадки, но это, правда, другой счёт. Теперь, как хочешь, так и живи, чем хочешь, тем и кормись. Пока Григорий очищал подпол от гнилья и мусора, то не мог предположить, куда же могла подеваться картошка? Он хорошо помнил: с осени её куда с добром было! Коровы нет, поросёнка закололи рано — так куда же делась-то? Куда?

Об этом он и спросил Надёжку, когда та пришла от сестры.

— Откуда же мне знать, папань. Не я в доме хозяйка... Где маманька-то?

— Её дед убил! — крикнул с печки Сашка. — Кочергой!

— Ты что, папань? — прижав руки к груди, осторожно взглянула Надёжка на свёкра.

— У Фокиных она... — не сразу ответил Григорий. — Поди, приведи её — нашла родственничков.

Надёжка — к дверям, а Сашка рёв поднял: «Возьми с собой!» Стала его одевать, а рядом Бориска сопит — опорки деловы надевает.

— Куда мне с вами?! — вздохнула она. — Сидите тогда оба дома. Я быстро сбегая... Папань, посмотри за ними.

Не дожидаясь, когда дед займётся внуками, она выбежала на улицу и, не выходя на большак, тропинкой заторопилась

к Фокиным. Открыли ей не сразу. Фокинская сноха сначала негромко окликнула «Кого Бог несет?» — а потом, узнав соседку, чуть-чуть приоткрыла дверь.

— Маманька у вас? — решительно спросила Надёжка и, не дожидаясь, когда дверь распахнётся полностью, толкнула её.

Василиса в сенях отстала и зашла в избу следом за соседкой, а та, увидав лежавшего на печи хозяина, сразу сникла. Елизавета, сидевшая у печки с замотанным тряпками ухом, сучила шерсть и Надёжку встретила насупленно. Молчала и притулившаяся рядом Акуля. По-сиротски вставшая в стороне Василиса тяжело вздохнула. Её провалившиеся серые глаза грустно смотрели куда-то вдаль, а сама она, видимо, думала о чём-то грустном, и дума эта была такой важной, единственной, что, казалось, фокинскую сноху ничего не интересовало в этом мире.

— Пойдём, мамань, домой, — сказала Надёжка свекрови и услышала свой голос будто со стороны, и показался он слишком громким в насторожённой фокинской избе.

— Дак отец ругается... — ответила Акуля, не поднимаясь с лавки. — Убить грозился...

— Он всю жизнь грозитя. Теперь и не жить, что ли? Пошли!

Акуля нехотя встала и нехотя затрюкала к двери.

— Куда же ты, раздетая! — остановила ее Надёжка.

— Некогда было одеваться...

Надёжка сняла с себя фуфайку:

— Накинь, а я так добегу.

— Своим животом, девка, только бегать, — вздохнула Акуля, но фуфайку взяла и, остановившись у порога, добавила, обращаясь к хозяйкам: — Спасибо вам, Тимофей Кузьмич и Елизавета Андреевна, что не дали замёрзнуть... Что ж с моим дураком сделаешь?! Видно, до смерти надо этот крест нести.

— Он не на меня нарвался, — подал с печи голос Фокин, — я б его в кутузку живо стащил! До чего дошёл — над женщиной измываться!

Акуля вздохнула, плаксиво пожаловалась:

— Его не перекроишь!

Вернувшись же в дом, грозно сказала Григорию:

— Собирайся!

— Куда это?

— Под арест! Тимофей Кузьмич, дай ему бог здоровья, милиционеру вызвал.

— Вот приедет, тогда и... — попытался Григорий отговориться, но не договорил, согнулся, пытаясь увернуться от

Акули, забравшейся на приступку и начавшей дубасить кулаком по мягкой спине. Григорий стеснительно кряхтел и вяло отмахивался, повторяя: «Сдурела? Совсем баба сдурела!»

— Ну, хватит вам! — прикрикнула на стариков Надёжка, и Акуля, словно ждала её окрика, опустилась с приступки, села на лавку и укрыла лицо фартуком и долго беззвучно вздрагивала плечами, и никто не решался её успокоить. Только Сашка подошёл тихонько и начал гладить бабушку по голове, словно был во всём виноват.

Когда стемнело и, как обычно, собрались ужинать, Акуля сказала всем, но ни на кого не глядя:

— Кормить мне вас нечем... Дед всю зиму войско снабжал, теперь пускай о нас заботится. Он хозяин!

От Акулиных слов Григорий почувствовал, как задукало в висках. Он затрясся всем телом, сжал кулаки, будто перед ним стояла не Акуля, а Фокин или кто-то страшнее Фокина и ненавистней. От великого негодования не нашёл и единого слова, чтобы ответить. Лишь сделалось нестерпимо обидно, словно его упрекнули в чём-то ужасном и незаслуженном. «Получается, я во всё виноват. Всё раздал, оголодал семью! Может, я и войну на вас послал?!» — допрашивал себя Григорий и теперь только, после Акулиных слов, понял, что не надо бы слишком наседавать на жену, хотя вновь и вновь не давал покоя вопрос: «А вы-то куда же смотрели, если я росомахой оказался? Когда я по три чугуна картошки раздавал за день раненым, о чём вы думали?! На меня надеялись: старик зарабатывает! Всё. Теперь с меня ничего не возьмёте. Живите, как хотите, раз такое дело. Хотел как лучше, а получилось вон как. Я же и виноват!»

На следующий день Григорий подсчитал всё съестное. В доме оставалось пол-окорока ветчины, полбочки солёных огурцов, ушат опят и четыре пуда муки, из них пуд пшеничной, но хуже всего было с картошкой... После ревизии Григорий целую неделю просидел на печке, ни с кем не разговаривая. Он почти не ел и вел себя так, что будто и не было его в избе. Неизвестно, сколько бы ещё он просидел на печке, если не разгулявшееся однажды солнышко, светившее с самого утра, и утро в этот день показалось по-весеннему ранним. Солнце запросто гуляло по избе, заглядывало в тёмные углы, грело стены, стол, лавки. Кошка, которую никто в последний месяц-два не замечал и не знал, жива ли она, пригрелась в солнечном луче и принялась «намывать» гостей. Глядя на неё, Сашка с Бориской перебрались с лавок на пол, ползали вокруг кошки, а она, словно для детей своих, начинала что-то мурлыкать им, наверное, интересное, но непонятное.

Бориска дёрнул кошку за хвост, и она, обиженно зашипев, нырнула за печку. Бориска, получив от брата подзатыльник, немного поплакал, но когда Григорий зачем-то слез с печи, вспомнил о дедушке, подошёл к нему и ткнулся лбом в колено.

— Что, брат, обижают? — приласкал внука Григорий — и к старшему: — Узнай, сбегай на улицу, весна, что ли, пришла?

Забывший за последнюю неделю, как говорит дед, Сашка удивлённо посмотрел на него и радостно заморгал, но ответил грубо, будто вспомнил какую-то обиду:

— Как слепой — сам не видишь?!

— Благодарствую, внучок... Ремнём бы по тебе пройтись за такой ответ! Где бабка?

— На пруд ушла. Твои штаны полоскать...

Григорий хотел надрать Сашке ухо, но тот вовремя увернулся, убежал за печку и начал оттуда дразнить:

— Не поймаешь, не поймаешь...

— Нужен ты мне, дристан! — матюгнулся Григорий и начал одеваться.

Ещё позавчера он решил сходить в Пронск. Старик надеялся найти покупателя на оставшееся сено или обменять сено на картошку... И ещё была причина, из-за которой он рвался в город: так зима надоела, особенно в последние дни, так она придушила тяготящим однообразием, что ему куда бы никуда отправиться, лишь бы не видеть молчаливую жену да и сноху — тоже. Пока ходила на работу, вроде бы не мешала, а теперь, перед родами, как бельмо на глазу. «Нет бы к сестре сходить, так она день-деньской в спальне, как чумная, сидит. Чего-то вяжет да штопает. Это ладно — при деле, а чего вздыхать-то? Чего? На душе невесело? Так, поди, не у тебя одной. Я вот что-то не вздыхаю, а ох как надо бы вздыхать-то, ох как надо!» — думал Григорий, торопливо собираясь, спеша уйти до возвращения Акули.

Успел, и это ещё более ободрило, налило душу забытой радостью вольного житья, хотя на улице весной и не пахло, но зато солнце, солнце-то какое! Аж руке жарко, как припекает! На всём порядке ни души, и, оттого что не с кем оказалось перекинуться словечком, душу Григория заполонила весёлая злость. И когда, уже за мостом, увидел у крайнего двора Кривошеевых выглянувшую из сеней бабу, то крикнул ей:

— Стоишь, хлебальник разинула, а за двором пламя гуляет! Горишь, глупая!

Баба охнула, бросилась в сенцы, а Григорий, неожиданно развеселившись, как молодой, бодро зашагал к расставанному вётлам. Вышел наверх... и дух захватило от света и бе-

лизны искрящихся снегов. А тишина, тишина-то какая! Не верилось, что где-то стреляют, рвутся бомбы и стонут раненые. Здесь же даже саней не видно и путника никакого, словно вымерло всё живое или спит тяжёлым угарным сном.

Григорий не знал, куда и к кому идти. Старики поумирали, кто помоложе — на фронте. Только дойдя до Пронска, вспомнил о Затеихе — старинной вдовице, у которой не раз останавливался в былые годы, иногда с друзьями. Как её звали по-настоящему, Григорий не знал и тогда, кажется, Шурой или Клавой, — каждый называла, как хотел, — она на всякое имя отзывалась. Для них тогда не это было главное, а то, что примет и днём, и ночью, напоит, накормит, спать уложит, а, если есть желание, то и сама рядышком ляжет. Уж такая выдумщица: то так повернётся, бывало, то эдак, словом — затейница, каких свет не видел, не баба, а сплошное удовольствие. А утром-то денежку за ночевку возьмёт так махерно, будто денежку эту в долг давала, стопочку на дорогу нальёт — как тут не вспомнить человека добрым словом!

Мимо пустынного базара Григорий спустился большаком под гору, хотел пройти к знакомому дому напрямик, да тропинки не оказалось, как прежде, и пришлось ломиться в обход, снизу. К дому подошёл, а он, будто и нежилой. Стукнул Григорий бадиком по стеклу, потоптался перед окнами да собрался поворачиваться, как дверь неслышно отворилась, и два любопытных карих глаза засветились в полумраке, и раздался заветный голосок:

— Кто это? Никак Григорий Тимофеевич!

От знакомого голоса Григорий сразу повеселел — не зря шёл! — и, будто сбросив десятка два лет, задиристо топнул:

— Растворяй ворота, Затеиха. Век тебя не видать!

Григорий думал, что встретит её прежнюю: грудастую, золотокудрую, а она за последние годы постарела, нос стал почему-то курносым, да и сама опала: и с лица, и с тела — старуха старухой. Но виду Григорий не подал — знал, что и он хорош хрыч, поэтому разговор начал серьёзно:

— Шёл вот мимо... Дай, думаю, забегу по старой памяти, — говорил он немного виновато, ступая следом за хозяйкой в дом. — Второй день по Пронску шастаю, — продолжал говорить в доме, неторопливо раздеваясь, — а покупателя на сено всё не найду... Да и то сказать, какие в нынешнее время покупатели?

— С каких это пор стал сеном-то заниматься? — спросила Затеиха между прочим, вешая одежду гостя в шкафчик у входа, и так поглядывала на Григория, будто век живого мужика не видывала.

— Недавно... — нахмурился Григорий. — Корова у меня осенью похитилась... С чьим-то гуртом увязалась и утонула в Проне около Столпцов...

— Плохо без коровы в такое время, — вздохнула Затеиха и, пока Григорий жаловался на горькое житьё-бытьё, успела поставить на стол графинчик, а к нему небогатую закуску: грибки, огурчики и сальце, тонкими ломтиками нарезанное.

Увидев графинчик, Григорий начал глотать слюну и перестал говорить. Он даже забыл, зачем пришёл в этот дом, будто оставил все заботы где-то далеко отсюда, а где — и сам не помнил. Да и что помнить о них, когда без забот этих, ох, как хорошо, оказывается, жить. Благодать, да и только... И разговоры-то пошли, как в прежние времена, когда Григорий был не чета себе нынешнему. Выпив лафитничик, он начал счастливо жмуриться, удивлённо поглядывать на хозяйку, а та, невольно проникаясь его чувственным взглядом, тоже смотрела на него по-особенному и, наверное, волнуясь, тербила седоватую кудельку у виска. Говорила при этом мягко, вкрадчиво, хотя и в прежние времена не отличалась грубостью в разговоре. Когда Григорий выпил второй лафитничик, Затеиха под села к гостю, будто ненароком навалилась, а Григорий, скрывая неожиданное смущение, налил ещё и выпил так решительно, будто уничтожил лютого врага. А Затеиха наступала, и Григорий, чтобы хоть как-то скрыть нерешительность, спросил таким тоном, будто она сама завела разговор о сене:

— Ты уж, барышня-госпожа, договаривай... Договаривай насчёт сена-то! Быть может, кого имеешь в виду или ещё что?

— А что мне твоё сено, — вздохнула Затеиха, — когда холод души сковывает и не к кому головушку прислонить.

— Значит, дровами бедствуешь? — оживился Григорий. — Так сразу бы и говорила! А то молодуха нашлась какая — холодно ей! Да мы тебя сейчас... — и Григорий шуточно обнял Затеиху, прижал к себе, а та, будто вырываясь, начала стыдить:

— Ну, что вы в самом деле, Григорий Тимофеевич? Не озоруйте! Баловник какой... Это вам не идёт. В ваших годах мужчины солидными бывают, а вы как... ну, этакий... — Затеиха не договорила, рассмеялась и прошлась по комнате, оглядывая себя.

Пока она, как молодуха, вертелась перед зеркалом, Григорий налил себе ещё, и в его движениях появилась хозяйская уверенность. Теперь он не думал о том, что, быть может, что-то делает не так, перестал стесняться, словно вспомнил, что не то это место, где могут упрекнуть в чём-нибудь. Здесь всяк на всё горазд!

— Холодно! — повторила Затеиха и, передёрнув плечами, насмешливо посмотрела на гостя. — И дров привезти некому. Раньше-то, когда помоложе была, ваши князевцы дровами-то завалят, а нынче всё, шабаш, забыли все обо мне. Вспомнил сегодня один, да и то никакого проку.

Если бы Затеиха после этих слов не рассмеялась, не посмотрела на Григория презренно, он бы пропустил её слова мимо ушей, а то так сделалось обидно — хоть плачь. И вместе с обидой пришло всегдашнее желание насолить обидчику, чтобы он, Григорий, смеялся последним, а не какая-то задрипанная Затеиха!

— Так ты о дровах-то серьёзно говоришь? — спросил Григорий, как ни в чём не бывало.

— А чего же мне шутить. Был смех и весь вышел. Замерзать никому не хочется.

— Сколько же тебе дров-то надо? Воз или два?

— Да и воза бы хватило — скоро весна, — сказала Затеиха так, будто дрова и не нужны были.

— В этом мы можем помочь, — обнадёжил Григорий. — У меня сосед в объездчиках служит. Мы с ними душа в душу... Только скажи — на другой день самые лучшие дрова будут! Ясенёвые! А может, сегодня привезти?

— Да уж ладно, скорый нашёлся, — усмехнулась она. — Был бы такой во всём шустрый. К концу недели привезёшь, и на том спасибо.

— Вот и хорошо, — стал собираться Григорий, словно तोпился выполнить обещание, но у порога замялся. — Только это... Сама понимаешь, на сухую ничего не выйдет.

— Григорий Тимофеевич, так вы же угостились!

— Ты уж, барышня-госпожа, не обижай, когда и так кругом одни обиды, только мне и с собой надо дать.

— Когда дрова будут, тогда и рассчитаюсь.

— Это-то всё понятно... Объездчик хоть и сосед, а, сама понимаешь, без этого дела к нему не подойти.

— Ой-ё-ёй, — запричитала Затеиха, направляясь в кухню, и вынесла бутылку. — На, что с тобой поделаешь — не замерзать же.

В Князево Григорий возвращался счастливый. Он не знал, что за счастье привалило, и не хотел знать, потому что, когда ковылял домой, солнышко ещё немного грело и наполняло душу радостью. Выйдя за Пушкарскую, Григорий достал из-за полшубка Затеихин подарок, приложился к горлышку, а когда дошёл до расставанных вётел, то и вовсе остановился, припал к наклонному стволу и долго стоял, поглядывая сверху на Князево и оглядывая его порядки, Барский сад за селом,

выглядывавшую из-за чёрных лип красноватую церковь. Незаметно тени удлиннились, побежали вдоль пустынного большака, а Григорий всё стоял и стоял, опоражнивая бутылку и чувствуя, как всё больше и больше разрастается мир, как становится он пугающе большим, громоздким и начинает двоиться. Всё вокруг раздвоилось, даже большак, и когда Григорию надоело смотреть на эту несурзаицу, неизвестно почему пришедшую к нему, он оттолкнулся от ветлы, заковылял домой, выбрав из двух дорог одну, более наезженную...

Возвращаясь, не хотел ругаться, но, едва ввалился в избу, само собой вырвалось:

— Мать, приготовь-ка ножи — точить буду...

Акуля промолчала, и её молчание показалось Григорию необычным. Он не знал, что ещё сказать, чем припугнуть, и, скинув у порога полушубок, в валенках полез на печь... Не разувался он три дня и три ночи, найдя это очень удобным: когда идёшь во двор, не надо обуваться, но на четвёртый день Григорий всё-таки валенки снял и, улучив момент, когда Акуля куда-то ушла, вымыл в тазу ноги; захотелось и самому помыться, но воды в чугуне не хватило бы... Он снова залез на печь и спустился только ночью, когда все улеглись спать, и съел несколько картофелин, оставленных Сашкой домовому.

Первое время Григорий считал, сколько дней прожил так, но вскоре считать перестал, найдя в неведении неожиданную радость. Правда, однажды его, занятого мыслями о переустройстве мира, отвлекли, а мечтал Григорий о таком времени, когда все люди будут жить мирно. Чтобы не страдали родители за детей, а дети за родителей своих, чтобы вообще не было страданий. «Вот, спрашивается, зачем я по чужим дворам, бывало, шастал, чего не хватало? Выпивки? Так её чем больше, тем больше надо... Не нашлось в то время много, кто одёрнул бы, нет... Всем скопом учить начали: печёнки отбили, а доброго слова не нашлось! Скопом-то ох как любят бить, каждый норовит незаметно в глаз ширнуть или ещё куда, чтобы побольнее было. А били-то из-за чего: из зависти! Не по себе делается, когда другой бражничает и с чужими бабами гуляет. А нет бы по-хорошему поговорить. Миром. Всю жизнь я ждал, чтобы со мной кто-нибудь поговорил, ну хоть разочек... Вместо этого сына убили, опять скопом, будто лошадь у них на равных паях с человеком. Надо бы тогда всю деревню спалить за Ивана, чтобы не равняли со скотиной, чтобы наперёд знали, что делают... Как ни верти, а без войны не получается у людей. Учатся этому, а сколько ещё будут учиться — никому не ведомо. Взять хоть нас с Фокиным: вот

приди он и скажи: «Давай, Григорий, мировую! Чего нам с тобой делить? Мы всю жизнь соседями живём, вместе в комбедке заседали, когда с германской пришли, с флагом по селу ходили!» Так нет, не поддамся, не пойду у него на поводу. Он и на два года моложе, а, главное, веры ему нет: наговорит одно, а сделает по-другому. И не так, чтобы и себе хорошо, и другим. Нет — только себе!» Мысли путались, мешали одна другой. Григорий хотел какую-нибудь запомнить, чтобы подумать о ней через день или два, прикинуть: хороша ли? Сразу-то ведь не решишь, а тут ещё Акуля над душой стоит, который раз повторила:

— К тебе пришли!

— Кого ещё принесло? — отдёргнув занавеску, зыркнул на жену Григорий, а посмотрел левей — мать честная! — Затеиха у порога стоит, намалёванные губы обиженно поджала, словно царица.

— И не стыдно вам, Григорий Тимофеевич, одиноких женщин обманывать?! — покосившись на печь, плаксиво молвила Затеиха. — Обещали дров через неделю привезти, а уж третья заканчивается... Если обещали, надо исполнить, ведь недаром же... Я целый литр потратила, а, выходит, впустую.

— Какой литр, — огрызнулся Григорий, — когда только бутылку дала, да и то бурды сивушной?!

— А в доме угощались!

— То не в счёт... Или ты, как в прежние времена, за глоток готова последние штаны снять! У, наглая. Пришла, никого не постеснялась. Кто тебя звал? Кто? Пошла прочь! Дров ей захотелось... Вона они — в лесу стоят. Иди и пили, руби, вези, может, окорока-то растрясёшь.

— Жаловаться буду! В сельсовет пойду!

— Иди, иди — в ту же ночь подожду и дверь колом подопру, чтобы не выскочила! Да и никуда не пойдёшь, саму потом за шкуру возьмут, как злостную самогонщицу!

Затеиха закатила белки, отчего крупные водянистые глаза стали ещё больше, что-то запричитала, заголосила и, плюнув в Григория, выкатилась в сени.

— Мать, сходи закрой за ней, а то до вечера будет тут ашурками трясти, погань.

Когда Акуля осторожно вышла за порог, Григорий прикрикнул на сноху:

— Ты-то чего закатываешься, кобыла пузатая? Смешно ей!

Надёжка прыснула ещё громче, а он задёрнул занавеску и демонстративно затих. Был он в этот момент зол и на Затеиху, и на жену, и на сноху — на всех на свете. Все мешали ему зацепиться за какую-либо живую мысль.

Мысли неслись мимо, но после ухода Затеихи Григорий испуганно догадался, какая живёт в нём постоянно, — о близкой кончине! Где застанет костлявая? Успеешь ли раньше увидеть Павла? Мучительные эти вопросы совсем затерзали, когда он начинал думать о сроках войны. Ведь поначалу, когда погнали немцев от Москвы, казалось, что теперь им не удержаться, к весне добьют, а выходило не так, как думалось. Война грозила стать затяжной, как и первая германская, и, если будет так, не дожждётся он её конца, не увидит сына.

Изо дня в день Григорий вспоминал его приезд, хотя и короткий, но такой памятный. Мечтал о новой встрече, и за этими мечтами и наступавшая весна была нипочём. Если бы не однажды начавшая теревить Акуля, то он, наверное, пролежал бы на печи до Троицы.

— На чердак бы слазил, хрыч старый! — заладила как-то она.

— Всю зиму обо мне не вспоминали, а теперь понадобился! Чего я там потерял?! — недовольно отозвался Григорий и запустил в жену валенком.

— Снег надо счищать!.. Крышу-то осенью некому было перекрыть, так хоть, думаю, догадается снег вовремя убрать. С потолка-то ручьём течёт! — не отставая, твердила Акуля.

— У меня здесь сухо...

— Над печкой всегда сухо — новость какая! А я только успеваю таз подставлять...

— Не зуди... Сейчас пойду, посмотрю... — помолчав, пообещал Григорий и ещё час собирался.

Когда вышел из избы, то долго искал лестницу, нашёл её за двором, еле выдернул из тяжёлого снега. Хотя день выдался пасмурным, но на чердаке было светло. Свет легко проникал меж оголившихся стропил, осевших пластов соломы и освещал высокий, грязный сугроб подтаявшего снега. Григорий спустился с чердака за лопатой и её долго искал, найдя, снова полез на чердак, но едва подступил к сугробу и вонзил лопату, увидел, что потолок медленно осел, образовав впадину, из которой он едва выбрался. «Должно быть, кого-то балкой задавило!» — испуганно подумал Григорий, услышав в избе визг, и, пытаясь слезть с чердака, не мог нащупать ногой лестницу. Когда всё же спустился и заглянул в избу, то из-за густой пыли, заполнившей избу, едва разглядел, что балка наполовину провисла, а на месте верхних брёвен простенка виден свет и кто-то — то ли Сашка, то ли Бориска — ревмя ревет.

— Никому не шевелиться! — крикнул Григорий, боясь, что балка кого-нибудь придавит.

Он выскочил из сеней, побежал в сарай искать подходящее бревно, чтобы подставить под балку, но ничего нужного не нашёл, схватил топор, выбрал из дров, сложенных костром, толстую жердь, вырубил из неё подставку. В избу забежал, а Акуля уж рогач под балку подбивает.

— Уйди, глупая! — оттолкнул её Григорий и осторожно, готовый в любую секунду отскочить, вклинил подставку между полом и балкой. После этого позвал перепуганную Надёжку из спальни, куда она забилась с ребятишками. Сашка мелькал забинтованной головой, прижимал ладошкой серую тряпку. — Что с ним? — спросил Григорий у снохи.

— Об угол стукнулся.

— Так и надо — везде нос суёт! Такие всегда нарываю-ются. — Григорий задумчиво помолчал и сказал, будто вспомнил что-то важное: — Идите к Вере... Все уходите, пока не придавило!

Одев сыновей и собрав кое-что из одежды, Надёжка, едва сдерживая слёзы, пошла к Вере, а следом Григорий и Акулю турнул, когда она принялась ругаться.

— Жаль, ты под балкой в тот момент не стояла! — откровенно высказался Григорий. — Может, отговоришься бы, тоска... А то: «Лезь снег скидывать!» Послушался. Теперь что хочешь, то и делай. Чего молчишь-то?!

— А чего говорить-то, когда у тебя всё не как у людей. Только брехать мастер!

Григорий нагнулся, ища что-нибудь увесистое, но под руку сразу ничего не попадалось, а когда наткнулся на полено, то Акуля выбежала в сени, едва успев схватить с вешалки телогрейку.

До самой темноты он выносил из избы мокрую глину с обвалившегося чердака и перебитые мышами листья. А перед этим выпилил новую подпорку, как мог, закрепил её и ходил вокруг осинового столба, постоянно задевая его. Вынося мусор, Григорий все двери держал нараспашку, печь быстро остыла, и в избе стало холодно, сыро, страшно. Перед сумерками пришли Вера и Люба.

— Григорий Тимофеевич, может, чем помочь? — спросила Вера.

— Возьмись, помоги, если такая удалая! — не глядя на неё, устало сказал Григорий. — Только не надорвись, смотри.

Вера было стала набивать ведро мусором, но Григорий пугнул:

— Иди, девка, иди отсюда, а то, не дай бог, придавит. Обе уходите.

Они неловко потоптались около распахнутой двери, и, не зная что сказать, вышли в сени, но хозяин остановил:

— Постели захватили бы, а то пацанам не на чем будет спать.

Пока они собирали матрасы и одеяла, Григорий сходил в сарай, вывез сани.

— Грузите на них, — подсказал сестрам, — тюфяки-то не-подъёмные. В каждом пуда два будет. Разве допрёшь на себе! Да и провиант заберите, а бабка хвостом вильнула — и ни до чего ей дела нет.

Вера и Люба погрузили постели на сани, завернули в мешковину сало, муку уложили. Ушли. Григорий проводил сестёр до большака и вернулся в избу. Зашёл, а в ней совсем темно стало, погребом запахло. Голые кровати добавили неуютности и запустения. Казалось, что жильё это давно необитаемо, а он, Григорий, чужой здесь человек, сидел на холодной скамье, не зная, что делать, как дальше жить. Если бы не война и рядом был Павел — тогда всё просто: запасись строевым лесом и замени простенок, балку, верхний венец новый положи и крышу перекрой — вот и все заботы, а изба сто лет ещё простоит. А теперь что делать? Кто бы подсказал или посоветовал — тогда и на душе, глядишь, веселее сделалось, надежней.

Совсем закоченел Григорий: и телом, и душой, когда услышал на крыльце чьи-то осторожные шаги. Хотел окликнуть, но мелькнувшая мысль о том, что это, может, кто решил на чужое позариться, остановила. Григорий перестал дышать, взял в руки стоявшую рядом лопату. Кто-то зашорохался в сенях, мелькнул в дверном проёме, и раздался голос Акули:

— Дед, ты где?

Григорий не отозвался, а Акуля, что-то бормоча, зашла в избу, огляделась и, заметив затаившегося мужа, начала стыдиться:

— Ты что же, как леший, притаился? Напугал, окаянный!

Акуля на малое время умолкла и заговорила уже по-иному:

— Пошли к Вере! За тобой пришла... Чего здесь домового тешить. Ещё заболеешь ненароком, — Акуля ещё что-то говорила, но Григорий слов её не понимал, только интонация доходила до его сознания, и необычная эта интонация вселяла уверенность, радовала, согревала. Григорию тоже захотелось сказать в ответ что-нибудь доброе, но вместо этого он молча поднялся с лавки и грубо буркнул:

— Курей бы забрала, а то хорёк им головы открутит!

Акуля обиженно вздохнула и шмыгнула носом:

— Попробуй, перелови их в темноте!

— В темноте только и ловить...

Григорий на этот раз промолчал, послушно вышел за женой из избы, хотел закрыть дверь на замок, но, не захотев возвращаться, подпер дверь подвернувшимся коромыслом. Григорию было стыдно идти в чужой дом, словно там могли посмеяться над ним, как над бездомным пьянчужкой. С этим чувством и вошёл к Вере, не раздеваясь, присел на приступку, притих. Ему казалось, что о нём позабыли и никому он здесь не нужен. Освоившиеся внучата играли с Вериными девочками, Вера с Надёжкой гремели в кухне чугунами, Люба занималась сынишкой, а Галя, повернувшись спиной, кормила грудью младенца. В колеблющемся свете лучины Григорий потерял из виду Акулю и заметил её только тогда, когда Вера позвала всех ужинать. Акуля, оказывается, сидела в углу под образами, перед которыми горел такой маленький огонёк лампадки, что у него не хватало сил колебаться.

Григорию всё-таки пришлось раздеться. Он подсел к столу, взял из чугуна две небольшие картофелины и начал старательно чистить их. Хотел одернуть копавшихся в чугуне внучат, но не осмелился в чужом доме. Есть не хотелось, и, подождав, когда все повечеряют, он завалился спать на волглую с мороза солому, расстелённую на пол-избы. В эту ночь Григорий выходил во двор чаще обычного. Пока добирался до двери, наступал на чьи-то ноги, однажды споткнулся, больно стукнулся об угол кровати и более заснуть не смог.

Когда рассвело, Григорий собрался разбирать крышу, но Акуля направила к Зубареву, словно приказ дала:

— Без леса не приходи!

«Сама бы шла, раз такая шустрая!» — подумал Григорий и, пока шёл до правления, повторял: «Не приходи! Не приходи...»

За ночь подморозило, и Григорий ступал осторожно, боясь поскользнуться. Он ругал вчерашнюю оттепель. Не будь её или вовремя убери он снег с чердака, может, не пришлось бы сейчас идти и хлопать глазами перед председателем. А теперь никуда не денешься...

На крыльце правления Григорий терпеливо дождался, пока Зубарев направил баб на работу, и зашёл в настывшее за ночь помещение. Зубарев стоял около едва горевшей лежанки, грея руки о кирпичные вытертые бока. Увидев Григория, он сел за дощатый стол, раскрыл замызганную тетрадь.

«Начальник, мать его в кривую... — подумал Григорий. — Зря пришёл, не даст он леса!»

— Здорово были, Федор Иванович, — поздоровался Григорий и снял шапку.

Зубарев оторвался от тетрадки, глянул на Григория полунасмешливо:

— Простынешь без шапки-то, отец. Здесь ведь зябко... За помощью явился? — спросил он после долгой паузы.

— Угадал — за ней! — ответил Григорий, и так ему неприятно сделалось, что и не знал, что ещё сказать.

— Я вот, помнится, к тебе этой зимой тоже приходил, — сказал Зубарев, не отрываясь от тетрадки, — просил конюшню утеплить, а ты что-то не особо подхватился!

— Чего её утеплять, когда там две клячи осталось?

— Не две, а пять! И вполне исправные лошади... И быки есть.

— Исправные!.. Исправные в армии пушки таскают, а на наших только ветер возить!

— Чего сейчас спорить! — Председатель исподлобья посмотрел на старика и опять уткнулся в тетрадь. — Спорь не спорь, а колхоз помочь тебе, Григорий Тимофеевич, не может.

— Так не мне помощь-то нужна! Бабам моим да внучатам, я-то и в стогу проживу!

Зубарев развёл руками, словно сказал: «Не взыщи, брат!» Немного подумав, посоветовал:

— Сходи в райисполком. С предриком поговори, глядишь, и выпишут несколько кубометров, раз у вас такой бедственный случай.

— За лес-то надо платить, а где денег взять? Было у бабки тридцать рублей, на похороны берегла, да неделю назад коробок спичек на базаре купила.

— У колхоза тоже нет. Да ты и без колхоза знаешь, как прожить. Единоличников учить — только портить.

— Ты это, без намёков давай... Закваска не та, чтобы намёки мне делать! — Григорий грохнул дверью и, не помня себя, выскочил на улицу.

«Это вот, значит, почему мне от ворот поворот, — ярился он. — А Павел, а сноха! Они, что — тоже единоличники?! Надёжка всегда больше всех трудодней вырабатывает! А Павел? Бригадиром был... Этого мало? А я чьё стадо десять лет стерег? Чьё? Общественное! Это разве не помощь колхозу? Разве ему плохо, что я работал вместо какого-нибудь здорового мужика, которому хоть в поле, хоть в риге, хоть где работы куда с добром нашлось бы... Вот и получается: пока ничего не просил — вроде своим был, а как что понадобилось — сразу единоличник! Погоди, Зубарев, как снег растает, сам придёшь ко мне, поклонисься! Ох, как поклонисься!..»

Проходя мимо своей избы, Григорий услышал кудахтанье и свернул с большака. Акуля ловила во дворе кур, сажала их в корзинку, накрытую мешковиной. Куры в корзине орали, а пока не пойманный петух сидел на воротах и басовитым «ко-ко-ко» подбадривал пленённых подруг.

— Поймай его! — указала Акуля на петуха. — Он, анчихрист, едва глаз не выклевал.

Григорий поддел петуха колом, загнал в угол пустого катуха. Пока возился, сорвал ему обмороженный гребень... Кровища по двору, будто поросёнка закололи. Затолкав петуха в корзину, Акуля выжидающе посмотрела на мужа:

— Как сходил-то?..

— Нормально... Надо сани с подсанками готовить. Зубарев обещал леса выписать... — хотел сказать смехом, но вышло серьёзно и не по моменту нерадостно.

— Так и поверила брехуну старому, — скривилась Акуля. — Пропади ты пропадом, болтун!

— Саму тебя глаза не видели бы... Теперь вот ошивайся из-за тебя по чужим дворам.

— И-эх, языком-то молоть горазд! Живёшь, как младенец — никаких забот. С тёплой печки ничего не видишь и не знаешь... — Акуля подхватила корзину с курами, пошла со двора и остановилась: — Ты думаешь картошку-то из подпола доставать? Помёрзнет ведь! Или я должна обо всём заботиться?!

— Перенесу, перенесу... — отмахнулся Григорий. Ему сейчас не хотелось ни спорить, ни доказывать, ни оправдываться. На душе было горько и пусто.

— И огурцы с грибами не забудь! — приказала Акуля, но Григорий её приказ оставил без ответа.

К вечеру он перевёз к Вере оставшуюся картошку, огурцы, грибы, хотел уж завалиться спать, но Акуля позвала во двор и кивнула на одиноко сидевшего петуха, сделавшегося за день маленьким, тихим; спекшиеся перья кровяными сосульками свисали с шеи:

— Хоть и жалко, а надо зарубить. Кровью изошёл, околеет.

Молчком Григорий нашёл топор, взял покорного петуха и, положив на порог, тукнул ему по шее. Кинув забившуюся птицу на снег, Григорий ушёл в избу, подгрёб на полу солому, лег и растворился в пьянящем забытии. Он будто издалека слышал и видел суетившихся в избе людей, что-то говоривших друг другу. Люди эти делали всё не так, как ему хотелось, и поэтому казались чужими, непонятными. Они радовались — и маленькие, и взрослые — сладкому запаху мясного супа, а Григория от этого запаха тошнило. Когда позва-

ли к столу, он притворился спящим, несколько раз для убедительности всхрапнул, а Сашка накинул ему на лицо влажный, пахнувший плесенью ватник... Григорий так и уснул, не дождавшись, когда люди наедятся петушиного супа и разместят свои сытые тела по облюбованным местам. Проснулся он от чьих-то стонов, едва слышимых, словно тот человек, который издавал эти стоны, хотел закричать во весь голос, но боялся и выдавал себя ещё больше. Стоны и звуки, похожие на них, доносились из кухни, где спала Надёжка. Григорий тихо поднялся с пола, осторожно заглянул туда, вглядываясь в темноту, поглотившую сноху.

— Ты чего, девка? — едва слышно спросил он.

— Разбуди Веру! — донеслось из темноты.

Григорий ощупкой нашёл на печке Верины ноги, ущипнул за твёрдую пятку, про себя выругавшись. Вера будто и не спала: привсталала, и Григорий по белевшему лицу догадался, что она смотрит на него.

— Надька зовёт! — известил Григорий. — Должно быть, рожать собралась!

Вера соскочила с печки, а Григорий оделся, снял с гвоздя над притолокой шапку. На крыльцо вышел, а куда идти, что делать — неведомо. Ночь выдалась сырая, туманная, тёплая. Пахло мокрым снегом, оттаявшими почками, чернел меж порядков большак. Немного замерзнув, Григорий побрёл по раскисшему большаку. За мостом остановился, постоял, прислушиваясь. Сонно твякнула фокинская собачонка, но сразу замолкла, и Григорий услышал на Отрубах колотушку сторожа. Начал припоминать, чья сегодня очередь сторожить, но не припомнил и пошёл на этот стук, приглушённый волглым воздухом.

Село сторожил Седой — старинный дружок Григория, с которым он обстряпал не одно дельце, но в последние годы, когда Григорий взялся за кнут, относившийся насмешливо, в глаза и за глаза называя его Шабаном, по-своему переиначив слово «чабан». Увидев остановившегося на большаке Григория, Седой окликнул его:

— Кого тут носит?

Узнав голос Седого, тот радостно отозвался:

— Вошь на аркане веду... Может, купишь?

Из темноты возле ближайшей избы отделилась грузная фигура в тулупе, выросла перед Григорием.

— Это ты, Шабан? — почти равнодушно и неуважительно спросил Седой и расправил бороду, словно собрался долго говорить. — Чего не спишь?

— Надёжка рожает, мать её в кривую ногу! В своей избе не могла опорожниться...

Седой повеселел:

— Значит, из избы вытурили... Знаешь, тебе всё одно делать нечего... Посторожи за меня, а то что-то с вечера поясицу ломит, пойду на печке полежу!

Григория эта просьба не обрадовала. Ему хотелось поговорить с Седым, посоветоваться, но, вместо того чтобы поговорить, Седой сунул в руки кленовую колотушку.

— Может, тебе и тулуп оставить? — спросил тот, собравшись уходить.

— Обойдусь... Я вот вчерась петуха зарубил... Петух так себе, а всё равно жалко, — вздохнул Григорий.

— Значит, без тулупа обойдёшься? Тогда бывай — скоро вернусь.

Всю ночь Григорий шатался по селу, раза два проходил мимо Вериной избы, минут по пять смотрел на едва светлеющие окна, но зайти так и не решился. Лишь на рассвете, так и не дождавшись бывшего дружка, изрядно замёрзнув, он чуть ли не укладкой пробрался в избы, хотел сразу залезть на печь, но был замечен Акулей.

— Где тебя враг носит?! — укорила она. — Сходи домой да принеси корытце. Люльку надо сделать. Пока шатался, внучка народилась!

Григорию не хотелось возвращаться на улицу, идти домой и искать корыто, в котором они когда-то рубили капусту, а последний год кормили в нём кур. Но идти пришлось. Когда Григорий возвратился с корытом, Акуля не успокоилась.

— Пока буду отмывать его, ты вбей-ка крюк какой покрепче, а то люльку вешать не на что! — сказала она не терпящим пререканий тоном.

Но Григорий запротивился:

— Так уж две висят! Сколько вешать-то на одну балку можно? Ведь и эта обломится.

— Выдержит! Не велика тягость... Вместе их качать удобней.

В чулане Григорий нашёл ржавый кованый гвоздь. Стал забивать в балку, а он гнётся, да тут ещё потревоженные ребятишки раскричались — хоть уши затыкай и беги куда глаза глядят. Пришлось искать коловорот, а когда просверлил дырку, забил — вроде держится. Пока возился — разогрелся, на печку лезть расхотелось, а всё-таки забрался, не дожидаясь, когда ещё придумают работу. На печке вспомнил, что не поговорил со снохой и не посмотрел на её младенца, словно она родила во вред.

Надёжка и сама понимала, что роды пришли некстати, но разве она виновата! Разве виновата, что в светлые ночи июня

не думала о последствиях, невозможно было тогда о чём-нибудь думать... И теперь вот её крохотное дитё, завёрнутое в цветастые тряпицы, лежало рядом на лавке никому не нужное, будто чужое. Только Сашка с Бориской время от времени подбегали к лавке, притихнув, удивлённо смотрели на нового человечка. Верины девчонки вели себя сдержаннее, только младшая о чём-то часто шептала старшей, отчего, взглянув на кого-нибудь из взрослых, та краснела и отталкивала сестру.

После завтрака, когда Вера ушла на работу, а Люба с Галей занялись домашними делами, Надёжка задремала, наблюдая, как Акуля возится у печи. Надёжке вспомнился вчерашний вечер, когда она уже знала, что ночью родит, но никому тогда ничего не сказала, будто стыдилась будущего ребёнка. Этот стыд она особенно остро ощутила в ночи. Родившийся младенец мокрым и горячим тельцем жёг ноги, он ещё был соединён с матерью, а она ничего не могла сделать, чтобы отделить его от себя, заставить жить самостоятельно. Сам же младенец, нарушая законы природы, почти не подал голоса в момент рождения, и это Надёжку удивило и испугало... Она дышала в личико, легонько тербила курносенький нос, желая одного: чтобы дочка закричала, закричала по-настоящему, как плачут младенцы, когда о них забывают. И она, к её радости, заверещала, закрутила головкой...

Похожий крик, но пронзительнее, раздался в избе под вечер, когда Акуля решила окрестить новорождённую в ведре воды, предварительно опустив в воду позеленевший латунный крест. Акуля никому ничего не сказала, и своей неожиданной решительностью застала Надёжку врасплох. Увидев, как свекровь вынимает из тряпья девочку, Надёжка решила, что та хочет перепеленать, но вместо этого Акуля макнула её в ведро, заставив внучку замолчать.

— Зачем же ты её вниз головой-то?! — только и успела выкрикнуть Надёжка и слетела с топчана, вырвала девочку из рук свекрови. — Маманька, что же делаешь-то? Креста на тебе нету!

— А что же она на мученье народилась?! А так, глядишь, приберёт Господь... — И прослезилась, старая, засморкалась, упала перед снохой на колени.

Некогда было смотреть на свекровь и слушать её причитания. Надёжка закутала враз захлюпавшую носом девочку, прижала к себе, согревая дыханием. Душили слёзы, и Надёжка увидела себя словно со стороны, будто свекровь не дочь опустила в ведро, а её саму в прорубь толкнула, мол, помирай: чем раньше, тем лучше — меньше мучений примешь...

Девочка, согревшись, заснула, но и во сне продолжала всхлипывать. Прошёл первый испуг и у Надёжки, а Акуля всё стояла на коленях, отбивая поклоны.

— Господи, покарай меня, — шептала она, — отведи сатану. Если бы не он, разве я додумалась до такого! Грех-то какой чуть на душу не взяла... Это что же такое на свете творится, когда невинная жизнь в тягость? Сколько же надо терпеть душе, чтобы достигнуть такого предела?

Акуле вспомнилось, что сама она не имела детей до тридцати лет. Первого, нагулянного в девках, вытравила украдкой — Григория послушалась, не хотели до свадьбы срамиться, а когда обвенчались, наказал их Бог за это. Двенадцать лет терзал душу сомнениями, а Григорий все эти годы бил её и, наверное, совсем бы забил, но однажды она остановила: «Охолонись, если уж меня не жалеешь, то хоть его пожалей... Тяжелая я!» Когда родился Иван, Григорий на руках носил Акулю на пруд полоскать бельё: жену на одну руку, а бадейку с тряпками на другую... Не заметили, как и Павел родился. Тут и вовсе настоящая жизнь пошла. Только бы и жить душа в душу. Но то счастье коротким получилось — война началась. Ушёл Григорий воевать с германцем, а вернулся — революция и новая война. И эту пережили. Григорий даже на фронт не попал: то в тифу маялся, то, сообразив, что к чему, в комбед сидел, по селу агитатором ходил. Самое время потешиться в семье, да разве усидишь в избе, когда открыли винную торговлю. Чуть какие деньжонки заводились у Григория — он в шалман. И всё чаще и чаще стал в карты поигрывать и проигрался однажды скопинским конокрадам. Платить нечем, а те нож к горлу: или с нами пойдёшь, или... Пошёл. В одном месте коня возьмут — в другом продадут. Домой месяцами не заявлялся, и задумала Акуля его отравить: нет мужа и такой не муж. Выпросила в Пронске у церковного старосты отравы для крыс, да видно мало — сама потом три дня отпаивала мужа. И сегодняшний случай, и давнишний — оба произошли на Великом Посту. Акуля невольно вспомнила, что вчера не удержалась, вместе с ребятишками попробовала мясца и бульона, вот за это и наказывает Господь. Теперь бейся лбом, не бейся, а прощенья не будет. Мучайся, мучайся, мучайся.

Еле уговорила Надёжка свекровь подняться с пола, а пришла Вера с работы, Акуля и ей в ноги:

— Прости!

— Да за что же прощать-то?! — не поняла Вера. — Разве виновата в чём?

— Виновата, на всю жизнь виновата, — зарыдала Акуля, — затмение на меня нашло в твоём доме.

— Она девочку случайно уронила в ведро, когда взялась крестить — вот и надрывается, — шепнула Люба старшей сестре, а Вера к Надёжке за перегородку:

— Что с девкой?!

— Ничего особенного... Немного сопит только.

— Ох, девки, девки! С вами не соскучишься. Напугали-то как! — Вера присела на лавку, прислонилась головой к перегородке, вздохнула и начала раздеваться.

С приходом Веры недавний испуг у Надёжки прошёл, и она уж радовалась, что всё обошлось, радовалась и тому, что Люба не стала нагонять страха на Веру. Зачем он? И так голова кругом идёт. Заботы, заботы, заботы — не знаешь, куда от них деться. Изба обвалилась, вот-вот подоспеет время огород копать, а весенний сев в колхозе! Это разве шутка — одним всё сделать, без мужиков! За что хочешь, за то и хватайся, но главное сейчас — изба. С ней надо до посевной что-то делать, после будет некогда.

На следующее утро Надёжка сама пошла к Зубареву. День совсем растеплился: снег под ногами прошикается, бугры вдоль ручья чернеют проталинами. Пока дошла до правления — вспотела. Председателя нашла около конюшни: сидит у плетня на солнышке и о чём-то говорит со счетоводом, покуривая. Увидев Надёжку, оба замолчали, а Зубарев усмехнулся:

— Ты как всё равно и не рожала! Куда бежишь-то?

— Вас ищу, Фёдор Иванович.

— Чего меня искать? Что случилось?

— А то не знаете? Наобещали деду лес выписать, а время ручьём весенним бежит. Как растает, тогда в лес-то до Троицы не сунешься, а сейчас-то пока снег осел и ночами подмораживает, самое бы время перевезти. Лошадку бы надо, Фёдор Иванович.

— С чего это ты, Савина, решила, что колхоз лошадь выделит? У нас их не густо — надо к посевной беречь.

— Тогда хоть пару быков выделите. На себе, что ли, бревна таскать?!

— Кто же разрешит быков по льду гонять?! Сама подумай! Мы не враги народу, чтобы так легкомысленно разбазаривать общественное добро... — Зубарев глубокомысленно замолчал, сделал несколько затыжек. — Значит, нашлись всё же деньги, если за лошадью пришла? А то дед-то ваш доказывал, что бабка последние на базар отнесла... Вас, если потерясти, то... Дед-то всю жизнь, считай, промышлял...

Эти слова о свёкре разозлили Надёжку, но она убила в себе обиду, отшутилась:

— Промышлять-то промышлял, да всё себе в глотку заливал... Другой бы на его месте пять изб поставил, а он последнюю сгноил. Хорошо, хоть колхоз помогает, в правлении лес обещали выписать!

— Кто это тебе сказал? — насторожился Зубарев, а сидевший рядом старик-счетовод по прозвищу Налим приоткрыл сонные глазки и затоптал слюнявый бычок.

— Маманька сказала, а ей дед наш... Он же на днях ходил к вам. Когда вернулся, сказал, что колхоз два воза выпишет!

— Больше он ничего не сказал? — спросил Зубарев и поправил повязку на пустом глазу.

— Не-ет...

— Я вот тоже говорю «нет»! Никто ему ничего не обещал. Если буду базарить колхозные средства на каждого единоличника, меня райком по головке не погладит, а спросит. И строго спросит!

— Ещё под суд отдадут! — добавил счетовод... — Ладно, товариш Савина, иди, иди. У нас и без тебя забот полные головы.

— Муде вы греть мастера — это умеете, — сквозь зубы процедила она и, ничего более не сказав, пошла со скотного двора.

До Веры еле добралась: силы куда-то подевались, а больше — обида давила. Будто и не работала в колхозе с шестнадцати лет, будто всё это время дурака валяла и не заслужила хотя бы доброго слова... Ладно, леса не дали — денег на это нет, а доброта-то куда подевалась людская? С нею что случилось? А может, и не было никогда, только на собраниях о ней говорят да в газетках пишут? Скинула Надёжка фуфайку, хотела покормить девочку, приложила к груди, а молока нет. Приложила ко второй — тоже пусто. Опустила дочку в люльку, а малышка в крик, да так обидно плачет, будто мать посмеялась над ней.

— Чего она? — спросила Галя.

— Она-то ничего, — устало покачала головой Надёжка, — это я чего?

— Не беда. Покормлю!

— Не смей!

Галя отошла от люльки, поправила на плечах платок, а Надёжка достала из печи чугунок с водой и стала пить чай. Напившись, прилегла отдохнуть, только какой это отдых, когда мысли всякие в голову лезут, а девчонка пуще прежнего надрывается. И Надёжка не выдержала, сама подошла к Гале:

— Ладно, покорми...

Галя взяла девочку из люльки, присела с ней на лавку и положила на руку. Замолчала малышка, успокоилась — только носиком сопит, а Надёжке от этого спокойствия не по себе: и обидно, и завидно — вздыхает, сидит в сторонке: что же молока-то всё нет? Покормив девочку, Галя хотела положить её в люльку, но Надёжка отстранила:

— Я сама!

«Что же это такое на свете творится, что у меня дитё голодное? — думала она, укладывая дочь в люльку. — Или устарела я, или болезнь какая напала?»

Девочка быстро заснула, а Надёжка почувствовала себя усталой-усталой. Ощущая, как дрожат руки и ноги, она пошла за перегородку, легла на топчан, и показался он таким мягким и удобным, будто всю жизнь на нём спала... Проснулась незаметно, так же, как и уснула, и почувствовала увеличившиеся груди: они жгли, до них было больно дотронуться, и хотелось, чтобы кто-то освободил их, чтобы сила жизни, скопившаяся в горячей глубине, не пропала зря. Надёжка тихонько позвала Бориску и шепнула:

— Будешь сосу?

Тот недоверчиво кивнул и выжидающе посмотрел на мать. Надёжка посадила сына на топчан и дала ему грудь.

— Мнямня! — обрадовано заурчал Бориска и с необыкновенной забытой жадностью начал сосать грудь, вцепившись в неё грязными ручонками и прикусывая сосок зубами. Потом в другую. Насосавшись, Бориска откинул голову, заснул и, положив его рядом с собой на топчане, Надёжка почувствовала чей-то взгляд. Глаза подняла, а в проходе Сашка стоит, голова стыдливо опущена.

— Беда мне с вами, — вздохнула она. — И тебе сосу?

Сашка кивнул, а Надёжка улыбнулась, погрозила ему пальцем:

— А ремня не хочешь? Скажи лучше, где у нас бабушка?

— Вона на коленках ползает — Богу молится, — обиженно и зло ответил Сашка и заплакал, и неожиданно застыдился своих слёз, закрыл лицо руками.

— Ну, не плачь... Чего плачешь, как маленький?! Иди к бабушке, она тебе что-нибудь из печи достанет... — Надёжка сейчас была в хорошем настроении. Радовало, что, хоть и с опозданием, но молоко пришло, а раз так, то и тужить теперь нечего. Вот только Сашка всё плакал и плакал и, как Надёжка его ни успокаивала, — не замолкал. Притих только тогда, когда с печки позвал дед: тихо позвал, заговорщицки:

— Иди, Санёк, глянь, кого поймал-то!

— Чего там у тебя?

— Иди глянь... Ой, ещё один!

Тут уж Сашка не выдержал — быстрее к деду. Пока на печку забирался — дед уж смехом закатывается. Огляделся Сашка по сторонам, но ничего интересного не увидел. Собрался с печки слезать.

— Вот сюда смотри, — пододвинул Григорий внука к себе поближе. — Смотри, что вытворяют! — и пересадил двух чёрных, глянцевого тараканов, связанных ниткой, на свободное место; разбегаюсь в стороны, они таскали друг друга по горячим кирпичам.

— Они лапки обожгут! — жалеючи ойкнул Сашка, а Григорий усмехнулся:

— Зато у них живот ломить не будет.

Сашка сполз с печки, встал на нижнюю приступку и, приготовившись прыгнуть на пол, крикнул деду:

— Дурак ты!

Пока Григорий поворачивался, чтобы схватить внука, тот уж прижался к матери.

— Погоди, пострел, — ворчал Григорий, — вот заснёшь сегодня, таракана в ухо посажу — пускай всю ночь мозги царапает... Узнаешь, как дразнить деда!

— А я спать не буду! — крикнул Сашка. Хотел ещё что-то сказать, но Надёжка шепнула:

— Не связывайся, сынок, а то потом его не остановишь. Весь вечер будет бубнить... Иди, погляди — спит сестрёнка или нет?

Пока сын гремел табуреткой, подбираясь к люльке, Надёжка подумала о дочке, наречённой Акулей при «крещении» Ниной, и вспомнила, что и сама пока не называла её по имени, и никто другой в семье, словно её рождение было всем в тягость. «Нина, Нинушка, что тебя, милая, ждёт в жизни, какой ты вырастешь? — думала Надёжка, привыкая к новому имени, становившемуся час от часу всё привычней и милей. — Нинушка моя... Где же папка твой? Что он сейчас делает?» Мысль о Павле взбудоражила. Сразу забылись все заботы, захотелось написать ему о дочери. Когда Сашка на цыпочках вернулся от люльки и сказал: «Спит твоя Нинка...» — она уже ни о чём думать не могла, только о Павле.

— Ну и хорошо, что спит, а мы с тобой пока письмо папке напишем, а то он ещё ничего не знает про доченьку.

— Не доченьку, а Нинку! — поправил Сашка и, подойдя к молившейся Акуле, толкнул её: — Хватит, бабка, дурака валить! Раскрылилась...

Акуля будто и не слышала Сашкиных слов, а Надёжка, посмотрев на улыбнувшихся Любу и Галю, приложила палец к губам:

— Не мешай бабушке! И нам с тобой у стола места хватит.

Надёжке хотелось сообщить Павлу новости, но рука почему-то не слушалась, слова путались и получалось совсем о другом. Хотелось рассказать о рухнувшем потолке, о том, как Акуля крестила новорождённую, о петухе... Нет, о другом написала: о свекрови и свёкре, о Сашке с Бориской, а о Ни-нушке и в начале письма, и в конце. Написала и о наступающей весне, и что вот-вот прилетят грачи, а под конец, положив на письмо Сашкину руку, обвела растопыренные пальцы... Сложила письмо треугольником и будто поговорила с Павлом, побыла с ним рядом. И от этого сила в душе появилась, уверенность. А через два дня, когда совсем оклемалась после родов, почувствовала себя сильной-сильной, а уверенность к этому дню переросла в решительность, и она уговорила Веру идти в лес за балкой.

Ещё днём Надёжка приготовила двое саней, верёвки с двух домов собрала и попросила свёкра наточить пилу и топор. Уз-нав, для чего понадобилась помощь, Григорий засомневался:

— Доегозишься, девка! Хрип-то свернёшь... До лета бы надо подождать.

— Снег тает — не ждёт. Через неделю весь сойдёт — бугры-то совсем уж чёрные.

— Ну, смотри, смотри... — вроде бы недовольно высказывался Григорий, а в душе обрадовался, что самому теперь за-бот поменьше будет.

Как стемнело, Надёжка с Верой стали собираться, и Люба засуетилась. Начали отговаривать — та ни в какую: «Пойду с вами!» — «А кто с ребятами будет сидеть?» — «А Галя на что?» Пошли втроём. За село вышли, а в Бокалдах, в сторожке лесника, огонёк горит. Хоть и в стороне, а выйдет вдруг лесник из избы, увидит или услышит. Делать нечего — стали ждать, когда погаснет свет. Когда дождалась — луна поднялась. Хоть и убыточная, а светло сделалось, и подмораживает: лёд вперемешку со снегом под ногами трещит, хоть уши затыкай. На цыпочках дошли полем до леса, а какой дуб пилить — не выберут: один слишком толстый, другой жидковат, а третий кривой. Наконец нашли, по снегу наухавшись, да от опушки далеко — на лошади оттуда не вывезешь, не только на себе. А когда всё-таки наткнулись на подходящий: и прогонистый, и не тонок, и рядом с опушкой, и начали пилить — такой звон по лесу пошёл — оторопь взяла.

— Стой на опушке и смотри, чтобы кто-нибудь не появился! — шепнула Вера Надёжке, а та рассмеялась:

— А куда побежишь-то, если поймают? Столько следов наделали, будто стадо прошло.

— Тебе смешно! — прищипнула Вера. — В тюрьму-то недолго загудеть... И не посмотрят, что ребятишек полный дом!

Дальше пилили молча. Когда же в глубине ствола, словно стрельнув, что-то хрупнуло, Вера замерла, огляделась, а Надёжка поторопила:

— Теперь уж была не была! Пили быстреей.

Дерево трогалось с места медленно, натужно рвались внутри волокна, наполняя души испугом. Вот оно, последний раз хрупнув и будто вздохнув (Надёжке показалось, что дерево попрощалось с жизнью), молча устремилось к земле и с таким треском продралось сквозь заросли подлеска, что сёстры несколько минут не могли и слова вымолвить. Когда чуток пришли в себя, Вера крадучись вышла на опушку, долго вглядывалась в блестящее льдом и снегом синевато-фиолетовое поле.

— Вроде никого... — сказала она, словно давала команду к работе.

Быстро опилили сучья, Надёжка отмерила шесть пил и выпилила из ствола бревно: сучья и макушку дерева для маскировки воткнули в снег. С этим управились быстро, но попытались взвалить бревно на сани — сил не хватило. И с одного конца пробовали, и с другого — не могут поднять! Сели на бревно, все потные и отдышаться не в силах. Молчат все.

— Вот так сделаем! — вскочила с бревна Надёжка. — Подкопаем снег под одним концом бревна — подсунем под него сани. Подкопаем второй конец — сделаем то же самое. Потом откинем снег из-под самого бревна, и оно окажется на санях! Бери и вези.

Когда так сделали, то её придумка оказалась в самую пору: сани, хотя и с трудом, но стронули, вытянули из мягкого лесного снега в поле, где к этому времени разгулявшийся морозец уплотнил льдистый снег, и сани побежали по нему легко и споро. Хоть садись на них и катись по очереди. Бревно осторожно провезли порядком: боялись Фокина, но к этому времени был уже поздний час и село спало. Не успели свалить за двором бревно, а Надёжка с предложением:

— Давайте ещё в лес сбегаете — выходной ведь завтра! Успеете, выпитесь...

Но ни Вера, ни Люба Надёжку не поддержали, видно, изрядно наломались с бревном, и это их нежелание обидело, но на такое короткое время, что обида быстро забылась. Ощупкой она нашла в сенах одноручную пилу, впряглась в сани и своим же следом пошла в лес одна. Страшно было только пока шла к нему, чёрной полосой темневшему в зыбкой дали, а как дошла до опушки, то словно домой заявилась. Решила,

что с брёвнами для верхнего венца ей не справиться, а раз так, то надо готовить брёвна для простенка. Одной вполне под силу. Нашла подходящую осину, очистила снег от ствола и начала пилить. Спилила быстро, но, падая, дерево зацепилось верхушкой, застряло на полпути. Вот уж где попотела Надёжка! Пришлось выпиливать вагу и с её помощью оттащить комель в сторону... Но и с этим справилась, а когда стала выпиливать метровые брёвна, почувствовала, как дрожат руки. Пять брёвен получилось из осины. Уложила Надёжка их на сани, увязала, а вывезти из леса не может — сил не осталось. Пришлось развязывать и вывозить на опушку по частям. А как снова уложила, так сани от леса сами под уклон побежали, только догоняй! Правда, перед самым селом на подъёмчике пришлось впрячься по-настоящему. К крайней избе подошла, слышит — сторож где-то рядом... Хотя какое ему дело до Надёжки с её брёвнами, а всё равно стыдно. Не от отца родного везёшь! Дождалась она, когда колотушка застучала на другом конце села, и быстрее к своему двору. Свалила груз с саней, а сердце готово от радости из груди выпрыгнуть. Дело-то какое за одну ночь сделали! Приехала она на брёвна: нет сил к Вере идти, и не хочется. Так бы и сидела всю ночь — смотрела на свою работу. Но просидела недолго: «Чего же я здесь-то торчу? — резанула мысль. — Вдруг что с дочкой случилось?!» Подхватив сани, Надёжка побежала к Вере. Дверь рванула, а в избе тишина, только посапывание изо всех углов да дед храпит. К дочке подошла — спит. И сухая. Приткнулась Надёжка на полу рядом с люлькой, подбив под себя охапку соломы, а спать не хочется. Только под утро, когда свёкор вышел на двор и вернулся, что-то шепча сам себе, она заснула быстрым сном.

В следующую ночь пошла в лес привычной дорогой, хотя сёстры и отговаривали, но не шибко, решив, что Надёжка всё равно сделает по-своему, да и было от чего делать «по-своему»! Мыслимое ли дело такой ораве жить в одной избе? За столом едва помещаются. Спят на полу. Хоть и война, а надо свой угол ухваивать! И ещё одна мысль пугала: вдруг Павел вернётся! Что ему скажет? Не-ет, надеяться не на кого. За последние день-два Надёжка так прониклась этой мыслью, так она завладела ею, что ничто другое на ум не шло.

Погода за день сменилась. К вечеру со стороны Пронска напозла тяжёлая сырая наволочь, дороги окончательно раскисли, а ручьи по оврагам не умолкли и ночью. Их шум Надёжку успокаивал, а погода радовала — темень кругом, самая подходящая ночь. Не огорчало и то, что, добравшись до

лесу, промочила ноги, зато на душе радостно, сердце поёт... Осину спилила рядом со вчерашней, только тщательней очистила место, сделала поглубже подпил, чтобы не пришлось мучиться, как вчера.

Всего одну ездку сделала, а устала... Вчера-то сани сами бежали, а в эту ночь тащи — не стащишь: поближе к лесу полозья в снег прошикаются, а в поле, особенно на подъёме перед селом, комья земли то тут, то там торчат. Приходится объезжать, а на какой наедешь, то сани и с места не сдвинешь. Хорошо ещё, что дорога, накатанная за зиму Фокиным, не подтаяла; хоть и черна от навоза, да всё по ней легче тянуть сани, чем по голой земле... Разгрузила сани, и быстрее к Вере, будить её. Та спросонья не поняла, что хотят, и, всё ещё продолжая спать, испуганно спрашивала: «Что случилось? Что случилось?» — «Да ничего, — шептала Надёжка. — Вставай, пойдём в лес. Надо успеть привезти брёвён на верх, а то к утру совсем растает. Ты погляди, что на улице-то делается!»

Вера скинула рядом, которым укрывалась вместо одеяла, села, подоткнув под себя подол рубашки.

— Ну что мучаешь-то себя, — как старшую дочь начала отчитывать Вера. — Что покоя не даешь? Подумай, куда в такую темень пойдём? Кто нас ждёт?

— Да когда оглядишься-то — и ничего, — ответила Надёжка и, будто поперхнувшись от чёрствости сестры, замолчала.

— Завтра втроём ходим... Пораньше пойдём и всё сделаем... Ты думаешь, у меня душа не болит о вас? Только всего сразу не ухватишь — надорваться-то недолго... Давай-ка спать ложись!

Вера накрылась рядом. Надёжка, раздевшись и поставив сушить валенки, легла рядом, затихла, а Вера всё ворочается с боку на бок, будто что-то мешает ей, потом встала.

— Ты чего? — спросила Надёжка.

— Да уж пора, наверное, печь топить... А ты спи, спи, заботушка.

Привезли они, как Вера и обещала, в следующую ночь брёвна на верхний венец. Пошли втроём, да только и втроём пришлось по одному бревну тягать, и так натягались, что еле до дому дошли. А подошли — в избе лучина горит. Дверь раскрыли — Галя Нинушку кормит.

— Что ты к ней привязалась?! — чуть ли не вырвала Надёжка дочку из чужих рук. — Или своего мало?

— Она же плакала!

— Качать качай, а кормить не смей! Она не сирота какая...

Надёжка скинула потную фуфайку, приложила дочку к груди и, пощупав пелёнку, процедила:

— Желанная нашлась... Пеленку бы поменяла!

— Ну, хватит вам, девки, хватит, — успокаивая обеих, пожурила Вера и принесла сухую пелёнку, отдала Надёжке, а у Гали спросила: — Сегодня-то твой спокойно спал?

— Не сглазить, ни разу не проснулся... — отозвалась Галя и вздохнула.

Эта короткая стычка только обострила в Надёжке желание поскорее переселиться в свой дом. Хоть Вера и слова плохого не сказала и не скажет никогда, а неудобно в её доме, тягостно — всё мешает. Хотя в своём тоже несладко: свёкор то отчебучит что-нибудь, то материться начнёт, но к этому она привыкла за те годы, что прожила в чужой семье, и не принимала всерьёз его проделки. А годы эти казались долгими, как летний день, ненасытными, а вся жизнь до замужества — будто подслеповатый зимний денёк. Был — и нету, и памяти о нём никакой. А если что и вспомнится, то горькое и колючее. И так, бывало, прожгут душу те воспоминания, что хочется забыться в семье, закрыться в работе, делать что-нибудь, делать, лишь бы не разбрюзнуть.

Едва Надёжка в эту ночь заснула, ей показалось, что поплыла по горячей воде. Воды было много, она приятно согревала, но чем дальше плыла, тем вода становилась горячей и горячей. Она уже жгла, боль сделалась нестерпимой, и Надёжка проснулась... В избе тихо, никто из младенцев не плачет, Сашка с Бориской играют под лавкой, свёкор на печке посапывает. Заметив Любу, она позвала её, спросила:

— Где Вера-то?

— На работу ушла.

— Тогда, Любушка, сбегай за Елизаветой... Скажи ей, что у меня кровь идёт...

Люба засуетилась, накинула фуфайку, платок — и в дверь. Только вышла на крыльцо, а Елизавета навстречу идёт, переваливается. И сразу в наступление:

— Вы что же сидите-то? Ведь старик-то мой пошёл вашим брёвнам обмер делать! Бумагу собрался на вашего Григория составить! Где он?

— На печке сидит...

Переступив через порог и глубоко вздохнув, Елизавета позвала Григория:

— Сосед, ты где? Чего ждёшь-то? Когда в тюрьму загудишь?!

— Испугала, — заворчался Григорий.

— Не я пугаю-то, а старик мой. Ведь он на зады к вам пошёл. Лес обмерять собрался. А ты: «Испугала!» Его ты, может, и не боишься, а с властью шутки плохи. Сходи, отговори!

— Чего захотела... Пускай вон бабка идёт... Один хрен ничего не делает, только под ногами у всех мешается.

— А меня-то он и вовсе не послушается. Кто я ему, чтобы слушаться, — подала голос Акуля и громыхнула ухватом.

На минуту установилась тишина: Елизавета смотрела на Григория и Акулю с Любой, а те на неё. Пока длилось замешательство, Надёжка, пересилив слабость, оделась.

— Сама пойду, — прижимая руку к животу, сказала она. — Я всё затеяла, мне и отвечать.

Люба хотела что-то сказать сестре, но Елизавета перебила:

— Сходи, милая, сходи — настучи ему по спине, окаянному. Никому от него житья нету!

Пока Елизавета поворачивалась к выходу, Надёжка вышла в сенцы, но сразу вернулась, сказала сыновьям:

— Собирайтесь, ребятушки. Вместе пойдём! — и начала одевать Бориску. Пока одевала, Сашка уже стоял готовый: в короткой поддёвочке, в большущих валенках, а шапка — дедова.

С одного конца своего короткого порядка на другой Надёжка, как ей показалось, шла вечность. Душили слёзы, обида застилала душу, она не чувствовала боли, только от слабости заплетались ноги, а Бориска, висевший на руках, казался стопудовым, да ещё Сашка за подол цеплялся. Но дошла. За двором увидела Фокина: сидит на брёвнах и что-то пишет. Надёжка опустила Бориску, посмотрела на гнутый фокинский загривок, и язык онемел. Почувствовав стоящих за спиной, Фокин коротко оглянулся, уткнулся в бумагу, но писать перестал, начал слюнявить карандаш, потом неожиданно быстро встал на ноги:

— Что змеюкой смотришь? Кто вас звал? Думаешь, если привела выводок, так и умаслишь этим? Не дождёшься. Я службу свою знаю! Вот пришлю штраф вашему деду-умнику — последние штаны продаст!

Надёжка столько собралась наговорить соседу, но слова почему-то не шли. Не находила таких слов, какими хотелось высказать то, что думала. Поэтому и молчала, и прижимала к себе ребятишек, тоже молчавших и, наверное, не понимавших слов Фокина, только душонками чувствовавших фокинскую интонацию, заставлявшую смотреть исподлобья... Фокин продолжал что-то говорить, а она взяла за руки ребятишек и, еле-еле ступая, пошла к Вере. Как дошла, разде-

лась и легла на топчан — не помнила. Лишь смутно вставляли перед глазами лица Елизаветы, Любы, Веры... Два дня эти лица, сменяя друг друга, жили перед Надёжкой. На третий у неё появилось желание говорить.

— Где папанька? — спросила она у сидевшей рядом Елизаветы.

— Избой занимается... Чего-то стучит. И внучата с ним.

— Перемажутся они! На улице-то ещё грязно.

— А ты выгляни в окошко! Снега-то и в помине нет. Ребя-тишки в Барском саду в лапту играют... Ну, ладно... Ты пока полежи, а я схожу за шиповником.

Елизавета вышла, а Надёжка, услышав, что Люба занимается с сынишкой, позвала её. Та подошла, улыбнувшись, посмотрела на сестру:

— Оживела!.. Елизавету благодари — день и ночь с тобой сидела, нас никого не подпускала.

— Лес-то отобрали или нет?

— Нет, — Люба присела к Надёжке на топчан, начала расчесывать ей голову, — Елизавета сказывала, что два дня Тимофей ходил сам не свой, а бумагу к начальству всё-таки не понёс. Видно, совесть заела.

Рассказ Любы обрадовал. Сразу стало легче дышать, сила появилась, и есть захотелось.

— Простоквашки случаем нет? — спросила Надёжка.

— Творог должен быть. Вчера Вера откидывала. — Люба соскочила с топчана, начала греметь посудой. — Вот он! Тебе с молоком сделать или так поешь?

— Всё равно как, — негромко отозвалась Надёжка, ощутив вернувшуюся слабость. Поэтому и поела немного, через силу, и почувствовала, что засыпает... Неожиданный сон завладел ею. Во сне казалось, что она слышит стук топора. Привиделось даже, как свёкор изредка тяжело разгибается и трёт поясницу.

Григорий действительно второй день занимался избой. Правда, особо ничего не сделал: перетаскал во двор, с глаз подальше, брёвна для простенка, а оставшиеся ошкурил и обмазал грязью, состарил. Он никогда не плотничал, видел только со стороны. Будь другое время, Григорий нанял бы мастеров, а ныне где их найдёшь? Да и на что? Мужики — на фронте. Денег — нет. Надо самому что-то кумекать. Под вечер Григорий протесал дуб. Неровно, но протесал! Догадался и горбину бревна правильно приспособить. Когда собрался вырубать паз — засомневался: «А нужен ли он? Может, проще и быстрее прибить планки потолще, ими обойтись? Нын-

че уж не до жиру — быть бы живу...» Посомневался Григорий и решил делать по-человечески, чтоб насмешки от людей не вышло! Отыскал в чулане и наточил ржавое долото, разметил куском древесного угля паз и начал полегоньку долбить. Только приновился, откуда-то Пантелей появился: в колушке, в валенках выше колен и шапке с подкрученными «ушами». Небритый, красноглазый, бледный — доходяга, да и только.

— Что с тобой, дед? Белены объелся? — усмехнулся Григорий. — В гроб краше кладут! Садись, покури...

— На себя бы взглянул, брюзга... В дверь-то поди уж не проходишь?

— Чего пришёл-то, дразнить?

— Тебе какое дело? Где хочу, там и хожу! — скороговоркой отговорился Пантелей и, повертевшись около Григория минуту, другую, неожиданно ушёл, а за спиной Сашкин голос:

— Деда, а где сейчас домовый живёт, коли изба пустая?

— Да что вы все липнете ко мне — работать не даете! — пугнул от себя Григорий внука. — То один цепляется, то другой... Тьфу!

Сашка нахмурился — и к Бориске, подзатыльником его угостил. Бориска в слёзы.

— Чего дерёшься? — крикнул Григорий старшему. — А то так подерусь, что три дня на лавку не сядешь!

— А чего он червяка ест! — брезгливо поморщился Сашка и на всякий случай отошёл подальше от деда.

— Мнямня! — радостно проурчал Бориска, крепко зажав в руке извивающегося малинового червя.

— Брось, брось его, кому говорят! — закричал Григорий младшему внуку. — Он все кишки прогрызёт!

Когда Бориска бросил червя на землю и стал топтать его, Григорий шумнул Сашке:

— Иди к тётке Вере и Бориску уводи. Никакой с вами работы.

Только ребята ушли — Пантелей появился. Топор за поясом. Вместе колуха — поддёвка. И настроение сменилось.

— Вот звал, я и пришёл! — улыбнулся чуть заметно. — С чего начнём?

Григорий непонимающе посмотрел на старика:

— Чего мелешь-то? Кто тебя звал?!

— Ну, тише, тише, — замахал на Григория Пантелей, присаживаясь на бревно. — Давай так: ты с одного конца, а я с другого. Вдвоём веселее будет.

Григорий пожал плечами:

— Смотри сам, но только платить мне сейчас нечем. Вот онучи продам, тогда приходи.

— Ладно, ладно — на том свете сочтёмся, — отшутился Пантелей и вдарил топором по бревну. Удары пошли частые, лезвие входило в древесину туго, вязко, веером сыпались светло-коричневые щепки. — Соседа-то не боишься? — спросил помощник, чуток переведя дыхание.

— А что его бояться, коли он слаб против меня. Хотел с лесом прижать, да ничего у него не получилось!

Григорий хотел рассказать, как три дня назад ходил к Фокину, но в последний момент сдержал себя, а уж очень хотелось — было что! Фокин в тот вечер долго не открывал. А когда вышел в сенцы, то, не прикоснувшись к щеколде, спросил:

— Кого нужно?

— Тебя, милоч, хочу увидеть! — вроде бы дружелюбно ответил Григорий. — Открывай дверь-то, открывай — стрелять по тебе не собираюсь... Если бы хотел, то и через дверь мог садануть!

За дверью разлилось молчание, Григорий нетерпеливо нарушил его:

— Чего таишься? Выходи, покалякаем.

— Говори, чего нужно, а то уйду!

— Экий ты... Ну, ладно, что с тобой поделаешь! Не силком же тянуть... Вот что, сосед... Если бумагу на кого из насставишь, то знай, что составил ты её на внуков моих, а это не по совести, сам понимаешь! Как той бумаге дашь ход, в ту же ночь я вам красного петуха подпущу... Добра у вас много — гореть долго будете!

Григорий ожидал услышать от Фокина ругань, но ничего подобного не дождался. Ни словечка. Поэтому, наверное, возвращался от Фокина с таким чувством, будто на празднике побывал.

Это чувство и сегодня жило в Григории, хотя он и на ребят накричал, и с Пантелеем поцапался, хотя тому хоть бы что, ишь как топором-то стучит — глаза следить не успевают. Откуда только сила?!

— Пантелей Иванович, ты уж шибко-то не старайся, не тридцать лет имеешь, — попытался успокоить Григорий распотевшегося плотника, и от своих же слов сделалось неудобно. Смущённо предложил: — А не покурить бы нам, а? — и подал Пантелею кисет, но тот полез в карман за своим. Не торопясь, оба скрутили экономные сигарки и курили молча, не зная о чём говорить.

— Что куришь-то? — спросил Григорий, принюхавшись к дыму Пантелеевой сигарки.

— Что придётся... Сегодня сенную труху пополам с дубовым листом... Где чего лучше-то найдёшь?!

— Выкинь, выкинь, кому говорю! — приказал Григорий и подал свой кисет. — Вот — настоящая махра!

Пантелей осторожно достал из кисета щепотку махорки, медленно насыпал по бумажке трясущейся рукой и, помусолив, долго сворачивал. Прикурил от сигарки Григория и счастливо зажмурился.

— Откуда такое богатство? — заинтересовался Пантелей, до слёз наглотавшись дыма.

— Ксенофонт Михайлович, царство ему небесное, подарок сделал. На всю зиму обеспечил, да и сейчас ещё есть... Почём зря погиб старик. Свои же подстрелили! Должно быть, слышал?

— Как не слышать... Зимой только и говорили об этом... Могилу вместе долбили! Забыл?

Старики опять замолкли, взялись за инструменты и работали, работали... Зато на следующий день, когда Пантелей привёл соседа, стало веселей. А тут и Мать-Грунька появилась. Покурил вместе со всеми и побежал играть в лапту. После Мать-Груньки пришло ещё несколько стариков. Насиделись за зиму по избам, греются на солнышке и махорочку покуривают. Благодать! Кисет за час иссмолили. Отправился Григорий подсыпать табачку, а вернулся — старики уж на избе сидят — крышу разбирают: кто солому скидывает, кто потолочины выносит. И Мать-Грунька вернулся со сверстниками — тоже около избы начали суетиться.

— Эй, эй, — еле выговорил Григорий, увидев такой разор, — это кто же вам велел-то? Вы что самоуправствуете? Пантелей, ты где? Зачем людей подговорил, бестия?!

— Угадал, Григорий, я, — донёсся с чердака голос Пантелея. — А ты не рад этому?!

— Да... — замылся Григорий: — Неловко получается.

— Неловко знаешь что?..

— Слыхал...

— А если слышал, то и поминать об этом нечего.

Григорий прислонился к плетню, замирая душой, наблюдал, как разоряется дом. Была изба как изба, а теперь страшно смотреть: без крыши, с вывалившимся простенком и над всем этим, как колокольня, треснувшая печная труба... А народ всё подходил и подходил. Старухи в сторонке остановились, батожками в мягкую землю упираются, ребятишки сбежались, гадают: упадёт труба или нет? Даже Зубарев, ехавший мимо на дрожках, не удержался, остановил лошадь. Увидев председателя, Пантелей слез с чердака — и к Зубареву:

— Хочешь не хочешь, Фёдор Иванович, а четыре воза соломы потребуется!

Зубарев посмурнел, в душе жалея, что остановился, но вовремя скрыл это и ответил радушно:

— Раз надо, значит, надо! О чём тут говорить. Запрягайте Буланчика и везите солому. Берите, сколько нужно.

Пока Пантелей разговаривал с председателем, Григорий отвернулся от них, словно этот разговор его не касался, хотя сказать кое-что Зубареву хотелось.

Чтобы не терять времени, трое стариков, взяв вилы, пошли в конюшню, а Пантелей с помощником начал рубить простенок. К вечеру, правда, не успели, зато утром поднялись с рассветом, до завтрака простенок был готов. После завтрака всем скопом подняли новую балку, уложили верхний венец, ставший обвязкой; когда начали ставить стропила — хватились, одной переводины не хватает взамен подопревшей. Несколько человек отправились в лес, на плечах принесли подходящее бревно и, самое удивительное, всё происходило белым днём, а люди никого не боялись, хотя ни один бы из них не рискнул это сделать в одиночку!

Не было ещё такого в Князеве! И раньше, конечно, строились и помогали друг дружке, но помощь та была родственной или по дружбе, а тут собрались те сельчане, с которыми Григорий дружбы-то никогда не водил: кивнёт при встрече — и то хорошо. Со стороны казалось непонятым, почему все эти люди старались не уступить один другому, будто для них это строительство самое важное в жизни, и для него ничего не жалко: кто принёс стропилу, кто потолочину, Аниска побелку не пожалела. Григорию припомнилось, как вчера чуть ли не на руках тащили через сырую низину возы с соломой — помогали потемневшему от пота Буланчику, неизвестно на каких кормах пережившему зиму.

Под вечер, когда старики обчёсывали новую крышу, а бабы убирались в избе, Григорий потерял Пантелея, с утра до вечера мелькавшего перед глазами, и наткнулся на него случайно, убирая в сарай инструмент: старик лежал на охалке сена, неестественно закинув вверх подбородок.

— Пантелей Иваныч, — опустил Григорий на колени, — Бог с тобой, ты что надумал?!

— Помирать вот собрался... Хорошо хоть успел наработать напоследок, душу отвёл... Позови мою старуху... Проститься надо.

Пока Мать-Грунька бегал на Отруба за Пантелеевой старухой, старик умер на руках Григория, ничего более не сказав. Только перед тем как забыться, он подался к распахнутым воротам и долгим взглядом посмотрел на золотистое закатное небо, поверх голов сгрудившихся людей.

Расходились молча. Вскоре Пантелея на телеге отвезли домой, Елизавета сходила обмыла покойника, Вера отстояла ночь за псалтырём, а на следующий день в полдень Пантелея похоронили. Поминали его свекольным квасом и куриной лапшой, которую Акуля сварила из остатков петуха, хранившихся в кадлушке со льдом.

Григорий не мог найти объяснений последним событиям. Он не мог понять, что заставило Пантелея взбаламутить людей, самому надорваться. Ради чего? Григорию вспомнилось, как года четыре назад он подрался с Пантелеем на покосе, когда тот сделал лишний прокос в их, савинском, паю. Косил, как оказалось, ошибочно, не заметив межевого колышка, а Григорий после целый год с Пантелеем не здоровался, и не столько из-за обиды или злости, а из-за принципа, чтобы наперёд знал, как соваться в чужой пай! И вот его нет, а Григорий, став его должником, так и не успел расплатиться хотя бы добрым словом.

— Вот скажи, мать, почему с начала войны ни одна баба в селе не умерла? — спросил Григорий у жены, когда шли с поминок.

Акуля удивлённо посмотрела на Григория и отвернулась.

— А ты что, смерти моей ждёшь?!

— Нет, но всё равно уж скажи... Я вот всё думаю и не могу понять, отчего так происходит. Мужики и на фронте гибнут, и свои их стреляют, и жизнь их подбирает, а на баб никакой потравы нет. Отчего так?

Как ни допытывался Григорий, но Акуля ничего не ответила, а, вернувшись домой, принялась наводить порядок в избе, заставив Григория, чтобы не слонялся без дела, конопатить простенок.

В свою избу Савины перебрались этим же вечером. Григорий с Акулей перенесли постели и одежду. Оклемавшаяся после болезни Надёжка принесла от Веры Нинушку, узелок с бельём. Григорий забил в новую балку старый крюк, подвесил на него люльку, и вскоре сноха качала в ней дочку. Сашка с Бориской переступили порог насторожённо. Сашка первым делом заглянул в спальню и оттуда за печку, долго вглядывался в темноту и, ничего не увидев, шёпотом спросил у бабушки:

— Он тоже переселился?

— Конечно, — сразу поняла Акуля Сашкин вопрос, — иди-ка положи ему сухарик, — и порывшись в складках юбки, незаметно сунула внуку малюсенький кусочек чёрного хлебца.

В этот же вечер в дом вернулась и кошка с тремя котятками. Хотя Григорий котят утопил в ручье, но кошка из дома не

ушла и стала играть с Бориской, дожидаясь, когда хозяева покормят, но вместо еды получила от Акули злой пинок: «У, шалава! Иди мышей лови!»

Жизнь продолжалась. Через неделю Надёжка нарвала за двором и у плетней молодой незлой крапивы, изрубилa помельче, добавила в чугуn горстку муки... Когда в обед выкатилa чугуn из печи, забелила щи молоком. Есть можно. Картошечки бы ещё помять, но её совсем не осталось. Даже на посадку. А через день по селу слух пошёл, что за Городищем целое поле необранной с осени картошки, и те, кому уж совсем в рот нечего стало положить, потянулись на это поле. Пошла и Надёжка, скорее из-за любопытства. Картошку и правда не успели выбрать, и теперь народ со всей округи кишел на поле: старухи, дети, старики копались в земле, выскивая разбрюзшее гнильё и собирая это месиво в вёдра. Потом блины пекли. И Акуля испекла на следующий день, когда вонючее месиво протёрли, процедили и собрали отстоявшийся крахмал. Блины получились серыми и ломкими, но есть можно. Прежде блины из картошки да крахмала называли драниками, а теперь — тошнотиками. Только тошнотики Савины в эту весну более не пекли: Надёжка пошла на работу, а ночами начала копать огород. Сначала понемногу, продвигаясь с пригорка к низине, но чем меньше оставалось не вскопанной земли, тем хотелось быстрее докопать. Но за этим дело не стало, сажать нечем — вот беда! Вера, правда, дала ведро мелочи, но много ли это, а время-то уходит. У кого картошка была — все посадили. Вот уж и сады доцветают, а у Савиных огород пустует. Спасибо, Зина-почтальонка надоумила сходить в Болотово, где, как она рассказала, какая-то старуха то ли продаёт картошку, то ли в долг даёт.

— Сходи, сходи, — советовала Зина Надёжке, — два-три ведра принесёшь — всё дай сюда.

И в ближайший выходной, отпросившись у бригадира, Надёжка собралась. Взяла мешок покрепче, лапти надела поновей, потому что идти до Болотова десять километров, а кто говорит — все одиннадцать. Вышла ранним утром, когда пахло зацветающей сиренью, а в небе над порядком кружился коршун, высматривая у фокинской избы цыплят. До Городища добралась быстро, и, не заходя в посёлок, мимо питомника углубилась в лес, миновала его и очутилась на водораздельной высокой равнине, занятой полями: сразу и необразишь, куда идти. Болотово увидела неожиданно: приутилась деревушка в низине, словно от мира спряталось.

Спросила, кто картошкой богат — никто не знает. Наконец, одна старуха догадалась:

— Тебе, должно, кривоглазый Алексей из Выселок нужен... У него картошки пропасть — он осенью до самого снега картошку выбирал на брошенном поле. Весь окупырился. Иди к нему! — сказала старуха, предосудительно поглядывая на Надёжку, словно подозревала её в чём-то.

До Выселок ещё два километра. Нашла и деревеньку, и незнакомого Алексея, оказавшегося молодым, косматым мужиком, насторожённо глядевшим из-под пряди нечёсанных рыжих волос.

— С чужими дел не имею, — неопределенно и ворчливо сразу сказал он на крыльце, рассматривая Надёжку единственным глазом и заслоняя собою дверь. — Сама подумай: дам тебе семян, а где потом искать буду?

— Сказано: из Князева я, Павла Савина жена, — спокойно втолковывала она, хотя душа кипела от злости.

— Никакого Павла не знаю! — Мужик высморкался, утёрся рукавом и собрался уйти в избу.

— Тогда, может, моего брата Дмитрия знал, лесника? У него где-то в ваших местах обход был!

— Это какой Дмитрий-то, из Городища, что ли?

— Во-во, он самый...

— Так бы и сказала, — оживился мужик. — Тебе сколько: ведро, два? Только сразу говорю: сейчас возьмёшь ведро — осенью два отдашь! Такое у меня правило.

Надёжку обрадовало, что мужик даёт картошку в долг, и поспешно согласилась:

— Как скажешь, хозяин, так и будет!

Набрала в подполе три ведра — подпол почти полон! — подумав, высыпала в мешок и четвертое, а наверх вылезла, приподняла — вроде легко показалось. Вернулась в подпол: ещё два набрала, сказала сидевшему рядом косматику, считавшему ведра:

— Вот теперь полный мешок, для ровного счёта.

— А донесёшь? — удивился мужик.

— Раз уж набрала — надо нести, — улыбнувшись, ответила Надёжка таким тоном, будто каждый день за десять километров мешки носила. — Только поднять помощи.

— Поднять-то недолго, чё потом-то делать будешь?

— Да уж как-нибудь...

Взвалила она мешок на плечи — нести можно. Выселками пробежала бойко, а за деревенькой захотелось перехватиться, да не стала суетиться под взглядами копавшейся старухи, смотревшей на Надёжку из-под ладони и приставлявшей

ко лбу то одну руку, то другую. Только когда Выселки скрылись из виду, она позволила себе перехватиться, подбросив на спине мешок, и после этого показался он чуть ли не вдвое тяжелее. Хоть на землю скидывай. Подумала так, и страшно сделалось, потому что скинь сейчас мешок, отдохни, потом ни за что не поднимет. Нет, надо нести, терпеть, не думать о тяжести, надо петь что-нибудь, забыться надо. Вспомнились две строчки из песни о несчастной девушке, похищенной разбойниками. Песня была протяжная, жалобная, вертевшаяся и вертевшаяся на языке: «Сосна горит жарко, Галя плачет жалко...» — и Надёжке показалось, что это она сама плачет, привязанная к горящей сосне. И слёзы подступили, и не хватало сил забыть о несчастной девушке, забыть о себе, чтобы тащить и тащить, уткнувшись взглядом в землю и ни о чём не думая. Где-то над головой в молодой зелени пели птицы, радовавшиеся свету жизни, пели беззаботно, как казалось Надёжке, и ей самой захотелось стать птицей. Тогда надо мучиться, ломать голову заботами — день прошёл, и слава богу... А до дома ещё идти и идти. Онемела шея, и спина онемела, а руки сделались ватными. Высох пот, ручейком бежавший с подбородка, нестерпимо захотелось пить, и Надёжка мечтала хотя бы о глоточке воды — губы смочить! И что из того, что воды кругом много: и в лужах, и в колеях стоит, но поди дотянись до неё... Дорога шла в пологий подъём, скоро должен показаться питомник и тогда просёлок будет ровней, будет легче. А за шоссешкой и вовсе хорошо — уклон начнётся. Только успевай ноги переставлять... Дойдя до питомника, опустила мешок на городьбу, вылезла из-под него, боясь вздохнуть всей грудью. Она придержала мешок дрожащими руками, а самой хотелось лечь, закрыв глаза, раскинуться на траве... Чем дольше стояла у городьбы, тем сильнее чувствовала усталость, словно усталость эта, спохватившись, надумала окончательно разделаться с человеком, не пожелавшим поддаться ей. «Иди, иди, — подгоняла себя Надёжка. — Помощи ждать неоткуда!» Она подлезла под мешок, когда бралась за него, он едва не выскользнул из рук... Удержала, понесла, через каждые сто шагов останавливаясь поправлять мешок. За шоссешкой останавливаться стала чаще, и, увидев на опушке поваленную осину, решила отдохнуть. Последний раз. Пока отдыхала, то подумала: «Что же во мне ума-то нет? Отсыпать бы полмешка, спрятать в кустах, а после забрать». Но эта мысль Надёжку не обрадовала: «А вдруг кто найдёт! Что тогда делать? Нет, надо всё нести... Может, в кустах кто-нибудь ждёт не дождётся, когда я мешок уполовину!» И опять шажок за шажком всё ближе и

ближе к дому. Вот уж и Князево вдали завиднелось, поле перед селом дугой прогибается. Пока по нему тащились, вспомнилось, как в половодье здесь с брёвнами воевала. Тоже несладко было, чуть не померла, спасибо Елизавета выходила... Почти у самых изб Надёжку догнал Фокин, узнав её, ехидно крикнул с ходка:

— Садись, толстопятая, подвезу!

У неё не осталось сил на слова. Она даже глазом не повела, словно это малое движение могло остановить, лишит последние сил... Она не помнила, как шла вдоль порядка, как подошла к дому и вместе с мешком рухнула у крыльца. Пришла в себя от всхлипываний стоявшего рядом человека. Надёжка смотрела на него и не могла понять, кто он, почему плачет.

— Папань, ты чего? — наконец спросила, узнав в человеке свёкра.

Григорий начал поднимать сноху, пытался посадить её на ступеньку крыльца, но та лишь мотала головой:

— Полежу, полежать хочется...

— Как хочешь... Мать, ты где? — донесся из сеней голос Григория. — Иди сюда — Надёха надорвалась!

Акуля прибежала вместе с внуками. Бориска заревел, а Сашка ухватил мать за руку и стал тянуть к крыльцу, прикрикнув на Григория:

— Дед, ты чего не помогаешь-та!

Все вместе усадили Надёжку на ступеньку, Сашка принёс матери воды и та пила жадно, плескала воду на лицо и снова прикладывалась к ковшу, едва удерживая его в дрожащих руках. Бориска мало-помалу первым успокоился и, подойдя к мешку, сказал обрадованно:

— Мнямня!

Пока она приходила в себя, Григорий вёдрами перенёс картошку в сенцы, накрыл мешком, а Бориска не отходил от него. Он терпеливо дождался, когда начнут варить картошку, накормят, но не дождался и заснул. Когда же проснулся, то в доме никого не нашёл, и, выйдя за двор, увидел мать и брата: мать лопатой копала лунки, а Сашка опускал в них картошку... Чуть дальше Бориска увидел бабушку, таскавшую за собой деревяшку с тремя зубьями и чертившую ими землю.

— Этот дьявольский маркер все руки отмотал! — пожаловалась Акуля снохе. — Пойду за дедом — пускай потаскает!

Григорий в это время сидел в сарае и плёл из конского волоса свильцы.

— Лодыря гоняешь?! — напустилась Акуля на мужа. — Иди на огород! Надёжка там убивается, а ему хоть что!

— Совсем не убьётся — она здоровенная... У меня дело по-важней есть! Завтра стеречь пойду! Кнут готовлю.

— Рехнулся! — закатила Акуля глаза. — Сам же всю зиму говорил, чтонутряная жила набухла! Брехун старый.

— Сейчас легче стало. Пасти можно, да и Васёк подрос. Но всё равно тяжело ему одному.

— «Мо-ожно», — скривилась Акуля. — В нынешний год не разбогатеешь, не думай. Людям самим есть нечего. Крапиве не дают вырасти.

— Что мне думать, когда и так всё ясно. Тебе-то, может, всё равно, а мне по селу стыдно пройти, в глаза людям посмотреть. Я ещё помню, как старики на нашей крыше корячились, а ты, видно, забыла!

— Какой совестливый стал? Раньше бы таким нужно быть, когда разбойничал!

— Тебя тогда не спросил... Да и теперь поменьше слушался — две недели не потерял бы!

Григорий на огород так и не пошёл, а Акуля пока ругалась с мужем, пока зашла в избу напиться, пока ходила туда-сюда, то вернулась к Надёжке, когда уж та с картошкой расправилась. Да и много ли одним мешком посадишь? Оказалось, пол-огорода зря копала — семян не хватило и нигде их теперь не найдёшь. Но и то, что сделала, радовало. Теперь лишь бы погода не подвела. Убрав маркер во двор, прихватив ведро с лопатой, она пошла в избу, и вроде не устала, а сердце щемит.

Вечером, уложив детишек спать, вышла на крыльцо. Над селом тишина, погода ясная, воздух тёплый, ароматный и даже сладкий от цветущей сирени. Солнце закатилось за берёзы, над порядком застыл мягкий предвечерний свет, и казалось, что ночь не посмеет наступить. Благодать-то какая! Всё радовало Надёжку в эти минуты: и ласточки в поднебесье, и съевшиеся у гнёзд грачи, а больше всего радовало, что огород пустовать не будет, что, бог даст, всё наладится, только бы Павел побыстрее приходил, а с ним они уж заживут.

Эти волнующие мысли не пропали и утром, когда она собралась на работу. В доме показалось непривычно тихо: Григорий погнал стадо, Акуля молчала, Нинушка спала, спали и ребята, а Надёжке почему-то захотелось, чтобы они проснулись, помахали ручонками, чтобы радость к радости шла. Но вместо ребят на пороге догнала свекровь, спросила, опустив глаза:

— Чего на обед-то готовить?

— Мамань, придумай чего-нибудь...

Нет, радостное состояние Акуле не передалось и не могло передаться. Когда проснулись ребята, она дала им по стака-

ну молока; ни хлеба в доме, ни картошки. Чуть позже проснулась Нинушка. Акуля сменила у неё пеленки, накормила, а после повесила перед ней цветастую тряпицу — играй, милая, забавляйся. Потом взяла ведро и пошла за крапивой. За двор вышла, видит — внучата что-то делают, а Сашкин голосок так и звенит:

— Атарье, марье, зубре. Туре, юре, тормозе. Злато, брито, кумбарито — жук!

Пригляделась Акуля, а они из земли вчера посаженную картошку выкапывают! Перед Сашкой уже пяток картофелин лежит, а у Бориски только одна и наполовину изгрызенная... А Сашка картошку откопает и опять своё: «Атарье, марье...» Но так считает, шельмец, что считалочку заканчивает на себе. «Ах, мошенник! — подумала Акуля. — Ну, я тебе сейчас!»

— Ты что же это Бориску обманываешь?! — неожиданно крикнула она за Сашкиной спиной. Сашка начал оправдываться, а Бориска, показывая изгрызенную картофелину, заплакал и сквозь слёзы повторял и повторял:

— Мнямня, бабака, мнямня...

У Акули и у самой наворачивались слёзы. Как тут ругаться будешь!

— Что же вы её сырую-то трескаете? — то ли укорила она ребят, то ли пожалела. — Пойдёмте, сварю, пока печь не остыла.

Акуля собрала в фартук картошку, но от крыльца вернулась:

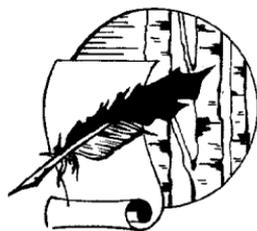
— Чего тут варить? Надо ещё накопать, чтобы уж всем на обед хватило.

Картошки набрали на маленький чугунок. Вместе с внучатами Акуля помыла каждую картофелину, дважды воду из чугуна слила, а когда поставила в печь, то ребята, как часовые, встали у кухни.

— Что вы тут топчетесь? — шумнула Акуля. — Раньше всё равно не сварится, а хоть и поспеет, то до обеда ничего вам не обломится. Вот придёт дед, маманька с работы прибежит, тогда все вместе обедать сядем. А сейчас надо потерпеть, мои дорогие!

И ребята дружно вздохнули.

Продолжение следует

Евгений КУРДАКОВ

К 75-летию со дня рождения

Евгений Васильевич Курдаков родился 27 марта 1940 г. в Оренбурге в семье военных врачей. С 1956 по 1968 год жил в Бузулуке, с которым связано начало творческой деятельности. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Автор шестнадцати книг стихов и прозы, изданных в России и за рубежом. Лауреат Всероссийской Пушкинской премии, а также премии журнала «Молодая гвардия» за 1997 год. Помимо поэтического творчества Е. Курдаков занимался литературоведческой деятельностью, посвятив себя исследованию творчества русских классиков. Много сил отдал переводческой работе, был признан одним из лучших переводчиков казахского классика Абая.

Последние десять лет своей жизни поэт провел в Великом Новгороде, где изучал древнерусскую культуру и древнерусский язык, был сотрудником Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Земной путь Евгения Курдакова закончился в 2002 году. Похоронен под Новгородом, в г. Старая Русса.

ПРЕОБРАЖЕНЬЕ

* * *

Где-то вдали или в юности где-то,
Там, где живая томится душа,
Иволга тихо окликнула лето,
Май встрепенулся, дождями шурша.
Где это, что это, как не забылось?
Как удалось, затаившись, сберечь
Этих дождей морозящую сырость,
Этой реки хлопотливую речь?
Как удалось не утратить надежду,
Вновь и навеки вернуться душой

К дальней тропе, пробредающей между
Явью и нами в пыли золотой?
К миру, где дождь шелестит, пролетая,
Вереск цветёт и в тумане речном
В дальней дали, не смолкая, взывая,
Иволга тихо свистит о былом.

* * *

Апрельский свет, реки струенье,
Необратимый миг, мгновенье,
Дрожащий отблеск невзначай,
Вы промелькнули — и прощай!
Прощай навек, весны страничка,
Травинка, бабочка, синичка,
Ледок под мокрою стеной,
Прощай, мой день, мой сон живой...
Прощай, скворец на старом клёне,
Сырой овраг, трава на склоне,
Детинец с зубчатой стеной,
Софии купол неземной.
Прощай, река в летящих бликах,
Небесный свод в гусиных кликах,
Бессмертной жизни холодок,
Травинка, бабочка, ледок...

* * *

Ты застала меня на излёте,
На изломе судьбы и души,
На какой-то отчаянной ноте
В этой смутной, промозглой глуши, —
Где, прислушиваясь к отдаленьям
Отлетевших в безвременье дней,
Я не верил случайным мгновеньям,
Вдруг поверив улыбке твоей.
И опять что-то всплыло и длится,
Вновь на взлёт встрепенулась душа
Запоздалой предзимнею птицей,
Задыхаясь, волнуясь, спеша, —
Словно не было прежних сомнений
В том, что жизнь — бесконечно нова,
Даже в этой метели осенней,
От которой бела голова.

* * *

По Мстинской улице моей летят метели,
И сквозь метельное безвременье глядят
Две церкви древние, две ветхие скудели, —
Никита Мученик и Федор Стратилат.

Безумен снег, смятенна ночь, но и в смятенье
Святая стража эта страждет до конца, —
Никита Мученик в мучительном терпенье,
Воитель Федор — с твердой стойкостью бойца.

Не бойся ночи, не сдавайся, обессилев, —
В пустом безвременье не спят, еще хранят
На Мстинской улице моей — мою Россию
Никита Мученик и Федор Стратилат.

* * *

А дверь затворена... (Иезек. 44)
*Надпись на фреске церкви
Рождества-на-Красном-поле.
XIV в. Великий Новгород*

За Окольным валом на подоле
Тихо дремлет в роще над рекой
Церковь Рождества-на-Красном поле,
Сторожа кладбищенский покой.

Тяжелы бугры валунной кладки,
Груб портал и окна без прикрас, —
Но иные тайны и загадки
В Божьем храме спрятаны от глаз.

Там внутри, под сенью низких сводов,
Где, струясь, мерцает полутьма,
Золотятся в охристых разводах
Фрески несказанного письма.

Вещий свиток развернул Исайя,
В седине лучисто-серебрист,
И, фаюмским ликом потрясая,
Смотрит строго Марк-евангелист.

Серафимы, ангелы, пророки,
Лики Византии и Микен, —
Всё наследье мира, все уроки
Отразила роспись древних стен.

Кто ж ты, Русь? Наследница? Предтеча?
Где, каким порывом и судьбой
Эта красота всечеловечья
Так свободно принята тобой? —

Так, помимо доли и юдоли,
Что и впрямь не Господом ль дана?
Церковь Рождества-на-Красном поле, —
Тайна спит, а дверь — затворена.

... А когда вдруг станет одиноко
От бессмертной пошлости людской,
К церкви Иоанна-на-Опоках
Я иду с обиженной душой.

Там в глубокой нише на апсиде
Фреска есть, с которой Иоанн
Смотрит строго, словно бы предвидя
Этой жизни скудность и обман.

Нет, ни тишины, ни утешенья
Он не обещает впереди.
Дышит силой духа и терпенья
Строгий лик и твёрдый взгляд — иди! —

Что ж, — вздохну, — и этого не мало,
Он — Предтеча, знает, что к чему, —
Обопрусь на посох свой устало
И судьбу безропотно приму, —

Все твои обиды, мой Скифополь,
Это прозябанье без гроша,
Где Опоки — это не Акрополь,
Но зато жива ещё душа...

ВОЛОТОВО ПОЛЕ

«Тогда бо быша чудове на земли, рекши волотове...»
Хронограф, 1494 г.

Здесь в поле древний есть погост с таинственным курганом,
В нём упокоен Гостомысл, начальный русский князь.
А рядом — низкий саркофаг над Волотовским храмом
Хранит развалины его, печально накренься.

Всё дремлет здесь, как будто ждёт, что кто-нибудь разбудит,
Но не спешит никто будить весь этот ветхий тлен,
Прах неких вологов и прах навеки забытой чуди,
Руины, камни, валуны, остатки древних стен...

Но, говорят, там иногда летает ангел странный
Он над руинами кружит, как облачко струясь...
Что ищет он над полем тем: скудель души туманной,
Или оборванных времён потерянную связь?..

Всё занесло тоской времён и тайной первозданной,
Земля забыла, кем жила, о ком слагала сказ...
И только ангел вековой в печали несказанной
Парит, взыскаю и грустя, страдая и молясь.

ПРЕОБРАЖЕНЬЕ

Преображаясь, сдвигаясь, меняясь,
Утренний свет возникает во мгле...
Дни золотые неведомых таинств,
Что ж так бессветно у нас на земле?

Что же не впрок ни вчера, ни сегодня
Правда небес, что скупа, но проста:
Свято — лишь Преображенье Господне,
Преображенья людские — тщета.

Тщетны смятенья, взрыванья, попанья
Вечных устоев, священных основ, —
Преображение — это слиянье,
Перетеканье под Божий Покров...

Солнечным золотом свод опоясан,
И вызревает, румянясь зарёй,
Светознаменное яблоко Спаса —
Плод занебесный над грешной землёй.

ХУТЫНЬ

Дух всюду суший и единый...
Г.Р. Державин, «Бог»

В зыбком пространстве, метельном, белесом,
Звон колокольный раздастся, — и здесь,
Над заметёнными полем и лесом
Вдруг заволнуется снежная взвесь, —

Вдруг, загустев в предрождественском звоне
Преображенского храма вдали,
Сдвинутся в вечность, устав от погони,
Дни этой снежно-пресветлой земли, —

Слесом и полем метельного цвета,
С солнцеворотом, творящимся днесь,
Там, над священной могилой поэта,
В Божьей скудели под светом небес.

* * *

Есть в Старой Руссе церковь Мины.
Там, у заросшего пруда
Стоит она, тиха, пустынна,
Забята всеми навсегда.

В нелепом этом запустенье
Камней, столпов, крутых апсид
Витают благовест терпенья
И всепрощения обид...

Не знаю, молятся ли храмам
Заброшенным, но только здесь
Я был овеян ветром странным,
Как бы ниспосланным с небес.

И ощутил не на мгновенье,
Что от всего остались нам
Вот этот благовест терпенья
Да, словно Русь, забытый храм, —

Которые в безмолвной стыни
Вот-вот исчезнут в никуда...
Есть в Старой Руссе церковь Мины,
Там, у заросшего пруда.

* * *

Вдоль осени, её страды печальной
Пройтись, вдохнув её тревожный прах...
Что не забыть? Что рифмою случайной
Для памяти скрепить в своих стихах?

Чету капустниц на осенней тризне
Цветов и трав? Дымка горчащий чай?

Оливково-прозрачных лягушат,
Из-под ноги взлетающих, как брызги?..

А может, сразу всё: предснежный ветер,
Бесптичье одиноких рощ вдали,
Глухую грусть своей родной земли,
Единственность её на белом свете?..

Где надо всем — подобием креста
Тень Господа — сияюще проста.

* * *

Ночью слышно: ветер стонет,
Это — надо мной!..
Анатолий Передреев

Приснилось мне, что смертною метелью
Я занесён в затерянном краю,
И звуки ветра хриплою свирелью
Мне тихо напевают жизнь мою.

Земную жизнь, прожитую по-русски,
С отчаяньем и верой позади, —
Чтоб здесь, в конце, под этим настом хрустким
Проститься с ней, смиряя стон в груди.

Но нет упрёка в этом слабом стоне
В нем лишь печаль о том, что у конца
Горячий снег уже ничьи ладони
Мне не смахнут с холодного лица.

Что уж никто прощальными губами
Не тронет губ моих, любя, дыша, —
И улетит в метельный этот пламень
Навеки не прощенная душа...

Приснилось мне, а может, не приснилось,
А может, этот снег, что бьёт в окно
Навеял эту боль и сиротливость,
Что вечно нам в себе нести дано, —

До запоздало горького признанья,
Которое возникнет вдруг, разя,
Что можно жизнь прожить без состраданья,
А умереть без этого нельзя.

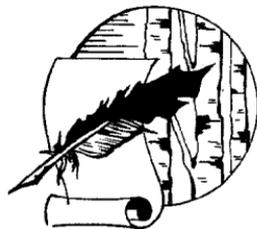
И потому растерянно и слабо
Я все прошу кого-то без конца:
Хотя б во сне, во сне, во сне хотя бы
Смахни мне на прощанье снег с лица.

* * *

Снова судьба без мерил и без правил
Бросила душу в распыл и раскол,
С вечной тоскою о том, что оставил,
И недоверьем к тому, что нашел.

Снова устало, и трудно, и глухо,
Вдруг отбормочется тёмным стихом
Высвобожденье потухшего духа,
Самопрощенье пред завтрашним днём, —

Чтобы опять без мерил и без правил
Править судьбу до конца и всерьёз,
Где никому ничего не оставил
И ничего навсегда не унёс.

Юрий ПАРКАЕВ
(1941 — 2013)

УШЕДШИЙ ПЕСНЯМИ В НАРОД

* * *

За окнами помята и рассеяна
Уснувшая на крышах тишина.
И только песня на стихи Есенина
Сквозь ропот ветра всё-таки слышна.

Она плывёт по молчаливой комнате
И вместе с ней далёкое тепло:
«Вы помните, вы всё, конечно, помните...»
Звонит, звонит оконное стекло.

Поёт метель на громовых аккордах...
В такую ночь, куда ни повернусь,
За сотнями огней большого города
Всё вижу ту, есенинскую Русь...

ВПЕРВЫЕ

Александре Александровне Есениной

Как ты загадочна,
Музыка первых бессонниц!
Каждая новая нота
Волнует до слёз.
В розовом омуте
Залитых мёдом околиц
Бродит мальчишка
В венке золотистых волос.

Что потерял он
В траве ослепительно-росной?

Что он нашёл
На дымящейся глади Оки?
Может, он вспомнил
О девочке русоволосой,
Той, у которой
Глаза,
Словно мир, глубоки?

Может, его разбудил
Полевой колоколец,
И не давали заснуть
До утра соловьи?..
Как ты мучительна,
Сладкая песня бессонниц,
Неуловима и вечна,
Лови — не лови!..

Вот — зазвенели
На листьях гирлянды росинок,
Синее небо
Окрасилось в розовый цвет..
Этой зарёю
Впервые услышал Россию
Отрок рязанский,
Великий российский поэт.

ЕСЕНИН

С модной тростью,
В смокинге цивильном
Он ходил,
Шокируя цилиндром
Революционную Москву:
Барду,
Избалованному славой,
Нравилось
Мальчишеской забавой
Волновать неверную молву.

А ночами
Мастером суровым,
Раздвигая зрение над словом,
Он вгрызался в недра языка.
Каторжна была его работа.

Но — светлы мгновения полёта
Над рябым листом черновика!

...Снова
Неожиданным ознобом
Он идёт по сумрачным сугробам
Сквозь колонны скорби
И любви, —
Чтобы снова вспыхнуть,
Как легенда,
Воплотившись в бронзу монумента,
В Храм Нерукотворный
На Крови.

Грустный,
Словно музыка из сада,
Нежный,
Словно лепет звездопада,
Вечный,
Словно солнечный восход, —
Кто же он,
Как не сама Природа, —
Юноша,
Пришедший из народа,
И ушедший песнями в народ?!..

* * *

О, русская святая светизна,
Берёзовое царство Берендея!
И ты стоишь,
От нежности бледнея,
И тишина,
Как в озеро, в тебя погружена...

Молись чащобам,
А слова придут.
Ты только вникни в травы и деревья,
А уж они поймут твоё доверье,
Не надсмеются и не предадут!

И ты на миг застынешь,
Не дыша,
Обняв рукой берёзку молодую,
И сквозь кору дремучую, живую,
С тобой заговорит её душа...

Сергею Никоненко

Москва. Восемнадцатый год.
Ноябрьское небо свинцово.
На площади митинг идёт
В помин Алексея Кольцова.

Была его песня чиста
Как вздох лебеды на рассвете,
И строчка о нём неспроста
Прописана в красном Декрете.

Пусть памятник скромен на вид:
Суровой эпохи примета.
Зато Марсельеза гремит,
Греми — в честь Кольцова-поэта!

А рядом — меньшей его брат
По крови, по зорям весенним, —
Цветущий, как яблонный сад
И буйный, как ветер, Есенин.

Он знает: грядут времена,
Они уже где-то меж нами,
Поскольку иная страна
С иными встаёт именами!

Года пролетели, как миг,
Растаяв, как звёзды, в тумане...
Но что это?! — Снова возник
Тот митинг на киноэкране.

И снова куда-то сквозь нас
Глядит и проходит, сгорая,
Кудрявист и голубоглаз,
Посланец Рязанского края...

И скажешь спасибо кино,
За то, что из мрака забвенья
Ему одному лишь дано
Вернуть золотые мгновенья.

* * *

И душою, и кровью, и кожей
Постигая сей жизни секрет,
«В этом мире я только прохожий», —
Признавался великий поэт.

Мы бесстрастны к признаниям этим,
Но хотим мы того, не хотим —
Все в одном направлении едем,
Даже если в квартирах сидим.

О, незримая эта дорога,
Что летит напролом, напролёт!
Мы — попутчики с вами до срока:
Кто сегодня, кто завтра сойдёт.

Вот опять оборвалась беседа
Как струна, что утасла, звеня...
— Да свиданья! — окликну соседа,
Только он не услышит меня...

Строим дом, улыбаемся детям,
Землю пашем, стучим в домино —
И всё едем, и едем, и едем,
Даже если не ездим давно.

Открываю глаза спозаранок.
В небесах догорает звезда...
А ведь будет и мой полустанок,
Но — неведомо, где и когда.

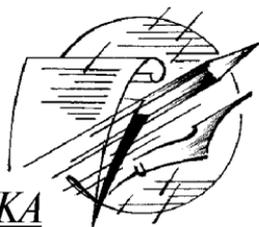
Будет, будет... Во мгле бездорожий...
И тогда сквозь рыданье дождя
«В этом мире я только прохожий» —
Ещё раз повторяю, уходя.

КТО ТОЛКАЕТ МИР К НАЦИСТСКОМУ МРАКОБЕСИЮ?

I

Последнее десятилетие представило достаточно доказательств тому, какой масштаб приняла подрывная деятельность нашего главного противника против России и стран СНГ. Из анализа только того, какие огромные средства брошены им на ведение информационной и психологической войны можно лишний раз сделать вывод о том, что американские стратеги рассматривают подрывную пропаганду как одно из главных средств на пути к поставленной цели — к новому мировому порядку.

Фактически на наших глазах происходит совершенствование противником механизма «психологической войны». Не нужно быть особо прозорливым, чтобы не заметить того, что «выхлопы» этого механизма породили не только огромную армию «агентов влияния», но и осели в виде «пятых колонн» в тех странах и регионах, которые входят в «сферу интересов» США. Из этих «интересов» и колоссальной дестабилизирующей роли американских спецслужб отчетливо прорастают аналогии с теми подрывными методами, которые ЦРУ использовало против СССР.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Уже ни для кого не является секретом, что начиная от перестроечной эйфории и заканчивая трагическими событиями в некогда дружественной Украине, львиная доля вины ложится на т.н. «четвертую власть», выполняющую и по сей день геополитический заказ наших врагов. Именно эта «власть» играла и играет роль Герострата в сокрушении важнейших государственных институтов, в подрыве основ государственной и экономической независимости, в разрушении исторических и морально-духовных ценностей наших народов, в ослаблении иммунитета защиты страны от засилья чуждой нам идеологии.

Как бы ни было неприятным для нас, но мы, патриоты, не можем не отдать должное прозорливости и дальновидности американских стратегов. Им понадобился лишь короткий исторический промежуток времени для того, чтобы добиться поставленных целей — наши страны заполнены эрзацами культуры, телевидение системно отравляет сознание подрастающих поколений сценami насилия и низменных побуждений, вытравливает из душ молодежи чувства патриотизма, возводит предательство в культ поклонения. Красноречивым свидетельством одной из причин краха государственности Украины и установления в ней фашистского режима явилась целенаправленная деятельность украинских СМИ по насаждению в сознание граждан, особенно молодежи, национал-фашистской идеологии и формированию образа «внешнего врага», против которого при поддержке спецслужб Запада была развернута широкомасштабная информационная война.

Разве нас не должно волновать и настораживать то, насколько американские стратеги и их спецслужбы быстро ориентируются в возникающих острых ситуациях и достаточно оперативно вносят текущие коррективы в военные доктрины и в совершенствование методов информационной войны? Как бы ни было горько сетовать на разрушение великой державы СССР, но не извлечь урока из причин, породивших нынешнюю нестабильность в мире, чреватую мировым апокалипсисом, — мы не имеем права, потому что тогда некому будет нас судить. И пусть не будет зазорным (для пользы мира) поучиться у нашего главного противника тому, как он профессионально умеет проводить анализ происходящего и как мастерски он умеет манипулировать общественным сознанием и мнением.

Да, Россия — правопреемник СССР — в силу известных причин ослаблена. Но извечные ее враги не ослабляют своих усилий к тому, чтобы обострить конфронтацию в мире и в

нашем обществе, несмотря на то, что уже не существует коммунистической системы. Но существует Великая Россия, являющаяся консолидирующей силой славянской цивилизации с ее неисчерпаемым духовным богатством. Вот почему разведки англосаксов, испокон веков ненавидящих Россию, предпринимают все попытки для того, чтобы она не смогла, как и в минувших столетиях, занять достойное место в мире.

Сегодня они находятся в паническом страхе от того, что Россия превращается в высокоразвитую державу, способную занять лидирующее положение в мировом сообществе. Они своим нутром ненавистников чувствуют, что в постсоветском пространстве прорезаются объективные предпосылки к объединению стран и народов, некогда составлявших великое Отечество, сломавшего хребет претендующего на мировое господство фашизму.

На этом фоне вполне объяснима та особая роль, которая предназначена нашим главным противником для марионеточных зарубежных разведок. Это подтверждается множеством фактов, свидетельствующих о безнаказанных вмешательствах во внутривнутриполитическую жизнь наших стран разного рода иностранных правительственных и неправительственных организаций, напичканных агентурой ЦРУ и стран НАТО. Именно, перед ней ставится задача играть ведущую роль в информационной и психологической войне, вылившуюся, как известно, в череду пресловутых «цветных революций».

К тому, что произошло и происходит на Украине, сегодня приковано внимание всего мира и, естественно, что при нынешнем геополитическом раскладе сил этому дается разная оценка, причем, в подавляющем случае в той интерпретации, которая выгодна оседлавшим «информационного коня» США. А если точнее, США уже, не скрывая своей причастности к фашистскому перевороту на Украине, перешли от информационной к **дезинформационной войне**, втянув в нее ЕС и др. марионеточные страны — с тем же долларovým размахом, как и в годы, предшествующие развалу СССР. Теперь уже мало осталось политиков, сомневающих в том, что долларový поток вымыл русло для горбачевской перестройки, а последовавшие за ней хмельные эпатажи первого лица государства послужили благодатной почвой для насаждения иностранными разведками агентуры в важнейшие структуры наших государств.

На примере Украины особенно убедительными выглядят факты подрывной деятельности зарубежных резидентур. Продажные (от первого и до нынешнего) президенты и под-

чиненные им спецслужбы предоставили фактически легальные возможности опутать вражеским разведкам агентурной сетью всю страну. Более того, что очевидно для профессионалов, «рыцарям плаща и кинжала» дали зеленый свет для создания на т.н. «особый период» агентурного резерва, личные качества и возможности которого проверяются на конкретных их действиях в нынешней ситуации. Речь идет о многочисленной группе беспринципной научной и творческой конформистской интеллигенции, почти поголовной части продажных журналистов, аполитичных военнослужащих, активных сторонников фашистского переворота. Одних эта «пятая колонна» использует втемную, а других провоцирует на открытые акции по подрыву основ государства.

В большей или меньшей степени это касается и других стран СНГ, где политическая элита пока недооценивает того, что в случае проигрыша России на геополитическом ристалище их Беловежский «суверенитет» рухнет как карточный домик. К сожалению, и здесь политикам (да и их спецслужбам) присуща политическая инфантильность, характерная особенность которой заключена в неумении (или нежелании) принимать продуманные и своевременные решения и брать на себя ответственность. Этому сопутствует также и недооценка того, что главный противник привык работать на опережение с присущей ему нахрапистостью и уверенностью в безнаказанности. На фоне происходящих событий на Украине для многих уже сформировался вывод о том, что речь идет не о заговоре и кознях каких-то коварных сил, а об огромной, не прекращающейся ни на миг многоплановой подрывной деятельности западных спецслужб по демонтажу теперь уже России.

Как бы и кем бы ни оспаривалась точка зрения, изложенная в данной статье, но от вывода того, что ЦРУ США готовит для Российской Федерации «Перестройку-2» с вирусами бандеровского майдана, не уйти. Какие еще нужны подтверждения тому, что экономическая экспансия против России является очевидной частью геополитических устремлений США, преследующих цель установления мирового господства? И может ли наша общественность и власти игнорировать целенаправленные разрушительные действия врага по демонтажу России, стремлению вбить клинья в страны СНГ, чтобы вызвать раздоры между ними, разжечь агрессивную русофобию, кровавые проявления которой колоритно демонстрирует фашистский режим Украины?

В том, что ведущие политики РФ и стран СНГ, занимающие ключевые позиции и формирующие общественное мне-

ние, задают себе такие вопросы, сомнений не возникает. Особенно сегодня, когда уже на ведущих телеканалах России раздаются призывы видных политиков, лидеров ряда партий и общественных организаций к властям с требованием, без оглядки на то, что скажут на Западе, повести решительную борьбу с «пятой колонной».

Насколько обоснованы такие требования и тревога за наше будущее можно доказать множеством фактов, свидетельствующих о том, что почерк и методы подрывной деятельности нашего главного противника не претерпели существенных изменений. Как и в годы горбачевской «перестройки», враг делает ставку на тот же контингент: расплодившихся «агентов влияния» (речь не идет об агентуре глубокого залегания), на ту же гнилую прослойку журналистов и писателей, беспринципную интеллигенцию и либералов-космополитов, к сожалению, обосновавшихся в структурах государственного управления и особенно в гуманитарной сфере, то есть, в советском понимании, осуществляет с помощью этой категории полномасштабные «идеологические диверсии», основной задачей которых на данном этапе является воспрепятствование формированию патриотическими силами, учеными, философами национальной идеи. А без нее, как известно, нельзя создать идеологию на уровне государства, не говоря уже о том, что эти же силы всячески препятствуют разработке хотя бы ее концепции.

Только индифферентный ко всему обыватель не замечает того, как из кожи вон лезут венедиктовы, альбацы, шендеровичи и собчаки, которые даже робкие намеки на создание такой концепции подвергают обструкции, нагло выставя на посмешище наши лучшие исторические духовные традиции. И как тут не удивляться правовой фригидности властей, когда «черная пропаганда» ливневым потоком извергается известным каналом — «Дождем»? Робкие же попытки защитить информационное пространство страны от антироссийских выпадов этого телеканала подобны применению дырявого зонта, через который ядовитые капли его пропаганды безнаказанно и обильно орошают общественное сознание.

Насколько известно, до сих пор не возбуждено уголовное дело против обосновавшегося в Киеве Е.Киселева (гражданина РФ), ныне ведущего передачи «Черное зеркало». Пожалуй, ни один украинский канал по степени изощренности в клевете не может соперничать с этим предателем, который на своем «черном зеркале» вкупе с черными ртами необандеровцев в открытую призывает к войне с Россией. Задумываются

ли власти России над тем, что перечисленные подонки являются также разносчиками бандеровской чумы, симптомы которой проявляются уже в самой с ослабленным иммунитетом России?

Последние события, разворачивающиеся на Европейском континенте, свидетельствуют о том, что возрождению фашизма в одном из его государств предшествовала длительная информационная война наших противников, разрушительные последствия которой сказались на подрастающих поколениях, о чем в свое время мечтал шеф ЦРУ А. Даллес. Дать возможность нашим врагам безраздельно господствовать в информационном пространстве — значит способствовать созданию ими реальных плацдармов для развязывания реальных боевых действий против деморализованного и зомбированного «черной пропагандой» населения. Такова цель информационной войны Запада как предтечи кровавой развязки его геополитических устремлений.

Одним из активных противников братского единения наших народов был убитый в феврале этого года Б. Немцов. Большую часть своей политической карьеры Немцов занимался развалом России и предательством её интересов: либо непосредственно, когда он был вице-премьером при Ельцине, либо опосредованно, когда он дестабилизировал внутриполитическую обстановку в стране, находясь в рядах несистемной оппозиции. Его смерть не отменяет того факта, что при жизни он был предателем России, и уж тем более нисколько его не оправдывает. Несмотря на то, что Немцов не заслуживал такой участи, мы ни в коем случае не должны поддаваться эмоциям. Немцов — заурядный проходимец, а никакой не пламенный борец с режимом, погибший во имя высоких идеалов.

Неудачи нашей страны в информационной войне вызваны прежде всего тем, что политическая элита не учла горького опыта поражения СССР и ослабления России. В нынешнем составе власти много тех, кто участвовал в расшатывании государства в 90-е годы. Они крепко связаны с теми журналистами, которые выполняли политический заказ по разрушению СССР, а теперь и России, и которые продолжают работать сегодня.

II

Нынешняя Европа напоминает пробуждающийся вулкан, катастрофическое извержение которого завершилось 70 лет назад. В преддверии беды, масштабы которой при бряцании

атомным оружием трудно предсказать, солнце, словно предвещая надвигающуюся на мир трагедию, окрашивает горизонт в темно-багровые цвета и спешит скрыться от надвигающихся на него свинцовых туч. Казалось бы, за наступившей кромешной тьмой последует блаженная тишина. Но люди боятся ее. Потому что это кажущаяся и тревожная тишина. С ней они встретят восход солнца с тем же предзнаменованием беды, сопровождаемым нарастающим потоком зловещих звуков, несущихся из Украины.

Гитлеровская какофония с украинским акцентом на пике психического возбуждения в стенах Верховной рады, в нацистской хунте и в рядах ее карателей с воплями бандеровского «хайль» сотрясает почву Европы, обильно посыпанную пеплом жертв фашистских преступников. Из потревоженной почвы, как в пустынном мираже, возникают картины злодеяний фашизма. Словно в калейдоскопе, сменяются одна за другой картины истребления народов гитлеровскими и бандеровскими бандами, для которых человеческая кровь являлась питательной средой. Вслед за «Хрустальными ночами» следуют зарева пожарищ Хатыни и стоны заживо сожженных детей, женщин и стариков, черного дыма крематориев Освенцима, крики отчаяния тысяч расстреливаемых в Бабьем Яре, тонущие в крови жертвы бандеровской резни поляков на Волыни.

Жуткие картины преступлений этих человеконенавистников уже после разгрома фашистской Германии поляки видят в дыму кровавого зарева в Бешадах (юго-востоке Польши), а перед всей Европой предстают неоспоримые факты зверств бандеровских головорезов ОУН-УПА, перешеголявших в жестокости гестаповских мастеров смерти. И здесь же, вперемежку, из водоворота перечисленных событий всплывают картины нынешних факельных шествий нацистских молодчиков, громящих исторические памятники и глумящихся над братскими могилами воинов, погибших при освобождении Украины и Европы от коричневой чумы. Ныне эта опьяненная запахом крови свора является костяком т.н. украинской армии, каратели которой с садистским усердием уничтожают своих братьев и сестер на многострадальной земле Донбасса.

Нацистский бумеранг, запущенный предателем Л.Кравчуком, спустя годы вернулся на киевский Майдан, откуда, оставив кровавые следы, перенесся на просторы Украины и уже, как бы по закону броуновского движения, «хаотично» и «неуправляемо» совершает свои губительные круги и выражи. На самом же деле царящий хаос в стране, как и братоубий-

ственная бойня, давно запрограммированы в тихих кабинетах ЦРУ и Белого дома, впрочем, как и управляемость курсом этого бумеранга — убийцы, оставившего следы жутких преступлений в Одессе и Мариуполе. Ныне этот бандеровский монстр используется как орудие геноцида собственного народа и превращения в безжизненное пространство территории Новороссии.

К сожалению, только мизерная часть западных политиков начала отдавать себе отчет в том, что реинкарнированные чемберлены, даладье, риббентропы и вертящиеся вокруг них те же политические шакалы способствовали превращению Украины в обитель фашизма. Как и тогда мюнхенский сговор ставил своей целью повернуть Гитлера на восток, так и сегодня, руками взлелеянного ими украинского нацизма они планируют сокрушить своего геополитического оппонента — Россию.

При этом европейский истеблишмент явно недооценивает того, что за спиной тупых, алчных, жестоких и агрессивных украинских неонацистов стоят США, аппетит которых куда амбициозней, чем у Гитлера. Вальжной элите невдомек, что в случае перевеса США в геополитических играх Европа, как и другие сателлиты, будут америкосами банально кинуты и превращены в вечных попрошаек с протянутой рукой. А бандеровская Украина останется у разбитого корыта: сегодняшних карателей, даже не отмывая их от крови, перекавалифицируют в евроассенизаторов, мойщиков ночных горшков и посуды в ресторанах и захудалых забегаловках, где пьяный посетитель сможет воспользоваться сексуальными услугами украинских проституток, заполонивших бордели и панели Европы.

Таков удел украинских продажных пещерных ненавистников, которые не способны ни созидать, ни воевать. Вот почему Гитлер, а теперь и США, дабы не терять лица западной цивилизации, используют (как и ранее) эту мразь для самой грязной работы: зверски издеваться над безоружными жертвами, разрушать все на своем пути и угодливо лизать задницы своим боссам.

Что касается остальной части земного шара, то не трудно представить, какая судьба может постигнуть другие страны и народы, если сейчас не остановить кровавую поступь украинского фашизма. По сути дела, он американский, потому что взращен на американских долларах. Того же происхождения и т.н. «международный терроризм». Именно ЦРУ США взрастило на эти же доллары и явило миру Бен Ладена, который до определенного времени выполнял их грязную работу,

а потом ими же был коварно уничтожен. Под теми же масками «поборников демократии и цивилизованного Запада». Не задумывается ли над этим верхушка украинских нацистов?

Таким предвидится дальновидными политиками расклад будущего мира, если вовремя не остановить опаснейшую разновидность фашизма — *американского*.

Это определение должно прочно войти в лексикон политиков, стоящих на антифашистских позициях. С их помощью мировая общественность должна получить исчерпывающую информацию, подкрепленную множеством фактов, свидетельствующих о том, какую роль сыграл американский империализм в становлении фашистских режимов в мире и особенно на Украине.

Как бы это ни звучало кощунственно, Гитлер выглядел честнее американцев. Как известно, фюрера в неистовство приводили слова «демократия», «парламентаризм» и «свобода слова». США, придерживающиеся той же идеологии и гитлеровских геополитических доктрин, наоборот, этими словами, как бронжилетом, спасают свое нацистское нутро. Страницы летописи тягчайших преступлений американского фашизма против человечества раскрываются с атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, применения бактериологического и химического оружия, кровавых переворотов и террора в ряде стран мира, и вряд ли этот жуткий перечень будет закончен на Украине. Мировой же общественности американская пропаганда настойчиво и нагло вбивает в сознание, что эти глобальные злодеяния носят характер «продвижения демократии».

*Сотни тысяч заживо сожженных
Строятся, строятся в шеренги к ряду ряд.
Интернациональные колонны
С нами говорят, с нами говорят.
Слышите громовые раскаты?
Это не гроза, не ураган —
Это, вихрем атомным объятый,
Стонет океан, Тихий океан.
Это стонет,
Это стонет
Тихий океан!*

Слышит ли Европа эти громовые раскаты? Чувствует ли вину перед всем миром и историей за то, что она менее чем за столетие дважды превращалась в источник зарождения на ее континенте фашизма, принесшего всему миру неисчисли-

мые человеческие и материальные потери? А может быть, напомнить помешанным на почве русофобии господам олландам, меркелям, коморовским и прочим «евродемократам», какой ценою расплатились их народы за заигрывание с нацистами? Или мало у них доказательств того, что гестаповские опричники — бандеровцы в изошренности пыток над людьми заткнули за пояс инквизиторов всех времен?

Вместо того, чтобы поставить бандеровскую Украину на колени и заставить ее покаяться перед всем миром за то, что позволила поднять голову недобитым нацистским извергам, эти политиканы вытягивают из кармана своих народов, в свое время пострадавших от гитлеризма, средства на субсидирование тех же фашистов, которые сегодня топят в крови собственный народ.

Украина должна быть поставлена на колени и просить прощения перед ветеранами стран антигитлеровской коалиции за то, что надругалась над могилами и памятниками их боевых побратимов, сложивших головы на полях сражений, не дожив до дня Великой Победы.

Она на коленях должна просить прощения у Бога за сожженные Православные Храмы, за то, что подрывает основы веры, используя отлученных от церкви вероотступников, которые именем Божиим благословляют бандитов на истребление мирного населения. Она должна покаяться за разжигание вражды между нашими братскими народами и за посягательство на их вековые чаяния — жить в братском единении славян. В своей исповеди она должна осудить и свои преступные действия, в результате которых ее народ обречен на нищету и вымирание.

Россия как правопреемник СССР должна выступить с инициативой о воссоздании Всемирного Совета Мира. Какую положительную роль в свое время этот орган сыграл — всем известно. Последние события в мире и особая агрессивность американского фашизма — как раз сегодня диктуют необходимость безотлагательного рассмотрения этого архиважного вопроса.

РАССКАЗЫ

ЛОО

Будильник прозвенел в половине восьмого.

Умывшись, Надежда Романовна встала возле распахнутого окна, как вставала каждое утро, любуясь роскошными соснами и говорком снегирей. Да, лесопарк был прекрасен. И воздух! Как будто из склянки с густым эликсиром.

«Умели когда-то любить детей, — она обернулась на комнату, где у двери торчал умывальник, а прямо над ним висела хилая полка. — Что же случилось-то? Что завернуло жизнь до упора, до преступления? Те же аллеи и корпуса, а люди — словно с другой планеты».

— Встаем, молодежь! — прошла в коридор, постучалась к вожатому в дверь.

Слышно было, что кто-то грузно вскочил с кровати. Наверное, снова она — старшая над вожатыми.

Сначала Надежда Романовна даже не знала, чем эта женщина занята в лагере, думала, что уборщица или кухонная рабочая. Видела ее по ночам из окна: ходит в юбчонке до ягодниц, едва шевеля ногами, посколькуну ноги как рыбий хвост. Явная шлюха.

ПРОЗА

Теперь вот повадилась к Павлу Сергеевичу. Когда убирали с дорожек сосновые шишки, Надежда Романовна не вытерпела, сказала: «Как вам не стыдно? Он же мальчишка!» А вечером на планерке та лихо свела с ней счеты: «Кто вам дал право меня оскорблять при всех? Я на четвертом курсе пединститута, кто вам позволил портить мне репутацию?!» У Надежды Романовны в изумлении вытянулось лицо. Но остальные яро вступились за «оскорбленную», даже не зная, в чем дело; Надежда Романовна ушла со слезами.

Пройдя до конца коридора, вышла на лоджию — переждать. Да, вот и она, с рыбьим хвостом, будущий школьный учитель, — тащится по дорожке. Тьфу!

Снова вернулась к двери водителя.

— Павел Сергеевич, просыпайтесь, вы на работе!

Пока шестнадцатилетний помощник, мнивший себя красавцем, раскачивался, она поднимала детей.

— Ребятки, скорей, на гимнастику опоздаем.

— В стро-ой! — завопил в коридоре Павел Сергеевич, полный достоинства и солидности. (Когда при первом знакомстве она назвала его Пашей, он гневно поправил: «Прошу вас, по отчеству!»)

— Стойте! — примчался завхоз, запинаясь о детскую обувь. — В одиннадцать будет санэпидстанция, возьмите на окна тюль! Да уберите с кроватей гнилые матрацы, суньте их в шкаф вон там!

Надежду Романовну передернуло: уже две недели приводят в порядок все корпуса! Как же детей принимали в такие условия?

Оставив отряд на Павла Сергеевича, быстро пошла по комнатам, проверяя матрацы. Снимала гнилые, таскала в торец коридора, в шкаф. Потом побежала к хозяйственным службам. Там уже получили комплекты тюля, грузили в тележки, развозили по корпусам. Вскоре и ей досталась тележка.

Перетащив комплекты на свой этаж, она собиралась все сделать быстро, но... вместо карнизов над окнами провисала ржавая проволока, а вместо крючков болтались на ней канцелярские скрепки. Опять побежала — теперь уж искать завхоза.

— Где же карнизы?..

— Идите, идите, скоро комиссия! Что вы, не видели, что их нет?

В этом лагере отдыха и образования (ЛОО) с сентября по июнь жили командированные, останавливались дальнобойщики, проводились какие-то слёты, — потому и обои засалены, и двери без ручек, и сантехника не работает.

— Когда бы мне было смотреть-то? Не все шпингалеты на рамах, а дети на подоконники лезут. Я вам сто раз говорила! Выпадет кто-нибудь, будете знать!

Она повернулась уйти, и встретилась взглядом со старшей вожатой. Нескрываемое ехидство было в её глазах.

— Вы только и можете кляузы разводить, — процедила она сквозь зубы. И сразу же «позабыв» о Надежде Романовне, стала требовать у завхоза старые покрывала — на тряпки.

Представители санэпидстанции появились к двенадцати. Обошли корпуса, территорию, заглянули в столовую. Ради них на обед повара приготовили запеканку с мясом и рисом. Весело колготились старшеотрядники у раздаточной стойки:

— Где отварная кошачья рыба? Где наш полезный капустный суп? Что это в супе сегодня? Курица? Братцы, не ешьте!

А после обеда смеялись уже работницы кухни:

— Что пороссятам-то повезут? Баки для пищеотходов пусты.

До тихого часа оставалось немного, и все собрались у единственной карусели. Старшие ребяташки сгоняли младших — крик, потасовки, но больше заняться им было нечем, хотя реклама этого лагеря живописала открытый плавательный бассейн, тренажерные залы, игровые площадки и прочее.

Лагерь когда-то принадлежал кабельному заводу. Лет пятнадцать назад его передали областному образованию, а затем он был продан. Кто являлся хозяином — не озвучивалось. Вместо прежнего плавательного бассейна зияла теперь бетонная яма, вместо летней эстрады остался навес на подпорках, игровые площадки были пусты — только песок да сосновые шишки; младшие дети рыли в песке канавки, изобретали «подземные переходы» и громко рыдали, если старшие портили их работу.

— Ой, поскорей бы закончилась смена! — встала рядом с Надеждой Романовной воспитательница второго отряда. — Мои балбесы крысу сегодня прибили. Лезет и лезет к нам на окно. Хохочут: «Нечего жрать в столовой, к нам прибежала?» Такая противная... бррр!

— Надо было ее директору лагеря отнести.

— Вот надо бы... Слышали, что детей из детдома лишили фруктов на полдник? Директор сказал, что путевки у них дешевые.

— Надежда Романовна! — подбежал, запыхавшись, Павел Сергеевич, — я в город поеду!

— А не часто вы отлучаетесь?

— Ну, не скажите, вы тоже уходите.

— Ребята! По корпусам! Тихий час!

— Идите, — сказала вожатому Надежда Романовна. Она себя чувствовала подручной этого мальчика: он занимался даже родительскими деньгами, которые детям давались на фотографии и экскурсии, он свысока смотрел на нее — ночную дежурную цветочного магазина.

Она отвела ребятшек в спальни, подождала, когда успокоятся, потом взяла книгу и присела на лавочке в вестибюле. Кроме лавочки и стола с испорченным телевизором, тут еще были шаткие стулья вдоль стен, рваное кресло и колченогий стол, за которым дети лепили и рисовали.

Осторожно открыв и закрыв за собой дверь, вошла воспитательница второго отряда; бедная женщина по пальцам считала дни до отъезда, не зная, куда себя деть.

— Будете на планерке? — спросила Надежду Романовну.

— Ну да, Павел Сергеевич был вчера.

— Ой, не согласилась бы я ни за какие деньги работать здесь, если бы не дочка. Оберегаю её.

— Не убережете. Видите, что творится на дискотеках? Выключают свет и трутся один о другого. А песни какие! В кабаках таких не услышишь.

— Вы правильно на планерке сказали: «Разве можно подобное детям?»

— И все на меня ополчились: «Ребята не будут ходить, если мы погоним старье!» Да ладно бы только вожатые ополчились, им по шестнадцать-семнадцать лет — набрали детей за копеечную зарплату; но ведь и взрослые тоже, одна из них даже преподаватель в школе! И вы промолчали.

— Да знаете, — сконфузилась женщина, — я без медицинской справки.

— Ну, так и что. Тут почти все без справок. Придумали: двадцать врачей обойти! Полмесяца надо бегать, свесив на сторону язык.

— И плати за каждую справку. Я подсчитала, что выскочит в две с половиной тысячи: половина моей зарплаты здесь. Вы знаете, как я боялась вначале! Врач лагеря мимо пройдет, я вся истрясусь. Потом поняла, что ей всё равно. Сгорбится, выпятит все мослы, и кое-как двинется в огромных своих ботинках.

— Похоже, она больна. Что-то с ногами.

— И голова не в порядке. Вы замечали, что...

— Замечала.

Вздохнув, Надежда Романовна снова вернулась к вопросу о дискотеке:

— Может быть, правильно, что на меня ополчились. Где у нас дети-то? Нет их. В моем отряде соплюшки по семь-восемь лет, и каждая привезла по коробке косметики. Размалюются перед дискотекой, а после орут на весь корпус:

*О, боже, какой мужчина!
Я хочу от тебя сына,
Я хочу от тебя дочку!..*

Но мне почему-то жаль этих рано взрослеющих девочек. У меня был цветок бальзамин, нежно, красиво цвел, а я возьми да купи подкормку, — такая реклама была, что не хочешь, да купишь. И бальзамин стал мутантом. Желтые листья с зеленой обводкой, цветы побелели, ветки стали корявыми. Пришлось его выбросить, я просто смотреть на него не могла.

Женщина ей ничего не ответила, только униженно сжались плечи. И Надежда Романовна вдруг поняла, что она лжет! Не только для дочери она здесь. Если бы так, схватила бы девочку и бежала отсюда как можно дальше. Причина в другом: в нищете, ей хочется хоть немного подзаработать. Ведь и сама она тянет тут ляжку за обещанные пять тысяч, да ещё не известно, дадут ли их ей — не было договора, подписанного директором.

— На улицу бы, — Надежда Романовна обернулась к окну. — Странно, что ребяташкам не разрешают бывать на аллеях. Классики бы расчертили, со скакалками прыгали, да мало ли игр?

— Сегодня с утра ваши бегали у забора, и Павел Сергеевич с ними бегал. Вы их туда не пускайте, там ямы.

— Да это они привидение ищут.

— Чего?!

— Позавчера началось, я на планерке была. Павел Сергеевич на ночь придумал стращать мальчишек: якобы за забором в болоте утонули две девочки. А тут еще ваш вожатый пришел, ну они и устроили «шествие покойниц»: надели на себя простыни, скулили, заглядывали к мальчишкам в спальни, и даже воду лили под двери. Я утром вхожу, мальчишки кричат: «А правда, что в лагере привидения?» Толкуются теперь у забора, в щелки заглядывают. Я рада, что в детях хоть что-то детское пробудилось.

— А вот и Павел Сергеевич, легок на помине.

— Смотрите, какую рубашку купил, — похвастался он; достал из пакета, встряхнул.

— Прекрасно, — сказала Надежда Романовна. — Садитесь, Павел Сергеич, а я погуляю.

Ярко и весело светило июньское солнце. Порхали бабочки, и порхали их тени на сером асфальте. От корпусов Надежда Романовна свернула в аллею. С детства это было ее любимое место: не раз вспоминала она не такое уж и далекое прошлое, когда сама отдыхала здесь, в пионерлагере. Вот тут, на широкой площадке, стояла мачта для поднятия флага. За мачтой был очень уютный домик библиотеки. А там, за деревьями, где теперь остатки летней эстрады, пели и танцевали по вечерам под баян. Красивые песни пели! И танцы были красивые.

Усмехнулась, вспомнив музыкальный час, который проводила недавно старшая вожатая. Интересно, чему ее учат в пединституте, если она называет русской народной песней одесский брѐх:

*Ха-ра-шо! Всё будет харашо!
Ой, чувствую я, девки, загуля-яю!
Давай, давай! Давай, давай!
Лѐха — Рамштайн!*

На повороте дорожки Надежда Романовна увидела сторожа. Он постоянно жил в лагере. Отзывчивый, добрый человек, починял обувь тем её ребятишкам, которые прибыли из деревень. Иной раз приносил им печенье или что там еще удавалось добыть в столовой — родители к детям не приезжали. Ей тяжело было видеть, когда в выходные мамы и папы из города везли целые сумки фруктов, конфет, газировки для своих чад, и те поедали молча, ни с кем не делясь. Деревенские крали у них, те ябедничали, начинались крики и драки.

— Тоже гуляете? — улыбнулась Надежда Романовна.

— Да, тоже гуляю, — ответил сторож. — Что ваш Алёшка? Не перестал ещё хулиганить?

Этот Алёшка был деревенским подпаском, вкусил настоящей свободы, и здесь бунтовал, презируя организованность.

— Вот и возьми, какая судьба, — сторож мотнул головой. — Ему восемь лет, а он два сезона пастушил.

— Может, и лучше такая судьба, чем с жиру беситься.

— Может, и лучше. Вы на вторую смену останетесь?

— Нет. Только закончат ремонт магазина, снова вернусь в ночные дежурные. Нравится мне: тихо, цветы... Я агроном, я раньше в теплицах работала. Очень большие были теплицы, двенадцать гектаров. Овощи, зелень к столу, розы, тюльпаны. Только кому-то мы помешали. Были теплицы — и нету. — Они повернули назад к корпусам. — А вам тут не скучно зимой? — спросила Надежда Романовна.

— Нет, — улыбнулся сторож одной щекой, другая была безжизненна. — Вот в городе скучно было. С работы приду — и один, как сыч. Здесь я на людях. Здесь круглый год кого только нет.

Низко летел на посадку «Боинг» ядовито-злорадного цвета. Они замолчали, провожая его глазами. Так и дошли в молчании до корпусов, где Надежду Романовну поджидала заведующая по воспитанию.

— Вы почему не с детьми? — пристыдила она.

— Павел Сергеевич с ними.

— Я вам не первый раз делаю замечание, давайте не будем ссориться. Кстати, соберите всё, что я вам давала для лепки и рисования. Принесите мне в кабинет.

— Зачем? Пластилин непригоден, от карандашей огрызки остались, и краски практически все использованы.

— После этой смены будут и другие, наверное? Как вы считаете?

— Хорошо.

Идя к своему отряду, Надежда Романовна раздраженно думала о заведующей, которая, как говорили, доводилась хозяину лагеря то ли сестрой, то ли женой: «Ты же вся в золоте! Цепи, браслеты, кольца, серьги! Мало тебе?»

Дни были до невозможности однообразны. До обеда ребята гоняли мячик на стадионе, после обеда — спортивные игры и беготня по территории лагеря. Отдельный отряд гимнасток бегал и в тихий час; над входом в их корпус висел транспарант: «Здоровье нации — возрождение России».

Это «здоровье» сильно смешило Надежду Романовну. Девочки были неграмотны. «Поняла, ножницами, пальцами, положь» — резало слух. Если у нации будет такое «здоровье», то лучше совсем не надо.

За четыре дня до закрытия лагерной смены все, кроме отряда детдомовцев, выехали с экскурсией на конезавод; для детдомовцев же в помещении дискотеки был показан мультфильм. Надежда Романовна с деревенскими ребятишками, у которых не было денег ехать куда-либо, тоже сидела в зале.

Бритвой вспорола ей сердце песенка мамонтенка!

*Пусть мама услышит, пусть мама придет,
Пусть мама меня непременно найдет.
Ведь так не бывает на свете,
Чтоб были потеряны дети.*

Вот они — целый отряд потерянных! Нет, не потерянных — брошенных! И каждый ждет свою маму. «Я тебя жду миллион лет! Моя любимая мамочка, добрая моя мамочка Неля!» — написал на открытке, нарисованной им самим, семилетний детдомовский мальчик.

Не умея удержать слезы, Надежда Романовна вышла.

А вечером к ней подбежала воспитательница второго отряда.

— Это же невозможно, это предел бесстыдства! — заговорила она возбужденно. — С нас за автобус содрали по двести рублей, экскурсия — двести рублей, общая фотография сто рублей! Я подсчитала, что всё обошлось бы в триста. Что вытворяют, а? Что вытворяют!..

Надежда Романовна только рукой махнула. Уж если огрызки карандашей подбирают, так что уж тут говорить.

И все-таки вечером на планерке не удержалась:

— С чего за автобус-то двести рублей? Узнают родители, плохо будет.

Ей не ответили, сделали вид, что озабочены бизнес-игрой, которая будет завтра: активно выбирали «продавца», «наблюдателей», подсчитывали, сколько понадобится бумаги.

А на другой день ребятишки кто подметал территорию, кто отмывал туалеты и коридоры, кто вытряхивал крошки из тумбочек... К Надежде Романовне робко подошла Карина — девочка из детдома.

— Я уже набрала сто восемнадцать очков. Надо еще семьдесят два. Куплю воздушные шарики с мордочками: белки, лисички, зайчика. Давайте, помою вам комнаты?

— Где у тебя листок? — спросила Надежда Романовна. Ей было жаль эту девочку — хрупкую, безответную. Взяла, написала: «Вымыла туалет и две комнаты». — Сколько это очков, Карина?

— Шестьдесят три.

— Зря не подписывайте, зря не подписывайте! — вылез откуда-то «наблюдатель». — Это игра, все надо честно!

— Бери-ка вот швабру да мой! — огрызнулась Надежда Романовна.

— А вы не командуйте!

После бизнес-игры лагерь сверкал чистотой, дворника и уборщиц уволили до конца лагерной смены. «Да-а, — поражалась Надежда Романовна изворотливости дирекции. — За десяток воздушных шаров, за грошовые авторучки и жвачку ребятишек эксплуатировали, как негров! По самым простым подсчетам дирекция сэкономила десять тысяч рублей. А сколько украдено на питании! А на экскурсиях!..»

В день закрытия лагерной смены дети визжали от счастья: будет над лагерем фейерверк!

Увы, фейерверк был только обещан. Отряды собрали возле столовой, и вожатые пускали мыльные пузыри. И заведующая по воспитанию не отставала: тянула трубочкой губы. Пузыри летели на ребятишек, переливались в закатном солнце, — но это и всё.

Надежда Романовна тоскливо смотрела на холм напротив столовой, специально насыпанный для прощальных костров. Как хорошо тут бывало когда-то! Пели, смеялись, огонь взлетал к самому небу, искры летели! Не надо никаких фейерверков, но не надо и мыльных пузырей.

А утром воспитатели провожали ребят на автобусы. Коекого и родители забирали. Павел Сергеевич выехал первым

рейсом, помахав Надежде Романовне, она тоже ему помахала, стоя около детских сумок, и вдруг..

— Вы почему не вернули сдачу с экскурсий? — К ней подскочила заведующая, брякая золотыми браслетами. — Вот две мамыши, им нужно вернуть по пятьсот рублей!

— Как?.. — обомлела Надежда Романовна. — Разве Павел Сергеевич не отдал?

— Причем тут Павел Сергеевич? Вы воспитатель!

Слезы текли у нее по щекам, когда садилась в автобус. Не денег ей было жалко, — ей было страшно!

КАТЯ

В больничной палате с широким окном, в котором виднелось осеннее небо, находились три женщины и девушка лет шестнадцати — худенькая, с золотистыми волосами, раскиданная волной по подушке. Девушка поступила со «Скорой помощи» с сильным сердечным приступом.

— Такая молоденькая, да что же с тобой? — спросила ее через день медсестра, поставив капельницу перед кроватью.

— Это когда мой папа убил соседа.

— Позавчера, что ли?! Когда тебя привезли сюда?!

— Нет, я в пятом классе училась.

— Ты видела?

— Видела...

Женщина поперхнулась.

— Ну ничего... это все в прошлом... ты поправляйся, а то, говорят, ты голодовку устроила.

— А пусть не кормят как поросят! — грубо ответила девушка.

— Мы предлагаем ей фрукты, она не берет, — пожаловались соседки.

— Да ничего мне не надо, я маме скажу, она принесет.

Мать к ней, однако, не приходила.

Вскоре все разъяснилось: врач рассказала, что Катя живет в приемной семье. Опекунша звонит, справляется о здоровье своей подопечной — и всё.

— Немалые денежки получает! Льготы имеет! Если бы это давали родным матерям, они бы детей не бросали.

Иногда, отвернувшись к стене, Катя тихонько плакала. На участливые вопросы женщин отвечала странно: «Да никак не отстанет то утро».

...Она возвращалась от бабушки. Идти ей было не близко, и дважды Катя делала перекур, — курить она научилась рано. Пышно цвела черемуха, зяблик тинькал на веточке ближе к

земле. Катя курила и улыбалась. Она бы и, не куря, еще стояла, но ветер как льдом водил по спине. Ей не хотелось домой. Не хотелось и к бабушке. Там и там она видела пьянство, окурки по полу, не вымытые кастрюли и сковородки, там и там — бедность и грязь. «Когда я буду большая, куплю в квартиру белую мебель, поставлю на окна цветы, и пусть на полу будет светлый ковер», — мечтала.

Дойдя, наконец, до дома, Катя испуганно замерла: возле ее подъезда толпились люди. Поодаль стояла «Скорая помощь».

— Катька! — крикнула ей соседская Даша, — твой отец дядю Федю убил!

Мать сидела на бетонном крыльце, вытянув впереди себя ноги в рваных колготках, и тупо раскачивалась. Сбоку стоял трехлитровый бидон, источая запах дрожжей. Катя не знала, как вышло, что подхватила бидон и выпила брагу до дна!

— Где папа, где?! — завизжала как полоумная.

— Там... — мать обреченно махнула рукой.

Катя рванулась за дом, где тоже толпился народ. Люди кричали, ругались... Отец беспробудно спал у забора детского сада, приятель его, залитый кровью, хрипел у дорожки. В голос ревели жена, стоя над ним! Тут же стояла врач «Скорой помощи»:

— Покойников не берем!

— Да он ведь живой, спасите, ради Христа!!!

— Умрёт по дороге.

Появилась милиция. Какой-то мужик ударил Катиного отца бутылкой по голове, отец закричал — дико, ужасно! Катя упала, хватая руками землю, потом потеряла сознание.

О том, что случилось, Катя узнала уже в больнице, куда ее увезли на той «Скорой помощи»: Даша пришла навестить, рассказала.

— Дядя Федя с твоим отцом перепились ночью у вас в квартире, он полез к твоей матери, отец схватил топор и хотел его зарубить. Дядя Федя побежал на улицу, твой отец его догнал и ударил топором — по голове и по плечу попало; он бросил топор и побежал, пока об забор не ударился. Твоя мать говорит, что они, наверно, полфляги выпили бражки. Она говорит, что ее к тебе не пускают, и бабушку не пускают.

— Зачем не пускают?! Зачем?.. — взвизгнула Катя.

Кардиограмма ухудшилась. Из больницы Катя вышла только в июне. Домой она больше не приходила — боялась, что всё напомним то злополучное утро. Жила у бабушки. Изредка появлялась мать: она окрасилась перекисью, пряча седые волосы, о муже не сожалела, нашла себе «друга» и обещала, что будет у Кати маленький братик.

— Не надо! Был уже братик, ты его задушила!

— Катька, заглохни, а то убью! Сам задохнулся! Меня бы давно засудили!

— Дашкина мать говорит, что ты задушила подушкой!

— Катька! — тарашилась мать, выставляя ладони вперед, защищаясь от дочери. — Врет она все! Врут они, Катька!

Осенью мать лишили родительских прав.

Катя была на уроке, когда в коридор ее вызвала завуч. Ничего не поняв, она оказалась прижатой к стене милиционером. Она вырывалась, ругалась, плевалась, но он вытащил ее на улицу, и там подтолкнул к машине. Девочка кинулась под колеса, — елозила как червяк, не давая достать до себя. Ее ухватили за ногу, выволокли, впихнув в заднюю дверцу машины: в отсек с решеткой. Через час — сдали в приют.

В первый же день здоровый балбес снабдил ее сигаретами, а ночью пробрался к девчонкам в спальню. Лез на постели, девчонки визжали, проснулась их воспитательница, вызвала участкового.

Катя боялась приютских мальчишек, они вели себя нагло. Учителя почему-то гладили их по головке, и те еще больше наглели: срывали уроки и обзывали девочек похабными словами. Катя однажды услышала, как историчка сказала директору: «Мы готовим их для тюрьмы!» — «Что вы, нельзя так, это трудные дети, наша задача их воспитать». — «Это не воспитание, а потакание!»

Но были в приюте два брата — семи и двух лет; младший льнул к Кате, звал ее мамой, она с ним играла, жалела... — вот только этот малыш и был ее радостью.

Через десять месяцев Катю взяли в приемную семью.

В новой школе она отставала от одноклассников. Опекунша на вызовы в школу не приходила, на звонки отвечала, что девочка очень ленива, дома не помогает, курит, связалась с плохой компанией. «Но в одиннадцать вечера обязательно возвращается, я ей сказала, что иначе отдам ее снова в приют!»

Открытая, искренняя, Катя не находила в классе друзей. Одни ее раздражали заносчивостью, других она не любила за сплетни, третьи над ней смеялись, и доходило до драк. Учителя ей тоже не нравились: вежливость их была равнодушием. Два года Катя почти не училась, являлась в школу от случая к случаю. Так и «закончила» восемь классов.

Среди восьмиклассников в школе было немало таких, как Катя; решением психиатров и педсовета был создан отдельный девятый класс, куда они все и вошли.

— Ну, Катечка, нашла ты с чего заболеть! Держи вот, я сама напекла, кулинарный дар у меня открылся. А знаешь, в

кулинарии ничего сложного нет, главное, делать все по рецепту. Тут еще киви и манго. Я только вчера случайно узнала, что ты в больнице.

— Это моя учительница! — объявила Катя соседкам в палате.

Учительнице было лет двадцать шесть; невысокая, с легкими волосами, с хорошей улыбкой на полных губах.

— Не хочу я учиться в этой шараге! — смахнув слезинку, сказала ей девушка. — Сами знаете, что я мечтала быть визажистом.

— Конечно, ты творческая натура, вон как себя разукрасивала! Катечка, ты эти два года и не заметишь. Кстати, профессия повара тоже требует творчества.

— Юлия Константиновна, не мое это!

— Да что ты втемяшила себе в голову: не мое, не мое! Будет семья, будешь вкусно готовить мужу и детям. Ведь обязательно будет семья. Вон ты какая красавица, наглядеться нельзя! Вы знаете, — она повернулась к женщинам, — когда первый раз Катя пришла на урок, я едва не упала на пол! Черные лохмы дыбом, глаза раскрашены до самых бровей, ногти покрыты черной эмалью, блузка задрана, джинсы кое-как держатся, живот голый... Если бы не высокий рост и стройная фигурка, то — кикимора из болота.

Катя залилась смехом.

— Вы же мне сказали тогда: «Смотрю на тебя, и себя вижу: тоже в пятнадцать лет красилась чем попало, даже зеленкой».

— Конечно, возраст такой... Это сейчас я солидная.

— Вы-то солидная? — прыснула Катя. — Вот Каурая — точно солидная. Нет, она не солидная, она злая. Она так орет на уроках! Еще дверь в коридор откроет. Физрук говорит: «Она из конюшни сбежала». Я у нее ничего не знала по русскому и литературе, а ваши уроки все помню! Особенно когда Соколов написал «давно» через «о», а вы ему тихо сказали, но все равно мы все слышали: «Это «говно» пишется через «о»! А «давно» пишется через «а». Запомнил?!»

Женщины в палате засмеялись.

— Да он меня вывел, — оправдывалась преподавательница. — То пишет «каббутто» вместо «как будто», то «серавно» вместо «все равно»...

— Ага, вы сказали ему, что «серавно» бывает только в уборной.

— Катя!..

Женщины опять засмеялись.

— Ладно, Катечка, ты выздоравливай, съездим за город в лес. Столько грибов появилось! Все рынки грибами завалены. А погода — чудесная! Выздоровливай к выходным. Я теперь в газете работаю, все новости первая узнаю, ты представляешь? Спрашивай, о чем хочешь.

— Да ну их! Принесите мне книжку?

— Ладно. Я принесу «Рассказы» Житкова. Сама недавно читала, замечательный автор: бережно, с любовью относится к юности. Я эту книжку в библиотеке нашла в книжном развале: люди помногу приносят — жалко выбрасывать. Старики умирают, а молодежь ничего не читает. Плохо, конечно, да что же поделывать?

Когда она, попросившись со всеми, ушла, Катя взволнованно стала рассказывать:

— Юлия Константиновна всех нас в девятом классе вытянула по русскому языку, я даже четверку за год получила. И на экзамене четверку получила. Она очень легко объясняет, ничего не задавала домой. Рассказывала нам о писателях. Говорит, что писатель не памятник, все они ошибались, все влюблялись... Картины показывала, мы потом изложения писали по ним. Сценки по басням Крылова ставили на уроках, чтобы запомнить прямую речь... Мы даже поставили «Ромео и Джульетту!» Она рассказала об этой трагедии, а мы уже сами придумывали слова. Вот было хохоту! Лариска была «кормилицей», Витька был «брат Лоренцо» — что попало болтали! И «Ромео» с «Джульеттой» что попало болтали: в любви объяснялись... — Катя, вспомнив, весело улыбнулась.

— Ты, наверно, «Джульеттой» была?

— Нет, я «старухой» была в «Сказке о Золотой рыбке». Юлия Константиновна говорит: «Ты ворчливая, вот и будешь старухой!» Она читать меня приучила. И всегда защищала наш класс: завуч придет, придирается, а она говорит: «Незачем бюрократию разводить!» Ее уволили после экзаменов.

А Юлия Константиновна думала в это время о Кате. Сколько же вынести ей довелось! Страшными были рассказы Кати. Эта девочка была пешкой в чужой игре.

В прошлый сентябрь Юлия Константиновна впервые вошла преподавателем в школу. Ей и достался девятый, «придурочный», как говорили, класс. Но за каждой характеристикой, написанной строго по форме бывшими классными руководителями, стояло огромное детское горе! Четверо из семнадцати учеников жили в приемных семьях, у остальных отсутствовали отцы. Матери, чуть ли не поголовно, пили.

Завуч сразу предупредила:

— С детьми обращайтесь вежливо. Мамаши-алкашки отлично знают законы. Чуть что, бегут в суд, требуют наказания и морального возмещения. В прошлом году сын у одной плюнул в лицо учителю математики, тот ему дал по шее; всё, человек на три года лишен права преподавать, да еще выплатил «пострадавшему» двадцать шесть тысяч.

Ученики поддавались трудно. Развалившись на стульях, кричали Юлии Константиновне: «Не надо нам! Идите вы со своими... Здеся не академия!» Они бравировали. Они кидали вызов всей школе! Они курили, ругались матом и одевались как пугала. Две девочки были беременны.

Об учебной программе не было речи, русский язык Юлия Константиновна вела импровизированно: диктанты, диктанты, выяснение ошибок и работа над ними. Разъясняла так, как если бы сама ничего не знала. С некоторыми ребятами занималась дополнительно — в учительской, за неимением свободного кабинета. Но в учительскую наведывались коробейницы, раскладывали товар на столах, учителя в перемены мерили перед зеркалом кофточки, прикидывали на себя бюстгальтеры, встряхивали мужскими трусами — подойдут ли мужьям? И громко обсуждали покупки.

Юлия Константиновна обратилась к директору:

— Я уроки веду, а тут — как на рынке! Не удивись наших детей трусами и бюстгальтерами, но... где же наш такт?

— Учительская для отдыха! — получила в ответ.

После этого ей дали место в компьютерной лаборатории. Это был проходной двор, но все-таки не было коробейниц, и люди вели себя тихо.

Кроме злополучного девятого класса, она вела русский язык и литературу в десятых классах. Уровень школьников был очень низким, и скоро она поняла причину: предыдущие преподаватели «гнали программу» и заботились только о ней. Ясно, не ясно — дальше идём. А программа была составлена идиотами: из русского языка и русской литературы вынули главное — душу. В голую схему втолкнуть живой человеческий организм было невысказано. Знала Юлия Константиновна «величайших профессоров», у которых язык закоснел на схемах. Они уродовали студенчество, как хотели, но были в почете, ездили за границу, открывали какие-то фонды, которые превращались потом в личные рестораны и выставочные залы.

Но знала и обладателей настоящих знаний, обладателей яркой, образной речи! Она любила их лекции, любила и их самих. Однако же климат в университете делали «величайшие».

То же самое она теперь видела в школе. Не удивляло, что изложения девятиклассников были творениями приматов, а десятиклассники — уже взрослые люди — не умели самостоятельно мыслить.

Она решила построить уроки по-своему. Появились кое-какие сдвиги.

Но ее отчет за первую четверть завуч не приняла. И журнал раздраконила.

— Вы написали совсем не то, что положено по программе!

— Что же, я липу должна писать?

— Журналы у нас проверяют, неприятности нам не нужны. Вы посмотрите: литература, десятые классы, а домашних заданий нет.

— Они ничего не читают. Спасибо, хоть слушают на уроках.

— И все равно, все равно, вы не вправе так делать. Вот русский язык — и тоже пустая графа для домашних заданий.

— Я не использую школьный учебник, где требуют «тезисы», «признаки текста», «официально-деловой стиль» и прочее.

— Но это ужасно! — Завуч взяла посторонний журнал, развернула. — Даже по пению точно, конкретно записано то, что дается на дом!

— Господи! — ахнула Юлия Константиновна, увидев ровные столбики: упр. 16, упр. 23, упр. 28, упр. 34... — Что же в тех «упрах» содержится? Как правильно рот открывать?

— Я обязана выставить вам замечание. Стимулирующей выплаты в этом месяце вам не будет.

Преподавательская ставка была ничтожной, повышали зарплату за счет издевательских «поощрительных выплат» на усмотрение директора — в основном «за особое рвение». Шныряли наушники, следя за каждым шагом коллег.

— Пожалуйста, выставляйте и лишайте, — спокойно ответила Юлия Константиновна.

— Ваше высокомерие довольно тяжело переносить!

— В чем вы его увидели?

— Либо вы будете заполнять журналы, как следует, либо мы с вами простимся.

Юлии Константиновне пришлось писать липу.

Скоро случилась опять неприятность. На педсовете, спотыкаясь в словах, завуч прочла новые требования министерства образования:

— Использовать новые формы и технологии в процессе формирования личности учителя.

Она передохнула и, так же спотыкаясь, продолжила:

— Обязательная реализация личностно-ориентированного обучения и воспитания учеников.

— Позвольте! — Юлия Константиновна, как школьница, подняла руку. — Не уточняется, какие именно формы и технологии должны применяться в становлении личности? В духовном аспекте, например?

— Это вы сами должны найти в интернете. — Завуч не уловила насмешки, но уловили другие — переглянулись.

— Тогда второй вопрос. Личностно-ориентированное обучение и воспитание школьников как-то связано с коробейницами?

Наступила могильная тишина.

После этого Юлия Константиновна только раз появилась на педсовете, да и то при угрозе увольнения, если не явится. Странно, но вместо завуча встала за кафедру незнакомая женщина с большими и близко поставленными глазами.

— Знаменитый институт в Москве выпускает медальоны, — открыла она коробочку, показала. — Он защитит ваше биополе. Ношение медальона восстановит ваше здоровье, принесет любовь. Мой ребенок в детском саду постоянно носит медальон, и биополе моего ребенка не соприкасается с другими биополями. Мой ребенок здоров. Те, кто не носит медальона, болеют, раздражительны и капризны. Мой ребенок всегда весел и радостен. Сейчас мы проведем небольшой эксперимент.

Юлия Константиновна, не говоря ни слова, встала и вышла.

А дети радовали ее! На уроках они уже вступали с ней в диалоги, диалоги перерастали в общее обсуждение, и чего-то тогда не решалось! Проблемы любви, учебы, семьи... Используя эти радостные моменты, она давала ребятам выучивать стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, показывала картины, рассказывая о них и художниках. Она старалась втянуть детей в большой и прекрасный мир, который, познав, непременно полюбишь.

Двух беременных девочек перевели на индивидуальное обучение. Вскоре одна из них родила. Кроме Юлии Константиновны и еще троих преподавателей, устроивших складчину ей на подарок, остальные громко оповестили, что не желают потакать разврату:

— Они каждый год рожают, и всё больше девятиклассницы!

«Чем же они виноваты, — возмущалась Юлия Константиновна, — если кругом разврат? Разврат проповедует телевидение, развратом кишит интернет, развратны книги большинства современных авторов, развратна программа для школ, развратна липа, которую пишем в журналах, развратно равнодушие преподавателей и родителей к жизни детей! Легко посмеяться, обедая в школьной столовой, над первоклассником, который принес двухлитровую банку пива — и пили все в его классе! Легко посмеяться над четвероклассником, который учит своих одноклассников пить водку, мешая ее с пепси-колой! Легко осудить девчонок, которые запинали подружку за то, что отбила у них предмет воздыханий! А что мы творим в своей школе! Мы продаем билеты на школьные дискотеки! Мы получаем денежную подачку от корабейниц! Мы деньги берем у детей за распечатку на принтере необходимых для них документов!»

За работой, заботами, думами, неприятностями Юлия Константиновна не заметила, как пролетели учебные месяцы. Перед экзаменами срочно назначили педсовет. Опираясь левой рукой на крышку стола, завуч растерянно зачитывала постановление.

— В день экзамена все помещения школы, кроме экзаменационной аудитории, должны быть опечатаны. Экзаменационная комиссия — выездная. Преподавателям запрещено находиться в школе. Аудитория должна быть обследована службой ЧС с участием собак. Установить в аудитории двенадцать видеокамер, чтобы никто из детей не воспользовался шпаргалкой. Информацию донести до учеников.

Как ни старалась Юлия Константиновна «донести» в самой смягченной форме, ее девятиклассники взвинтились. И без того неуравновешенные, они теперь придумывали страшный исход для себя. Катя, с трясущимися губами, подходила к Юлии Константиновне и просила помочь:

— Вы им скажите, комиссии... Нет, вас не пустят. Вы скажите завучу, что я мечтаю учиться на визажиста. Если сейчас завалю экзамены, я не смогу подать заявление...

— Ну что ты волнуешься, Катя, — успокаивала Юлия Константиновна. — У тебя же четверка по русскому языку. И по математике ты не хуже других идешь.

— А вдруг я забуду, из головы вылетит? Скажите, пожалуйста, завучу... Мне так страшно: собаки, видеокамеры...

— Больше пугают. Всё будет нормально.

То же пришлось объяснять и всем остальным:

— Не надо пугаться, не надо нервничать, без свидетельства об окончании девятилетки еще никого не оставили. Не сдайте сейчас, сдайте осенью. Что делать, если в министерстве образования преступники...

— А наше РОНО почему молчит?!

— Оно зарплату свою отрабатывает.

— А учителя?

— За места свои держатся. Куда им идти, если из школы погонят? Сами видите, в школе почти девяносто процентов пенсионеров.

Она не боялась, что эти слова разнесутся по школе и могут дойти до начальства; уволят — пусть.

Как ожидала, ученики сдали плохо. Но все-таки сдали. А вот Катя получила две двойки. Юлия Константиновна переживала за нее больше всего — Катя сердечница. Как отразятся на ней несправедливые оценки? Но Катя тотчас после экзаменов уехала к бабушке, пробыв у нее до конца лета.

В сентябре на переэкзаменовке ей поставили четверку по русскому и тройку по математике. Радостная, звонила она Юлии Константиновне! И вдруг случился сердечный приступ.

В осеннем лесу было тихо, как в детском саду по утрам. Плавно, с легким пришептыванием опускались под ноги желтые листья. Катя и Юлия Константиновна шли по тропинке, поглядывая по сторонам, отыскивая грибы. Кате везло на них.

— Ты прямо как белка. Такие острые глазки! — смеялась Юлия Константиновна.

— Смотрите, рябины как клоуны с красными ртами!

— И правда! Ой, посмотри, осенняя земляника! Это же чудо! — Юлия Константиновна рвала стебельки с красными ягодами. — Держи, Катечка! Вот так подарок от осени!

Присели под сосенкой. Юлия Константиновна обняла рукам колени, смотрела через пушистые ветки, как тихо плывут редкие облака.

— Плывут куда-то, плывут... — показала Кате на небо. И певуче прочла детские строки Олега Виноградова:

Реже тучи пробивает золотистый луч,
Ветер солнце закрывает на осенний ключ.

— А земляника кисленькая, не такая, как летом, — улыбнулась девушка, кладя по одной ягодке в рот.

— Моя мама верит, что земляника приносит удачи. Говорит, что когда играет с соседями в карты, непременно держит в кармане записную книжку с вложенным листиком земляники, и всегда выигрывает. Надо нам с тобой тоже сорвать по листочку.

— А знаете, — внезапно вздохнула Катя, — я все того мальчика вспоминаю — в приюте. Он звал меня мамой... Маленький... Очень хочу ребенка. Нет, не сейчас, а лет через шесть, когда получу профессию, замуж выйду... Я бы его так любила! Я бы всю душу ему отдала! Даже завидую Таньке и Любе из нашего класса.

— А я не завидую. Они еще сами дети.

Назад они возвращались с грибами, с букетами разноцветных листьев, и что-то еще несли из тихого леса — может быть, веру в разумность мира...

РАСКАЗЫ

ЖИВЫЕ

Андрей, в отличие от некоторых, мужик справный. Пьяный на работу не ходит и работает, когда положено. Деньги не пропивает, хотя других занятий, кроме пьянки, в деревне нет. Раньше вставали в пять, ложились, как стемнеет. Кроме колхозной, своей работы по дому было вдосталь: скотина у каждого, огород. Потом жизнь круто изменилась. Колхоз сам собой умирал, а в округе стали лес валить. Вот все мужики на лесоповал и подались. В забайкальской тайге деревьев много, на их век хватит. Тот, кто никогда не видел, пусть зажмурится, вспотеет от напряжения, а всё равно не представит себе, что такое тайга сибирская. Заработок постоянный — на еду хватало и в магазине всё, что для жизни надо. Иной раз на вертолёте и французский коньячок доставляли, а однажды на страстные просьбы работяг прислать пивка привезли «Гиннесс» в алюминиевых банках. Напиток мужичкам полюбился. Отдавал он хмелем и дрожжами и очень напоминал привычную бражку, только стоил невмоготу.

В огородах одни бабы остались, и то больше по привычке да от нечего

ПРОЗА

делать. Жизнь, однако, утратила былой смысл. Вроде и работа есть, а только деньги нынче прежнюю цену потеряли. Стало их больше, да выше головы не прыгнешь. Сколь ни мечись с бензопилой по лесу, как был рабочей скотиной, так ей и останешься. Пока здоровье есть — нужен работодателю, а чуть что — или пить беспробудно, или в петлю лезть. Прежнюю жизнь, кроме стариков, никто особо не жалел, только и нынче всё не то. Вопреки ожиданиям начало двадцать первого века не ознаменовалось никаким чудом, способным качественно изменить человеческое существование, ни техническим, ни духовным. Мечтали, что должна вот-вот снизойти благодать, несуетность, отдохновение. Человек — он же для счастья. Самонаплевательский принцип: «Хоть детям нашим...», — быстро сменился самоуничтожительным лозунгом: «Живём только сегодня...»

Наступившая суета и деловитость обманывала. По закону естественного отбора все разделились на счастливых и тех, кто призван ежедневно обеспечивать их счастье. Да это бог с ним — ко всему привыкаешь, всё можно понять и оправдать, любое существование. Но внутри покоя нет. «Ну, хоть бы одно лицо счастливым увидеть, — думал Андрей. — Тогда бы и жилось легче. Когда знаешь, что в чём-то есть оно — счастье. Кто-то поймал его за хвост. Значит, и у тебя надежда есть».

Поначалу Андрей всё на хозяина нового косился: вот же хозяин жизни, такими делами ворочает. Да что там, сам себе хозяин — вот что! Хочешь то, а хочешь это.

И чего только не отражалось в глазах директора-лесозаготовителя, уж каких только чувств и мыслей разных, а только благолепием они не светились никогда. Лицо лоснится, смуглое от нездешнего загара, а вот глаза...

С тех пор Андрей чудной стал. Вроде заболел. С виду дюжий, работает — норму выдаёт, дров наколет, воды принесет. Сделает что положено, сядет к телевизору и сидит, словно помер. Жена Людмила сперва думала, что он внимательно все передачи без разбору смотрит. А потом заметила, что Андрей на телевизор и не реагирует. Каналы не переключает, как обычно. Пару раз она взялась обсуждать с ним только что показанный сюжет, но он до того невпопад ей ответил, что смекнула она — не в телевизоре дело. В себе он что-то созерцает, а это первое средство мозга вывихнуть.

Дальше — больше. Андрей уже всю округу исходил, как Иеремия, разве что без свечи. На выходные в посёлок мотался или в город. В отпуск всё время уезжал один, куда и как — жене не сказывал, и где он там бродил и что делал — неведомо, только возвращался не отдохнувший и весёлый, ещё угрюмое и мрачнее. «Да хоть горькую не пьёт», — думала Людмила.

О том, что где-то в лесу есть скит — слухи ходили давно, лет пять уже. Говорили, километров двадцать до него, да кто мерил? Основал его монах пришлый, нездешний. Понемногу из местных, со всей округи в шестьсот вёрст, создалось небольшое поселение. Идея в большую голову пришла неожиданно сама собой. Не после тягостных раздумий, не с чьей-то подсказки. В одно прекрасное утро Андрей побежал в контору и отпросился за свой счёт на недельку в тайгу. Прибежал домой, собрался, взял продуктов на неделю, ружьё, сказал жене, что идёт на охоту. Время было не охотничье. А что муж даже патроны не взял, она и не заметила — не женского ума дело...

Окрестные места Андрей знал хорошо, сам не раз всё облазил с ружьём. Только в этот раз понесло его туда, где и вовсе, поди, никто не бывал. Шёл по компасу осторожно, на всякий случай метки оставлял. Да как пошёл лес нехоженный, стало от неизвестности казаться всякое. Зверьё здесь непуганое, всё вверх смотрел на ветки — не дай бог, рысь. Свалится на загривок и шею прокусит. Знал же, что редко такое бывает, так нет. В итоге забрёл чёрте куда. Проблукал по лесу недели полторы. Еда давно кончилась, благо воды в лесных ручьях можно набрать. На двенадцатый день голодный, уставший, ошалевший брёл до самой темноты, пытаясь различить малейшие признаки человеческого пребывания, да легче иголку отыскать... Свалился под сосной на мху, укрылся ватником и отключился до утра.

Все дни уже слились в один, и утро на утро было похоже. Только в этот раз что-то необычное привиделось путнику. Солнце по-особенному ласково осветило деревья. Лес тут реже, солнце и пробилось сквозь ветви. Птицы расщебетались — радуются жизни, как последний день живут.

Андрей открыл глаза, потянул носом воздух — супом пахнет, дымком. «Не — это с голодухи. Когда не ешь долго, нюх такой — чует, чего и нет». Всё же поднялся. Пошёл вперёд. Лес поредел, впереди вроде поляна. Вышел из чащи и упёрся носом в частокол.

Деревья лиственничные в один обхват, топором рубленные и тёсанные. Подивился такому терпению, лиственница не сосна, топором поди намашешься, пока порубишь. Пошёл вдоль ограды, наткнулся на ворота тоже из лиственных бревен, только тонких. Думать не стал и не хотел. Ударил кулаком в ворота. Послышались шаги, загромыхал деревянный засов, со скрипом приоткрылась воротина, пропуская внутрь. Андрей шагнул вперёд. Молодой парень — одет вроде монаха, с красивым лицом, обросшим курчавой бородою стоял перед ним.

— Недели полторы уж брожу.. — начал было взволнованно Андрей, но, взглянув в синие глаза открывшего ему, вдруг сбился и замолчал.

— Вот и слава богу, — улыбнулся тот и закрыл ворота. — Как зовут вас?

— Андрей.

— А меня Мефодий, Михаил. Пойдём, отдохни с дороги, а после поговорим.

Андрей с трудом передвигался и уже плохо соображал. По дороге успел только заметить нескольких монахов, одетых, как и Мефодий, во всё чёрное. Посреди двора стоял огромный скит — это Андрей сразу догадался — срубленный из толстых брёвен лиственницы, превышавших по толщине те, из которых сделан частокол, втрое. Опытным глазом Андрей заметил, что и тут всё сработано одним топором, даже торцы венцов подрублены, а не пилены. Такой сруб будет стоять вечно. Мефодий провёл его на задний двор, где стояла баня из кедровой сосны. У кедрача — древесина мелкослойная, не смолистая, при нагревании с брёвен смола не течёт. Мефодий помог растопить печь, выдал можжевельный веник.

— Одежонку простирнуть — вот тут щёлок едкий, — давал наставления Мефодий. — Моемся мы без мыла, попарился и веничком, а голову мыть вот, — он открыл крышку большой деревянной бадьи.

— Что это? — спросил из любопытства Андрей.

Монах улыбнулся:

— Шампунь. Ежели есть потребность, можешь с устатку принять ковшик внутрь. А так у нас это не принято, — заметив удивление на лице пришельца, пояснил: — Закваска на хмелю, что-то вроде пива, тоже варится. Ну, приобщайся, через час приду. Хватит?

— За глаза.

То ли действительно измотался по лесу шатающийся, то ли дух тут какой-то особенный, только показалось Андрею, что лучше бани он не видал. Вроде и своя неплохая, сам рубил из сосны, осинового вагонкой обшивал по-новому, по-модному с термопароизоляцией, а со здешней парилкой не сравнить. Напоследок не выдержал — дёрнул ковшик из бадейки и поплыл, как свеча, вспомнил только однажды опробованный «Гиннес», очень здешнее варево с ним схоже по вкусу и цвету. В полузабытьи добрёл с Мефодием до скита и повалился мертвым на приготовленную лежанку.

Спал до утра в бесчувствии, но привычка просыпаться рано своё взяла. Услышал негромкое многоголосое пение, открыл

глаза, приподнялся. Братия молилась коленапреклонённо спиной ко входу, возле которого спал Андрей. На противоположной стене висела писанная по дереву Святая Троица. Икона не старая, свежая. Андрей в этом не очень разбирался, хоть у самого бабкина икона висела в углу. Но очень ему стало хорошо от освещённого пробивающимися сквозь маленькие оконца лучиками солнца образа: утончённые неземные лики, краски светлые — добротой сияют:

— Благодать, — прошептал Андрей, с удивлением прислушиваясь к сорвавшемуся с губ непривычному слову.

Молитва продолжалась примерно час. Всё это время Андрей сидел не шелохнувшись, только осторожно рассматривал внутреннее устройство огромного скита. Впрочем, внутри строение мало чем отличалось от своей наружности: те же брёвна, вот только пол из деревянных брусьев, ряд массивных деревянных столбов, тянущийся вдоль помещения и система стропил. Меж стропил, образуя сплошной потолок, висели связки сушёных грибов. Вдоль стен стояли мешки, наполненные теми же грибами, уже высушенными. Здесь же у входа стояли деревянные кадки с залитыми водой ягодами. По стенам висели пучки высохших трав, лесных и выращенных на грядке. От всего этого в помещении стоял такой густой аромат, что, казалось, его можно пить, как кисель. Даже человеку неискущённому становилось ясно, что представляет собой основной рацион здешних обитателей.

Только задняя, дальняя от входа стена была свободна от снеди. Помимо вышеупомянутой Троицы, писанной на доске метровых размеров, там располагался целый иконостас из иконок поменьше, образков на шнурках, предназначенных, видимо, для нательного ношения. Что там было изображено, Андрей разглядеть не мог. У главной иконы приложено некое подобие лампадки. Залитое в неё масло (может, и не масло, а хвойная смола) горело, потрескивая и изрядно чадя. Впрочем, стены и потолок были и без того весьма прокопчённые. Посреди скита стояла печь без трубы, сложенная из дикого камня. Она топилась по-чёрному. Для выхода дыма в кровле имелось специальное отверстие.

Окончив молиться, монахи стали расходиться на работы: кто взял корзинки и отправился в лес, кто огородный инвентарь, кто поздоровее, взялись за топоры и пилы. К Андрею подошёл Мефодий.

— Как отдыхал?

— Хорошо, словно неделю в санатории отлёживался.

— Вот и слава богу. Тогда так: у нас тут свой порядок, мы гостям всегда рады, но кто приходит, должен придерживаться

ся наших правил. Это я к тому, что если ты к нам не на день, то обслужить себя придётся самому.

— Ну, это мы привычные, — сказал Андрей, поднимаясь на ноги.

— Славно, — одобрил Мефодий. — Тогда берём пилу и два топора и пошли дрова заготавливать.

Они прошли на задний двор к баньке. Здесь лежали штабеля приготовленных брёвен. Их надо было распилить на чурбаки и затем расколоть. Мефодий с виду вроде шуплый, в движениях изящен, но с пилой обращался умело, и когда он тянул полотно двуручки на себя, чувствовалось, что силёнка у него есть. Первое бревно они распилили молча, разогреваясь, принаравливаясь друг к другу, к работе. Но когда взяли за второе, Андрей не выдержал, не затем сюда дорогу искал, чтобы молча дрова пилить.

— Давно вы тут?

— Кто как. А вообще лет уже пять тому, как брат Капитон основался тут. Вон в том шалашике он жил.

Андрей посмотрел в направлении, куда показывал монах, и увидел небольшую избёнку, сработанную наскоро и грубо, что действительно придавало ей сходство с шалашом.

— Там теперь у нас иконописная мастерская. Монах иконы пишет и там же живёт.

Андрею любопытно было узнать всё с самого начала, а Мефодий молод и чрезвычайно словоохотлив. К тому же он, судя по всему, уже не раз выступал в роли местного гида.

— Лет пять назад, — рассказывал монах, не переставая работать, — Капитон был послушником в Валаамском монастыре. Он тогда уже с внешним миром почти не общался. Ни его друзья, ни его родственники вроде даже и не знали, где он находится. И то удивительно, что дошла до него тогда эта весть, чудо не чудо, а с Божией помощью. Узнал монах Капитон, что бывший его одноклассник Виталий осуждён на большой срок, лет десять ему дали или что-то около того. Да, осуждён и отбывает наказание в лагере в Забайкалье. То есть вот тут. Капитон тогда испросил святое благословение и приехал к другу. Здесь, в лесу, поставил вот этот скит и стал молиться за товарища. Да ещё как! Жил в лесу, а каждый день за десять километров пешком в лагерь ходил. Добился у начальства, что его свободно стали пропускать. Понятно, что вскоре он там уже для них для всех свой стал. Друга, конечно, чем мог, поддерживал, беседовал с ним, не давал в себя уйти. Виталик ведь вначале на зоне совсем последним человеком был. Он и с виду ущербный. С малолетства калека, одним глазом совсем не видит, лик перекошен. Вот и гноби-

ли его зеки. А как появился Капитон, так он вроде святого стал — не то, что слово плохое, а не дай бог покосится кто. Капитон никому не отказывал. Беседовал с каждым, а вечером к себе уходил, ещё десять километров. А бывало, соберутся вместе и заключённые и охрана и слушают его все.

Мефодий на минуту остановился, перевёл дух.

— Это мы теперь жируем.

— Жируете? — удивился Андрей. — У вас, поди, и скотины никакой нет, и птицы, одни грибы да травы.

Мефодий загадочно улыбнулся:

— Есть у нас куры, только яйца все на краску идут, на темперу для икон. А в ту пору Капитон, почитай, раз в неделю питался. Духом святым жил. Раз товарищу его претерпеть довелось, то и он от всего отказался. Уж сколько раз его и накормить пытались, и с собой харчей взять уговаривали, а он только возьмёт пару луковок и хлеба немного. А водички, говорит, в ручейке найду. Ну, пока лето было, ещё куда ни шло. А зимой за него все беспокоиться стали, боялись — замёрзнет по дороге, да и зверья тут полно. Уговаривали остаться, даже угол ему выделили у охраны. Ан — нет. Смастерил лыжи и опять десять километров туда, десять обратно. Так и это не всё. Мы уже потом узнали, когда к нему другие приходили стали. Оказывается, он все три года стоя спал! Да! Подвесит себя за одежку на крюк стальной и всю ночь до утра спит не спит. Святую Троицу видел в скиту? На том самом крюке висит. Вот как. Всё молил Бога за товарища своего. И что ты думаешь? Свершилось. Через три года выпустили Виталия по амнистии. С тех пор народ сюда пошёл. А многие после отсидки приходят вначале к нам, а потом уж только домой. Так порой и живут тут годами — трудятся. А Капитон и теперь раз в неделю по воскресеньям в лагерь ходит, и всё так же пёхом. Там уже без него и жизни не представляют. Говорят, самая дисциплинированная зона.

— А куда Виталий девался? — любопытствовал Андрей, потрясённый рассказом.

— Да куда же ему? Тут он. В этой самой келье Капитоновской и живёт, Кириллом зовут.

Теперь остановился Андрей:

— Постой, так это он иконы пишет?

— А то кто же. Он с тех пор молчит. Обет молчания, что ли. У нас это обсуждать не принято. Только голоса его никто не слышал с тех пор, как он освободился и со слезами на глазах пришёл сюда, обнял Капитона. Они тогда всю ночь о чём-то тихо беседовали. А на следующий день Виталий, Кирилл по-нашему, в скиту поселился и стал писать. Святая Троица —

это его первая. Почти полтора года писал. Он этому делу нигде не учился. У Капитона книжка была по иконописи, с иллюстрациями цветными. Когда один жил, он книжку ту расшил и иконы по стенам повесил, а потом опять в книжку собрал. А образ сей, Кириллом писанный, возили аж на Валаам в Спасо-Преображенский монастырь для освящения.

Андрей ещё раз внимательно посмотрел на кособокую избёнку.

— А что, он и теперь там?

— Кто? — не понял Мефодий.

— Виталий.

— Там, всё время там. Только на молитву выходит утром и вечером, а днём у себя в скиту молится. У него два занятия: или пишет, или молится. Ест раз в день совсем немного.

У Андрея загорелись глаза:

— А нельзя взглянуть, хоть глазком одним?

— Да чего же нельзя, — Мефодий оживился, видимо и сам не прочь составить компанию. — У нас это просто. Запретов никому нет. Ему, ты знаешь, самому приятно, когда кто заходит. Он виду не показывает, но по лицу видно. Главное, не спрашивать ни о чём, и вообще лучше не разговаривать и суету не разводить. Однако, пойдём, поглядим, а после перекусим чем Бог послал. Уже и время.

По посыпанной песком дорожке они добрались до скита. Дверь была распахнута настежь для освещения — окон это строение не имело, но дверной проём был расположен на солнечной стороне, так что в ясную погоду света весьма хватало. Они по одному ступили за порог. Первым вошёл Мефодий и поклонился, Андрей последовал его примеру. Сидящий спиной к двери старик — так вначале показалось Андрею — неторопливо поднялся и так же неторопливо им поклонился. Вид его неожиданно произвёл на Андрея потрясение. Один глаз монаха был полуприкрыт, лицо заметно перекошено и всё изборождено морщинами.

«Сколько же ему лет? — пронеслось у Андрея в голове. — Вроде не видел я среди них стариков...»

Но потом по лёгким движениям, по тому, как без напряжения иконописец снова уселся на подстилку из еловых веток, Андрей догадался, что перед ним человек ещё не старый, ему может быть, нет и сорока пяти. И, осознав это, он сильно взволновался. Монах словно почувствовал его состояние и внимательно взглянул на гостя. Андрею вдруг сделалось хорошо, и он даже улыбнулся в ответ. Лицо Кирилла просияло, и, чтобы не смущать вошедших, он принялся созерцать свою работу. На деревянном дощатом столе среди баночек с сус-

лом, чесночным соком и пигментами лежала недописанная икона. Андрей слабо разбирался в этих изображениях, к тому же незаконченность тоже играла роль, но в проступающих чертах будущего лика было что-то, так пришло ему на ум, неземное. Он украдкой осмотрел помещение. Кругом расставлены были заготовленные ольховые доски. Они были сработаны на старый манер — топором, с вытесанным ковчегом и лузгой по краю и с торцевыми шпонками.

Минуты две постояв, они вышли.

— А ты как здесь очутился? — спросил Андрей Мефодия, когда они шли назад.

— Так устал от... жизни. Вот меня жена и спровадила, чтоб не спился. И я вот уже почти полтора года живу здесь трудником. А одежду такую — брат Капитон благословил, чего, говорит, нам разделяться на своих и пришлых. Мы, говорит, все братья...

— И долго ещё тут будешь?

— Пока уверенность не обрету, что опять там не сломаюсь. А сподобит Господь — так и почию здесь.

Андрей прожил в скиту две недели. С утра до вечера трудился. Подъём в пять, молитва два часа, потом работа до десяти и завтрак, опять работа до шести и три часа молиться, потом ужин и устройство на ночлег. Андрей также спал на лежанке, а монахи и трудники — кто как, некоторые и сидя. И всё тихо, всё спокойно, всё в радости. И этой царящей вокруг благодатью так пропиталась его беспокойная душа, что на исходе двух недель он тоже попытался спать сидя, но пока не получилось, полночи промучился и, засыпая, растянулся во весь рост на своём ложе.

Всё это время Капитона он видел только издали, тот всегда был занят весьма важными делами, и беспокоить его серьёзного повода не было. Так что общался Андрей в основном с Мефодием.

Русский человек в силу своего природного простодушия азартен, а по части свершения духовных подвигов азартен до крайности, другое дело — как его на это подвигнуть?

Как-то в полдень, проходя по двору, Андрей увидел Капитона. Монах стоял один, о чём-то задумавшись. Лик его был светел, и весь он словно открыт был для остального мира. А потому Андрей подошёл к нему просто и для самого себя неожиданно.

— Христос посреди нас!

— Есть и будет, — с неподдельной радостью откликнулся Капитон.

— Благословения хочу получить, — без предисловий начал Андрей.

Капитон с неподдельным интересом взглянул на Андрея, тот меж тем продолжал:

— Хочу построить часовню, небольшую, но высокую, чтоб со звонницей, а там, Бог даст, и колокол появится. За подвиги ваши, за терпение, в знак благодарности.

Капитон улыбнулся:

— Вижу, намерения твои благие и сердцем ты чист, а вот мысли в разброде, — он ещё раз улыбнулся, теперь улыбнулся и Андрей. — Подвиги мы тут никакие не свершаем. Вот ты пришёл к нам, пожил, душой отмяк. Теперь всё у тебя пойдёт, слава Богу. И другие так же. Поживут здесь, сил наберутся и пойдут по домам, вернутся к людям, жить там станут, а через них и на окружающих Божья благодать снизойдёт. Вот там и свершится наш, как ты выразился, подвиг. Кому сил не сыскать, что ж, милости просим, мы рады всем. А кому ни там, ни здесь покоя нет, за тех мы и денно и ночью молимся. Но за слова добрые спаси тебя Господи.

На следующий день Андрей собрался в дорогу: простился с Капитоном, зашёл к Кириллу. Тот смотрел на него пристально с минуту, глядя внимательно в глаза, затем снял со стены образок на шнурке и надел его на шею путнику. Когда прошался с Мефодием, тот всплеснул руками:

— Господи Боже, так ведь он тебе образ Святого Андрея Первозванного надел!

Скрипнула воротина, загремел деревянный засов. Андрей пошёл по тропинке. И словно наваждение с него спало, как будто он от сна отошёл. Весело улыбнулся, но уже другой улыбкой, какой он прежде не улыбался. И птицы пели вокруг, и тоже по-особенному, и небо над головой синее. А каким оно раньше было?..

СОВЕСТЬ

Я родился через двадцать с лишним лет после Великой Отечественной войны. Но и когда подрос, лет через десять-двенадцать, память о ней в нашем народе была ещё сильна хотя бы потому, что ветеранов тогда было очень много, да и литература о войне только ещё набирала силу, а за ней и кинематограф не отставал. Рассказы и воспоминания о тех тяжёлых испытаниях следовали за нами ежедневно и еже часно. Тогда ещё только-только вышли в жизнь первые поколения, родившиеся после войны, а все, кто был старше, помнили её, если не по фронту, так по жизни в тылу. Воспоминания и тех, и других потрясали нас своей правдой. И всё же наши

представления о войне — послевоенных поколений — были не столько правдой о ней, сколько набором символов и образов. С годами, сколько ни пытались сказать о ней правду в художественных произведениях, события военных лет от этого правдивее не становились, и даже порой покрывались ещё большим туманом. Теперь я знаю почему. Сказать какую-то особенную правду о войне невозможно. Мы победили — вот и вся правда.

Но не терпелось объяснить — почему мы победили. Первые версии были такие: немцы дураки, а мы умные и хитрые, один наш солдат хитростью может сто немцев победить. В детстве я в это верил. А потом убедился, что всё совсем не так. Русский народ, наоборот, порой до глупости доверчивый, прямодушный и даже наивный. Даже образование нас не исправляет, а делает ещё доверчивее и наивнее.

Потом говорили, что у нас оружие лучше. Да, наши танки Т-34 были для вермахта большой проблемой, а такие танки, как КВ, у фрицев появились только к 1943 году. Наши винтовки СВТ немцы даже официально поставили на вооружение, и для немецкого пехотинца, кроме своего автомата МР-40 (Ирма), в порядке вещей было иметь нашу СВТ, особенно при обороне. А наши уникальные установки залпового огня «Катюши» — своеобразная русская артиллерийская дубинка, а штурмовики ИЛ-2... И всё же Москву нам пришлось отстаивать голыми руками. Однако отстояли и перешли в наступление.

Следующие версии нашей победы были и вовсе пораженческие, дескать, закидали немцев трупам или союзники помогли... Берлин, говорят, можно было не штурмовать в лоб, а обойти, взять в кольцо. Фашисты бы сами сдались. Но маршала Жукова обуяла гордыня...

Всё это тоже неправда. Мы торопились потому, что и немцы торопились, создавая ракеты с атомными боеголовками и реактивные самолёты. А у союзников, чего говорить, не было ни одного танка, способного один на один сразиться с немецким «Тигром» или «Пантерой». Кстати, в начале войны у французов и чехов танки были намного лучше немецких, но это их не спасло. А Берлин пришлось брать самим, потому что немцы уже подписали акт о капитуляции с союзниками. И не войди мы в Берлин, мы были бы просто свидетелями победы Англии, Америки и Франции над Германией, как уже это было в 1918 году, когда Россия, разгромившая Германию, осталась не у дел и даже потеряла часть своих территорий.

Что же тогда было решающим фактором в победе? Может, русские чудо-богатыри? Насчёт богатырей в предвоенном

Советском Союзе, где хлеб и картошка были лакомством, тоже вопрос спорный. На фоне откормленных наглых немецких штурмовых бригад и выращенных в «инкубаторах» рослых солдат СС наш неказистый деревенский Ваня явно богатырём не казался. Но если не было богатырей, тогда что же остаётся? А остаётся, как в загадке про А и Б, что сидели на трубе, только чудо. Вот это самое чудо не преодолеть никакими панцердивизионами. Оно спасало Россию всегда и хранит её пока по сей день. Это оно вооружило нашего воина сверхтерпением, чтобы перетолочь немецкую военную машину в муку. «Прижал нас немец, — думал русский солдат, — крепко прижал. Ничего, потерпим, не такое терпели. Убьют меня, так ведь у меня брат Ванька есть. А его убьют, Колька пойдёт, потом Стёпка... Глядишь, и кум Ансуп пригодится, мало ли что под пятьдесят ему. А ты за ним по тайге на лыжах угонись, он ещё молодым три очка вперёд даст! А там, глядишь, и дети подрастут... Рано или поздно кишки Гитлеру выпустим, дай Бог».

У каждого поколения в России своя Великая Отечественная война, каждый раз нам приходится по-новому осмысливать те события. И это не случайно. Если взглянуть на тысячелетнюю историю Руси, становится ясно, что у каждого поколения есть своё Куликово поле.

Я тоже скажу несколько слов от имени своих сверстников о войне, которую мы знаем только по рассказам ветеранов и по фильмам о ней, по военным мемуарам, по романам и по сохранившимся документам.

Нас часто упрекают в неточностях, в путанице мелких подробностей. Но скажу только, что с годами война эта приобрела некий символический образ, выявилась её суть, так что теперь уже не так важно, были ли наши солдаты в сапогах или в обмотках, с трёхлинейками системы Мосина или с СВТ, имели ли они фляги стеклянные или алюминевые. Конечно, для солдата всё это важно — в ботиночках он в сорокаградусный мороз, в сапогах или в валенках сидит в окопе. Но не только это было решающим фактором нашей победы, во всяком случае, не главным.

Я расскажу об одном эпизоде той войны так, как запомнился он мне по рассказу одного фронтовика. Я даже не помню, в какой степени родства мы состояли. Он то ли какой-то пятиуродный дядька, то ли вообще чей-то знакомый. Я не помню, в каком звании он служил. Да и какое звание у бойца штрафного батальона — скорее всего никакое, просто боец. Помню только его почерневшее морщинистое лицо, глухой кашель и пристрастие к крепким спиртным напиткам, среди которых тройной одеколон был не самым ядовитым.

Я не помню всех подробностей, могу что-то перепутать в экипировке, в вооружении. Я не помню даже, на каком участке фронта и в какое время это происходило, но я помню главное... И чувствую, что нельзя не рассказать.

Командир стрелкового батальона майор Боровой Иван Павлович, хотя выправку имел отменную и даже лихую, на боевого командира походил мало. Был он, скорее, военный щёголь, фронт и внешним видом больше напоминал этакого аристократа.

Вот и теперь даже в окопе на передовой он долго и тщательно вытирал подошвы сапог о лежащую у входа в блиндаж плетёнку из тальника, специальной палочкой счищал глину с хромовых голенищ. Взявшись за край плащ-палатки, закрывающей вход, на секунду остановился и, не поворачивая головы, отдал приказание часовому:

— Явится посыльный — немедленно ко мне. Устал не устал, полумертвый, полуживой, ясно?

— Так точно, товарищ майор.

Боровой шагнул внутрь и тяжело опустился на осиновые нары.

— Чёртова война, — со злостью пробормотал майор и, сложив руки на колени, замер, бессмысленно глядя на торчащий из стены гвоздь.

Больше всего Иван Павлович боялся оказаться в нелепой ситуации, не предусмотренной уставом. Рьяный исполнитель приказов вышестоящего начальства, он умело строил карьеру и продвигался по службе. Но три недели назад началось такое, что никакими уставами не опишешь. Двадцать второго июня немчура попёрла через наши границы, педантично перемальвая всё, что встречалось на пути.

Положение, в котором находился его батальон и он сам, с каждой минутой становилось более чем никудышным.

Накануне ночью бойцов и командиров подняли по тревоге. Получили приказ выбить прорвавшегося противника с захваченного рубежа (пока немцы не успели закрепиться) и держаться до подхода основных сил.

Приказ как приказ. Приказы не обсуждают. Только с самого начала всем было ясно, что никаких основных сил не будет, нет этих сил. А из ставки один за другим шли приказы о наступлении, о перенесении боевых действий на территорию противника. И командиры, не оценив толком обстановку, вновь и вновь гнали солдат вперёд, лишаясь последних резервов.

Две трети батальона уже побывало в боях, пятась от самой границы. Спешно приняв пополнение свежих бойцов и получив другого комбата взамен убитого, снова пошли в бой.

Едва в утренних сумерках стали различаться предметы, ещё воздух не наполнился звуками первых птичьих голосов, прозвучал сигнал к атаке. Двигались молча, без шума, пригибаясь к земле и примкнув к винтовкам штыки. Омытые росой ботинки бойцов блестели, обмотки промокли, потемнели и отяжелели. Боровой шагал впереди, напряжённо вглядываясь в даль.

Немцы явно не ожидали. После успехов первых дней фашисты совсем обнаглели. Когда до окопов противника оставались десятки метров, грянуло яростное «Ура» вперемешку с ядрёной руганью.

Вырытые нашими бойцами окопы немцы не успели ещё переоборудовать: бруствер, ячейки для стрельбы и проходы для метания гранат — всё было с противоположной стороны, откуда подошли немецкие войска. Спросонья фрицы не сразу и поняли, в чём дело.

Красноармейцы бились остервенело, с дикой яростью, особенно те, кто уже «входил в соприкосновение с противником», с треском вспарывая штыками мундиры солдат вермахта, превращая глухими, чавкающими ударами прикладов головы врагов в кровавое месиво. Немцы почти не сопротивлялись. Не приученные к рукопашному бою, ошеломлённые внезапным нападением, те, кому удалось вырваться, задали стрекача, побросав оружие и боеприпасы. Подтянувшиеся пулемётчики «сыграли» им напоследок такое «Лили Марлен», что их организованное отступление превратилось в бегство.

Боровой шёл в сопровождении двух бойцов. Когда из блиндажа выскочил немецкий офицер с парабеллумом, один из солдат закрыл командира и получил пулю в грудь. Комбат, успевший подхватить смертельно раненного красноармейца, не задумываясь, выстрелил из пистолета и угодил немцу между глаз. Укладывая на траву умирающего бойца, совсем ещё юного паренька, Иван Павлович видел, как бледнеют веснушки на его почти мальчишеском лице. Майору совершенно не к месту вдруг вспомнились строчки из устава, где говорилось о том, что рядовой боец должен защищать своего командира. За всю службу не нарушившему ни буквы приказа майору раньше это казалось само собой разумеющимся, теперь же ему стало не по себе.

Войдя в блиндаж, майор снял висевший на гвозде портрет фюрера, и швырнул под ноги бойцам.

Приказ был выполнен. Противник выбит с занимаемой позиции. Вроде можно спокойно перевести дух. Да дальше-то что?

Он не зря маялся. Часа через три начнёт темнеть. Наступать — приказа не было, да и бессмысленно, судя по тому, как постепенно затихала канонада слева и справа от их позиций, они уже находились в немецком тылу.

Отступать тоже нельзя без приказа — расстрел на месте, это Иван Павлович уже своими глазами видел. В суматохе первых дней в панике расстреляли молодого солдата, сбежавшего из-под огня противника. Его поставили на колени, и лейтенант войск НКВД выстрелил ему в голову из нагана, второпях забыв снять с него каску. Пуля каску не пробилла, только сделала вмятину, и обречённый боец уткнулся носом в траву. Пока его поднимали и приводили в чувства, энкавэдешник подбежал к Боровому и выхватил у него из кобуры ТТ. На этот раз пуля прошла навывлет... Он сам был в панике, тот офицер, погорячился. Его за это потом тоже по головке не погладили...

Майор Боровой всё это понимал, но ведь тут и ситуация другая.

Вспоминая это теперь, он приходил то в ярость, то в отчаяние. «Назад пойдёшь — дезертир. Здесь стоять — предатель, людей погубил, вместо того, чтобы отойти и выровнять фронт! Так и немцы ждать не будут: или вышибут ударом в лоб, а, скорее всего, возьмут в кольцо, тогда плен. Но если и вырвешься — всё равно предатель! Что делать?»

Майор отправил посыльного в штаб и теперь с напряжением ждал известий. Час-другой они продержатся. Перед боем батальон был усилен ротой автоматчиков и, кроме пехотных дегтярёвых, на флангах имелось два расчёта станковых пулемётов да плюс пять противотанковых ружей. Так что пехоту с танками можно остановить. Но ненадолго.

Июньские события одна тысяча девятьсот сорок первого года были досаднейшим недоразумением в военной карьере Ивана Павловича. Конечно, поступая в училище, он понимал, что на всю жизнь связывает себя с армией. И, хотя страна готовилась к войне, какая-то неоправданная надежда была, что всё как-нибудь пройдёт стороной. Или если случится, то только будет способствовать продвижению по службе. Да так оно и произошло. Комбатом Боровой был назначен на днях. А до этого командовал резервной ротой.

Майор вытер носовым платком пот со лба.

«Ведь и посоветоваться не с кем! Политрук — молодой пацан, после училища. Смотрит преданно, как жучка, в глаза. А сам чего-то там в свой блокнотик чирикает. Небось, чуть что — и первым побежит в особый отдел. А в атаку шёл впереди, в полный рост. Чудом уцелел. Поди, и выстрелить не успел. Теперь павлином ходит!»

У младших офицеров спрашивать совета — обсмеют за глаза».

— Часовой!

— Я! — откликнулся боец у входа!

— Лейтенанта Косоргина ко мне!

— Есть!

Не нравился майору этот Косоргин. Себе на уме. Молчит всё. Да вот воюет паршивец отменно, толково, словно у себя в деревне на огороде трудится. И немцев бьёт, и бойцов понапрасну не губит. Это же он, Косоргин, три недели назад батальон спас, вывел из кольца.

Вошёл Косоргин, невысокого роста, кряжистый, как дубовый пень, лицо красное, обветренное, глубинной серости глаза с прищуром, будто смотрят всё время вдаль.

— Разрешите войти?

— Да, — поморщился Боровой. — Присаживайтесь.

Лейтенант примостился на пустых ящиках, отёр ладонью лицо.

— Как там? — комбат кивнул головой в сторону окопов.

— Окапываются, товарищ майор. На правом фланге, где лес, вторую линию сделали на случай прорыва или обхода с фланга пехотой. Роем проходы для метания гранат. Правда, гранаты только наступательные...

Майор явно не слушал лейтенанта. Он только следил за интонацией и пристально глядывался в его глаза, пытаясь найти нужное решение, изредка повторяя: «Да, да».

— Да, да. Конечно. Как там настроение?

— Боевое. Посты расставлены.

Помолчали. Боровой взглянул на Косоргина. Тот смотрел на него невозмутимо и спокойно, ни растерянности, ни даже волнения не видно на грубоватом лице лейтенанта.

— Ну, основную задачу мы выполнили?

— Так точно, товарищ майор, выполнили.

— Если что — продержимся.

— Так точно!

Майор вскочил.

— Что ты, ей-богу! Затрындил, так точно, так точно! Тоже мне, служака рьяный!

— Разрешите идти?

— Идите.

— Все шибко умные, — проворчал Иван Павлович, когда лейтенант вышел, — все знают как! У меня у одного в голове пусто, как у матрёшки в брюхе!

Он устало откинулся к бревенчатой стене и от невероятно-го нервного напряжения впал в апатию и неожиданно уснул.

До поступления в военное училище Иван Павлович Боровой жил с отцом и матерью в городе. Отец работал на авторемонтном заводе, был он на хорошем счету — передовик производства. Но то на работе... А дома, сколько помнит Иван, вечно уставший, мрачный, неразговорчивый человек. Только иногда по выходным, выпив, поучал сына:

— Учись, Ванька, учись, как следует. Чтобы вот так не горбатиться с утра до ночи в мазуте по самое темечко. Чтобы человеком быть.

— Ты папку слушай, — шептала Ивану мать, уводя сына из кухни, — он правильно говорит. Мы люди простые, неучёные. А ты выучишься, станешь инженером, будешь с портфельчиком ходить. Все уважать начнут, звать по имени-отчеству, Иван Павлович.

А Иван и не думал возражать. Он и сам понимал, что рабочий класс хоть и главный, да действительно — не всю же жизнь железяки крутить! Однако инженером быть — тоже вопрос спорный. Вон дядя Юра выучился, инженер, а горькую потребляет почище отца, а говорит что?

— Мне, — говорит, — ничего не светит. Как был старшим участка, так и помру. У меня начальник всего на три года меня моложе. Так вместе до пенсии и дотянем. А я не такой, как некоторые. Я доносами карьеру делать не собираюсь.

Эти разговоры Иван не очень понимал, но смутно догадывался, о чём идёт речь. В ту пору люди действительно время от времени исчезали, порой бесследно, но говорить об этом, тем более при детях, было не принято.

«Военный — вот профессия, — думал Ваня Боровой. — И уважение к форме, и звания повышают, только знай — служи. А главное — офицер сразу же человек другого сорта. Начальник над людьми. И чем дальше, тем большим человеком становишься. Офицеры — это те, кто руководит. Начальнику цена особая. При удачном раскладе особые льготы получаешь. Несколько лет потерпеть только в курсантах. И на пенсию военные рано уходят».

— Опять же, Ваня, — поучала мать, — в партию вступай, партийным везде ход дают.

— А коммунисты в Бога верят? — спросил Иван мать.

— Что ты! — испугалась она, — не дай бог!

— А как же крестик? — удивился Иван, — я же крещёный.

Мать наклонила голову и сказала, как бы убеждая сама себя:

— А крестик пусть... Ты только не говори никому и не показывай.

Таковыми наставлениями руководствовался Боровой, поступая после школы в военное училище. И всё складывалось

неплохо. Ещё во время обучения Иван «службу понял» и усвоил, как надо вести себя с начальством и с подчинёнными. И хоть чувствовал он, что всю жизнь свою посвящает армии, а только война эта совсем в его планы не входила и потому предстала перед ним непреодолимой стихийной силой, не укладывающейся в сознание.

Проспав часа два, Иван Павлович проснулся и взглянул на часы. Он выскочил из блиндажа и накинулся на часового:

— Вашу Бога мать! Я же приказывал: посыльного ко мне! Сплю — разбудите!

Часовой от неожиданности слегка присел и чуть не выронил винтовку.

— Так что, товарищ майор, не было посыльного. Минут пять тому приходил старший лейтенант Косоргин — нету.

Боровой ушёл обратно. Снова наступила непривычная тишина. В лесочке запел соловей, отрицая войну, уставы и вообще все людские заботы. Бойцы отдыхали.

Иван Павлович сидел, обхватив голову руками, и раскачивался из стороны в сторону.

— Времени больше нет, — пробурчал он. — Времени нет. Надо что-то решать. А что?

Ему вдруг вспомнился последний вечер дома, в кругу семьи. Он с женой сидел за круглым столом, накрытым белой праздничной скатертью, на которой стояла бутылка коньяка и наскоро собранные закуски. Ольга Николаевна, жена Борового, не плакала, но была бледна до чрезвычайности. Она старалась улыбаться и делала бодрый вид, чтобы расставание не было столь тягостным. Но ей это удавалось с трудом, и становилось только тяжелее. От этого ситуация приобретала совсем реальный и уже вовсе зловещий смысл. Дочки Ивана Павловича, Маша и Рита, одетые в нарядные платица (днём они ходили все вместе фотографироваться на память), скакали вокруг стола и хлопали от счастья в ладоши. Как же: папка едет бить фашистов! Папка у них настоящий герой, как Будённый и Ворошилов!

Теперь, как и в те минуты, всё виделось ему в каком-то жарком красном мареве. Это было и несправедливо, и нелепо — и настоящая ситуация, и всё, что связано с войной. Единственно значительными являлись мысли о том, что станет с семьёй, если его вдруг сочтут предателем. Как тогда они станут существовать, на что жить?

Часовые тихо окликали друг друга.

От близко раздавшегося выстрела стоявший у входа красноармеец вздрогнул и несколько секунд недоумённо таращился на брезентовый полог. Оглядевшись по сторонам, он робко окликнул:

— Товарищ майор, товарищ майор!

Осторожно отодвинув завесу, заглянул внутрь. Майор Иван Павлович Боровой сидел с бледным лицом на земляном полу, в правой, откинутой в сторону руке, он сжимал табельный ТТ, из канала ствола которого выползала струйка порохового дыма. Он взглянул на часового, слабо улыбнулся и произнёс дрожащими губами.

— Хотел пистолет почистить, а разрядить забыл.

Потом майор до конца своих дней с удивлением вспоминал, как в тот момент, когда он поднёс пистолет к виску, его вдруг как будто кто-то схватил за руку и остановил. И Ивану Павловичу стало нестерпимо стыдно за себя, за своё минутное малодушие, перед своими бойцами, перед своей семьёй, перед своей матерью и даже, в чём он признался и себе не сразу, а только много лет спустя, стыдно перед товарищем Сталиным. И Иван Павлович, открыв глаза, со злостью выстрелил в торчащий из стены гвоздь.

В сумерках батальон построился по линии окопов. Майор Иван Павлович Боровой командовал, понизив голос, но чётко и резко произнося слова:

— Батальон, равняйся, смирно! Товарищи бойцы! Я принял решение прорываться к своим. Первым идёт взвод автоматчиков лейтенанта Загородного. Отход прикрывают пулемётные расчёты сержанта Тихонова и ефрейтора Шлыкова! Всё — митинг окончен.

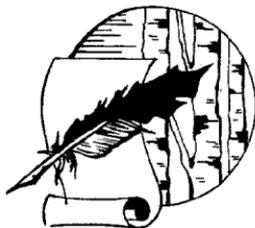
Негромко зазвучали голоса командиров, выстраивающих людей в походную колонну. Постепенно растягиваясь, батальон неспешно двинулся вдоль опушки леса.

Проходивший мимо комвзвода Загородный тихонько, как бы сам себе, обронил, перемешивая русскую речь с украинской мовой:

— То ж дило. А то ще як бы воно зробилось...

Соловей по-прежнему заливался, не принимая всерьёз людские печали.

Наступала спасительная темнота.

Эмма МЕНЬШИКОВА

РУССКАЯ ТЕТРАДЬ

* * *

Есть простые слова, но за ними
И судьба, и любовь, и земля.
Это хрусткие снежные зимы,
Это древние стены Кремля.

Сколько б времени дальше ни виться,
Будут вечно звучать и спасать
Красный угол, святая водица,
Пустынь Оптиная, Павлов Посад...

Есть слова как пароль, как примета
Уз надёжных и скреп вековых —
Это строки державных поэтов
И молитвы великих святых.

Это имя, которым крестили,
Это мамина тихая грусть...
И встаёт за словами простыми
Наша кровная родина Русь...

* * *

Я не в России родилась.
Не Муромец, а Гедиминас
Героем был в стране у нас,
И мне Россия только снилась:

Такой, как в старом букваре —
Где рожь густая колосится,
Дорожка, спрятавшись в траве,
Бежит куда-то вдаль — и птицы,

Взмывая ввысь, под облака,
Летят к забытому гнездовью...
Взирают сосны свысока
На это русское раздолье...

Теперь всё это наяву:
И воля русская, и птицы,
И рожь густая колосится...
Давно в России я живу,
А мне всё кажется, что снится...

* * *

Чем ближе к дому, тем родней пейзажи,
Церквушки, колоколенки вдали,
Лесные полосы, стоящие на страже
Своей исконной матушки-земли.
Всё это сердцу близко и знакомо,
Но каждый раз мне слёз не удержать,
Когда родные вижу чернозёмы,
Когда бежит-бежит дорога к дому,
Где есть кому печалиться и ждать...

* * *

Дорога к дому моему бежит издалека —
Там дедов хутор и река — вода в ней глубока...
Там те же звёзды до сих пор мерцают в вышине,
А дома нет, и сада нет: они живут во мне.

Всё в памяти моей пока не тронута быльём,
Сидит отцовская родня на лавках за столом,
И пахнет в доме молоком, и печка льёт тепло,
И вдруг взовьётся песня так, что задрожит стекло...

Всю жизнь трудились на разрыв — и пели, душу рвя,
А ныне там земля пуста да шелестит трава.
И песни эти не слышны, и судьбы как во тьме,
Но помню я — и все они живут, поют во мне...

* * *

Деревня — Руси колыбель.
Здесь люди просты и доверчивы.
Скрипит вековой журавель,

Как люлька, которую женщина
Качает в далёкой ночи
И плачет о чем-то несбывшемся...
А ветер в окошко стучит,
И пламя в лампадке колыхается...

* * *

Как много неба в ваших окнах...

Алла Линёва

Всё было так, да новый русский
Такой напротив строит дом,
Что небо лишь полоской узкой
Окажется в окне моём.

Чем выше дом его, тем мельче
Он сам на фоне мощных стен.
И осуждён народным вече
К презрению на семь колен...

Трудись —
 таков закон деревни:
Здесь лиходеи не в чести.
А столько в этом мире брэнном
По чести разве загрести?

Но зла ему желать не стану,
Как ни крутись он, как ни засть,
А свет ему не по карману
И небо наше — не украсть.

В окошке рядом облаками
Плывёт оно в белёсой мгле,
Чтоб за лесами, за полями
Прижаться к матушке-земле...

* * *

Мы еще застали эту Русь —
С улочками вологд и тарус,
Утопающими в зарослях сирени,

Старую бревенчатую Русь,
Где прошенья просят в сыропуст
И посятся до Святого Воскресенья...

Мы еще застали эту Русь,
Что на сабантуй или навруз
Древнюю весновку не сменила.

Эту жаворонковую Русь
Так люблю, и потерять боюсь,
Что в ладошках бы ее хранила...

СЕМЕЙНЫЕ ИКОНОСТАСЫ

Крестьянские лица — как лики.
Т. Королева

Крестьянские лица — как лики...
Взирают из рам вековых —
И в избах печальных и хлипких
Как будто светлее от них...

Оконца в минувшее время,
Где живы ушедшие ввысь:
Далёкое дивное племя
Федотов, Матрён и Анфис.

Во всём уповая на Спаса,
Держались они за родню.
Семейные иконостасы
Крепили простенков броню.

Казалось бы, что в них святого?
Солдаты в шинелях до пят,
Солдатки в суконных понёвах,
Ребята на лавке сидят...

Но словно лучатся их лица —
И взгляда от них не отъять...
Нам есть за кого помолиться,
За нас есть кому предстоять...

* * *

Ты говорил мне: только возвращайся!
Хоть через десять или двадцать лет...
А я тебе сказала: не печалься,
К тому, что было, возвращенья нет.

И вот прошли все сроки и надежды...
Давно ты за собою сжёг мосты.
А я всё рвусь туда, где были прежде
Пусть и не правы мы, зато чисты...

Отрезав все дороги к отступленью,
Живёшь теперь ты словно в забытьи...
Но не печалься, наши дни нетленны,
К тому, что было, нахожу пути...

ПЕРЕДЕЛКИНО

За переделкинским окном всё дождь и дождь...
И что хорошего здесь, даже не поймёшь.
Шумит вода, шуршат машины день и ночь,
А счастья странного в себе не превозмочь.

Такое чувство, словно время здесь не в счет —
Оно как сон куда-то медленно течёт,
И сквозь дождя зернистую вуаль
Я вижу тех, кто раньше здесь бывал...

Стихи писали, и гуляли до утра
По переделкинским аллеям, где бодрясь
Стоят всё те же деревья — но Боже мой!
Они всё те же — только мир совсем иной.

И в доме творчества сегодня пустота.
В аллеях дождь читает прошлое с листа....
А под дождём бредёт с зонтом поэт,
Которого давно на свете нет...

* * *

Писать стихи...
Ну, это очень просто!
Как жить, дышать, молиться и страдать.

Всего лишь слушать,
Как щебечут звёзды,
И песни эти заносить в тетрадь.

Всего-то душу
Открывать, как Богу,
Невесть кому, живущему вдали...

И слёзы лить,
И провожать в дорогу
Слова, летящие, как журавли...

РУКИ

Старухи, деревенские старухи...
Поникли на коленях ваши руки —

Большие и натруженные птицы,
Уставшие за хлеб насущный биться...

Сушили ветры их, вода студила,
Работа ломотою изводила,

Но вновь и вновь вздымались эти руки,
Спасая Русь от горестной разрухи

Земным трудом и праведной мольбою.
А нынче сникли, скованные болью...

Сидят старухи, их сложив бессильно.
А было время — сеяли, косили,

Сучили пряжу, шили и вязали —
Ни славы, ни богатства не стяжали.

Осели избы — мазанки из глины,
Вокруг бушуют заросли малины.

Зимой и летом в плюшевых шубейках
Весь день сидят старухи на скамейках.

А сверстницы их, западные дамы,
Сверкают бриллиантово перстами,

Смакуя пьют игристое ламбруско
И учат жить несносных этих русских...

* * *

Чем ни займусь, а в мыслях — Украина,
Куда ни посмотрю — а всё она.
Смеются дети во дворе наивно,
И думаю: а там идет война.

Гремели выпускные по России,
Салюты разрывали небеса.
А там «Не убивайте нас!» просили
Ребята со слезами на глазах.

Там по жилым кварталам били «грады»...
И люди из домов бежали прочь.
«Мы украинцы, но скажу вам правду:
Что все мы стали русскими в ту ночь, —

Так говорила женщина с младенцем,
Прошедшая с ребенком через ад: —
В моей стране устроили Освенцим,
И нет теперь для нас пути назад...»

А сколько их, вновь испеченных русских,
Крещенных не водою, а огнём,
Спешат в Россию по просёлкам узким,
По воздуху, по морю, ночью, днём...

Чем ни займусь — а в мыслях Украина.
У нас гроза — а там опять обстрел.
У нас от снеди ломаются витрины,
А там мальчишка хлеба не поел.

У нас любовь, а там сплошные страсти.
А ночь у нас — тиха и высока...
А там к Луганску через город Счастье
Подтягивают танки и войска...

* * *

Ветераны уходят в землю,
Не сдавая своих позиций...
Снова раненые под Ельней,
Шепчут хрипло: сестра, водицы...

До рассвета не спят от боли,
О друзьях вспоминая павших.
А к утру по команде «К бою!»
Рвутся яростно в рукопашный...

Со штыками идут в атаку,
Упираясь во вражьи цепи,

Грозно бьются в кровавой схватке
За родные поля и степи....

Не в постелях — в сраженьях свя́тых,
Захлебнувшись огнём свинцовым,
Умирают от ран солдаты
Под Смоленском и под Ростовом...

Сколько лет на переднем крае,
За Москву и за Курск воюют...
Кто-то в танке опять сгорает,
Кто-то в небе врага штурмует.

И в пылающем Сталинграде,
Как товарищи их когда-то,
Погибают Победы ради
Жизнь отдавшие ей солдаты...

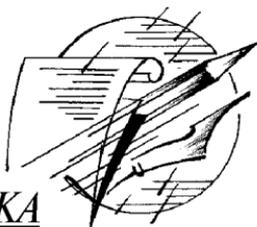
Бьются насмерть в Орле и Бресте,
Льнут под выстрелами к землице.
И уходят в иные веси,
Не сдавая своих позиций...

Редакция «Молодой гвардии» поздравляет Эмму Меньшикову с замечательным юбилеем. Ее проникновенные стихи и достоверные очерки из реальной провинциальной жизни всегда отличались ярким своеобразием и имели душевный отклик у читателей нашего журнала. Желаем ей здоровья, поэтического вдохновения и творческого долголетия

ДЕНЬ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

5 апреля 1242 года состоялась знаменитая битва между православным воинством правителя Новгородского княжества Александра Невского и католическими рыцарями Ливонского ордена. Сражение вошло в историю России под названием Ледового побоища, в котором русские войска одержали победу. Поход крестоносцев носил, прежде всего, религиозный характер. За несколько лет до битвы папа римский Иннокентий III отправил на Русь кардинала для проповеди католичества и переубеждения русских правителей. В булле римский понтифик указал на падение Византии как оплота Православного Христианства и посоветовал русским не сопротивляться и не отпадать от единой паствы Христовой. Зная исторические события последовавших веков, сегодня мы вправе оценить поход войск Ливонского ордена как первую попытку Запада насильственно вовлечь Россию в орбиту своего влияния, в первую очередь, в культурной сфере.

С тех пор в отношениях между Россией и Западом едва ли что-то изменилось, разве что западные политики стали действовать более цинично, а высказывать

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ся более откровенно. Со временем состояние вечной холодной войны с Европой закрепились в умах наших правителей как естественность, а теперь, когда Запад заправляет в первой русской столице, постепенно переходит на общегражданский уровень. Некоторые политологи, в том числе титулованные специалисты, ранее сводили холодную войну к отягощенному идеологией противоборству СССР и США в течение сорока пяти лет после окончания Второй мировой войны. Последние события заставили их изменить эту точку зрения.

В многовековом противостоянии с Западом Россия всегда ограничивалась обороной — активной, как в случае с Крымом, или пассивной, если вспомнить фиктивный гнев Ельцина по поводу натовских бомбардировок Белграда. В то же время «страны заката» (нем. *das Abendland*) проводят политику наступления и агрессии. Ведь именно Запад разворачивает против России систему перехвата ядерных ракет, что катастрофически подрывает стратегическую ядерную стабильность. Именно Запад наращивает в России разноцветную пятую колонну — от оранжевых либералов и красных радикалов до псевдопатриотических экстремистов под благородными знамёнами. Некоторые патриоты советуют Путину ввести зеркальные меры против Запада — создать в ЕС свои неправительственные структуры, финансировать противников европейской интеграции, а то и обложить США ракетными поясами по хрущёвскому сценарию, например, в дружественной Венесуэле. Эти идеи находят отражение в российском информационном поле, которое, к сожалению, сосредоточено исключительно на западных странах — их обсуждают, критикуют, предлагают пути отношений с ними. Мы очень много размышляем о них, думаем, «как догнать и перегнать Америку» вместо того, чтобы обратиться к собственной стране.

Последние сто лет мы живём без национальной идеи. В течение семидесяти лет нам навязывали т.н. советские ценности (атеизм и интернационализм), что закончилось крахом государства и урезанием России до границ XV века (если не считать Сибирь). Можно сколь угодно долго рассуждать о преимуществах советского строя, но его главным результатом стало превращение народа-богоносца в народ без истории и с весьма смутным представлением о самом себе. Последние же двадцать пять лет вполне можно считать временем идейной пустоты. Либерализм как идея свободы человека вне Христа и без Христа в России не прижился, а самих либералов с течением времени русский народ отринул.

Место национальной идеи до сих пор вакантно, что и провоцирует столь жаркие споры о ценностях русского народа, об историческом пути России. Осью этих дебатов во многом являются традиционные разногласия между западниками и славянофилами. Не желая пускаться в долгие и, как правило, безрезультатные разговоры на тему «Россия есть Европа или нет», остановлюсь лишь на нескольких интересных и крайне показательных моментах.

Как известно, в 988 г. состоялось Святое Крещение Руси по византийскому образцу. Россия приняла Христианство в эпоху глубокого религиозного конфликта между папой римским и Патриархом Константинопольским, который касался не только обрядовых форм, но и догматики. Его суть сводилась к тому, что католические схизматики, несколько позже окончательно отколовшиеся от Церкви, измыслили целый ряд новшеств (догмат о Папе, догмат о филиокве, догмат о чистилище), которые не фигурируют в Священном Писании и не принимались ни одним Вселенским собором. Существует и множество других существенных и символических различий. Русь же, принявшая Православие, а не католичество, стала фактически наследницей Византийской империи, которую папы долгое время пытались подчинить своей воле. Ватикан предпринимал попытки перевоспитать «непослушный» Второй Рим силой оружия, о чём свидетельствует Четвёртый крестовый поход против Константинополя и создание Латинской империи на его руинах. Таким образом, миссия охранения и несения Апостольского Христианства, т.е. Христианства времён Иисуса Христа, не подвергнутого реформе Христианства, перешла к России. Недаром монах Филофей в письмах Василию Третьему будет свидетельствовать о России как о Третьем Риме.

Принятие Православия Русью, уже тогда весьма крупной страной, возмутило римских понтификов. К сожалению, вместо веры во Спасителя западная цивилизация предпочла традиционное для неё язычество с насилием, нетерпимостью и грабительскими походами в стиле викингов. Отличие от Римской империи теперь состояло в том, что объект почитания от размера пантеона богов сузился до одного грешного человека — папы римского, которого католики, по итогам Ватиканского собора 1870 г., возвели в ранг «божественного человека и человеческого Бога». В этой связи справедливой представляется мысль русского философа Ивана Ильина о том, что «Европой искони владел Рим, — сначала языческий, потом католический, воспринявший основные традиции первого».

Разница в религии, которая относится, как рассматривалось выше, далеко не только к обрядовой стороне Церкви, обусловила огромную массу различий России и Запада. Это проявилось, например, в форме строительства империи, классическим образцом которой всегда считалась Великобритания. Эта «тюрьма народов», в которой к концу XIX века томились сотни народностей Африки и Азии и племён Австралии, создавалась методами войны, унижения и подавления. В то время как на родных островах англичане говорили о правах человека, свободе и парламентаризме, в колониях они стравливали народы по религиозному и культурному признаку, применяли террор. Например, восстание сипаев в 1859 году оккупационная администрация в Индии подавила с применением изощрённой казни под названием «дьявольский ветер». Скупые англичане привязывали их к стволам пушек и не жалели пушечных ядер, чтобы умертвить каждого повстанца отдельно.

Лакмусовой бумажкой, которая отразила всю глубину различий между западным и русским типами империи, стал референдум о независимости Шотландии. Хотя он и не привёл к независимости этой части Соединённого Королевства, бросается в глаза огромная общественная поддержка его проведения. Только после слезной речи британского главы кабинета министров перед активистами шотландских общественных организаций эту территорию удалось удержать. Обратите внимание, многие шотландцы, которые близки англичанам по вере, культуре и традициям, не хотят жить с ними в одной стране. В то же время народы России, многие из которых отличаются от русских разрезом глаз, цветом волос и кожи, религией, традициями и укладом жизни, не выказывают желание покинуть нашу страну, ведь их права не угнетаются в том государстве, которое основал и возвысил до мировой державы веротерпимый и радушный русский народ.

Немаловажным различием между Россией и Европой является язык. Речь идёт не только о том, что кириллический алфавит не используется европейскими народами. Сравните хотя бы слова в русском и европейском языках, которые обозначают важнейший общественно-политический термин — «государство». По-английски оно звучит как State, по-немецки — Staat, по-французски Etat, от которого и происходит политологический термин этатизм. Во всех перечисленных языках государство понимается как некое *состояние вещей*, которое может меняться под влиянием людей, превращаясь из монархии в демократическую республику или дик-

татуру. В русском языке слово «государство» происходит от слова «государь». Это обстоятельство позволяет говорить об авторитарной природе власти в России.

Интересно обратить внимание и на слово, обозначающее благодарность в русском языке — «спасибо». Едва ли можно передать на европейские языки истинный смысл этого слова, которое в русском языке означает надежду на Спасение Богом. Например, на английском языке такая молитвенная форма благодарности выражалась бы крайне непривычным для западного человека словосочетанием «God, save me». В целом русский язык более гармоничен в выражении чувств, что во многом определяет высокий эмоциональный уровень русского народа, тогда как западные языки лучше приспособлены для описания материалистических субстанций — политики, экономики и прочего.

Безусловно, одна статья не может отразить всю разницу между русскими и европейцами, как и вычертить образ отдельной от Европы Русской цивилизации. Однако не будем забывать, что в пользу нашей «самостийности» говорит и огромная территория, и расположение на двух континентах. Говоря о России, Столыпин произнёс в 1908 году перед либералами следующее «...не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света... Наш орёл наследие Византии — орёл двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью».

На мой взгляд, мы вправе говорить о Русской цивилизации не только как географической единице, но и как нашем окончательном историческом выборе. Согласно Федеральному закону от 13 марта 1995 г. «О днях воинской славы и памятных датах России» 18 апреля (по старому стилю 5 апреля) является одним из многочисленных дней воинской славы нашей страны. Однако нельзя не обратить внимания на совершенно особое значение этой даты, которая в духовном смысле разительно отличается от Бородинского сражения или победы русской эскадры под командованием адмирала Нахимова у мыса Синоп. Победа на Чудском озере есть не просто одно из выдающихся сражений в нашей истории, но и отражение первой в истории западной агрессии против России. Католические рыцари двигались на Русь не только для расширения собственного влияния, но и в целях переубедить, перевоспитать, наконец, «перепрограммировать» русский народ в духе западной цивилизации. Мы действительно от-

личны от Европы — и не только по вере, алфавиту и языку, но и по желанию русского народа нести миру собственную идею, собственное представление о добре, зле и стоящей меж ними свободе. Ещё Пушкин говорил, что *«греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер»*.

Если посмотреть на постхристианскую Европу сегодня, с её грехами, возводимыми в ранг закона, отказом от национальных корней и абсолютно аморальной поддержкой нацизма на Украине в политических целях, трудно избавиться от мысли, что русские и европейцы похожи только тем, что и те и другие внешне разительно отличаются от монголов. Воистину прав был молодой и мудрый князь Александр Невский, когда пошёл на временную дружбу с терпимыми к чужой религии азиатскими «варварами», отказавшись от выбора в пользу пусть и «цивилизованных», зато крайне нетолерантных к Православию европейцев.

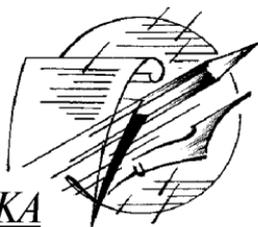
МИФ ИЛИ ГРЯДУЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Идея славянского единства не нова. В XIX в. виднейшие славянские учёные, писатели и общественные деятели, увлечённые идеей панславизма, выступали за создание славянской федерации во главе с Россией. Однако злая ирония судьбы распорядилась иначе: славяне оказались на многие века и до сих пор разобщены территориально, государственно и религиозно.

Восточные славяне, православные русичи, проживали от долин Закарпатья, Поднепровья и Белой Руси до Новгородских земель и предгорий Урала. Таким образом, территория исторической Руси простиралась от Карпат до Урала, а с XVI в. ещё дальше — по мере освоения Сибири и Дальнего Востока.

Западные славяне, преимущественно католики, помимо польских и чешских земель, исторически проживали там, где сейчас располагаются современные немецкие государства Германия и Австрия. Словаки же веками были под властью венгров — наследников кочевников-угров из Зауралья и Западной Сибири, ближайших родственников хантов и манси.

Южные славяне, коренные жители Балкан — православные болгары, сер-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

бы и черногорцы — долгие века находились под турецким игом, в том числе религиозным. В результате часть сербов в Боснии вынужденно приняла ислам. Хорваты и словенцы, находясь в составе католической Австрии, соответственно, стали католиками.

Из двух независимых славянских государств — русского и польского — к концу XVIII ст. осталась только набирающая всё большую мощь Российская Империя. Речь Посполитая, вечная соперница России, необоснованно считала себя не только польско-литовской державой, но и владычицей земель Юго-Западной Руси. Собственно, из-за чрезмерных геополитических амбиций Польша потерпела полный крах. В результате это государство более чем на сто лет исчезло с карты Европы, будучи разделено мощными соперниками — Российской Империей и двумя немецкими государствами — Австрийской Империей и Королевством Пруссия.

Как польские, так и иные борцы с «российским империализмом» до сих трубят, что Польшу-де поработила Россия. Эта байка в расчёте на полных невежд от истории: Российская Империя законно получила половину польских земель — центральные и восточные, вторую половину так же законно получили немцы — западные земли Пруссия, юго-восточные — Австрия. Так же упорно «забывается» заказными историками тот факт, что Австрия наряду с юго-восточными польскими землями заодно «заполучила» ещё галицко-русские земли и Буковину.

Для Российской Империи главной целью в разделах Речи Посполитой было воссоединение западных и юго-западных русских земель (Белоруссии, Подолии, Волыни), в конце XIV в. захваченных литовцами и поляками, с остальной Россией. Таким образом, наше государство собрало в своих пределах подавляющее большинство русского народа.

В XIX ст. благодаря победам Российской Империи в русско-турецких войнах образовались независимые южнославянские государства на Балканах — Болгария, Сербия и Черногория. Именно югославы, особенно сербы, хранят память о славянском братстве и об освобождении от турецкого владычества, которое принесла им Россия!

Однако и западнославянские народы постепенно возвращаются к идее более тесного общеславянского сотрудничества. Сейчас мы воочию наблюдаем, как Чехия и Словакия вновь начинают культурно и политически тяготеть к возрождающейся и набирающей силу России. Лишь официальная русофобская Польша (отнюдь не сам народ) традиционно сопротивляется идее славянского единства во главе с Росси-

ей. Вероятно, быть вечным буфером, этакой маленькой, но кусачей москвой, как и т.н. «государства Балтии», между «российским империализмом» и дряхлой педерастической Европой весьма удобно: на слона иногда потявкать, дабы евростарушка деньжат подкинула!..

Великороссы всегда были крупнейшей и наиболее пассионарной частью русского народа. Великорусские землепроходцы (в том числе казаки) в течение XVI—XVII вв. освоили огромные просторы Сибири и Дальнего Востока, а в начале XVIII ст. обосновались на Северо-Западе Америки — Аляске и Алеутских островах. Затем, дойдя до Северной Калифорнии, основали там самую восточную колонию России с крепостью Форт-Росс!..

Белая Русь, Беларусь... Так трогательно, с любовью называют свой край белорусы. В Средневековье эта земля была совершенно свободна от монголо-татарских захватчиков в отличие от Северо-Восточной и Юго-Западной Руси. Оттого, вероятно, и старинное историческое наименование — Белая Русь. Это край многочисленных лесов, рек, озёр и болот, особенно в Полесье. Белорусы — самобытнейшая западная ветвь русского народа.

Воспетая Н.В. Гоголем и другими классиками русской литературы Малороссия — это край, «откуда есть пошла земля Русьская» и русская государственность. Русь Малая означает Русь первоначальная, то есть метрополия. Малороссы — вот исконное самоназвание народа Юго-Западной Руси. Пограничных областей — *україн* — на Руси, было немало: малороссийская, слободская, зауральская, сибирская и т.д. Соответственно, украинскими звали многих жителей Русской земли.

Переименование малороссов в неких этнических «українців» было проведено большевиками после революции 1917 г. и имело сугубо политический характер. Главной целью был отрыв малороссов от единого русского народа. Мы же продолжаем любить ту старосветскую, живописную гоголевскую Малороссию с её «Вечерами на хуторе близ Диканьки», «Тарасом Бульбой» и «Сорочинской ярмаркой». И никакое откровенно враждебное России нынешнее государство «Украина» с его бандеровскими лжеправителями не помеха нашей искренней любви к исконно русскому стародавнему краю — Малороссии.

Агонию же бандеровского государства «Украина» мы уже сейчас лицезреем — она страшна, кровава, но абсолютно неизбежна! Малороссии и Новороссии — быть, «Украине-Бандерштату» — нет!

С 1983 г. я хорошо знаком с Закарпатьем — исторической Подкарпатской Русью и её коренным народом — русинами. С 1995 г. активно занимаюсь русинским вопросом в качестве публициста и слависта. Написал и опубликовал немало очерков, посвящённых русинам, большая часть которых вошла в изданную в Перми в 2009 г. авторскую книгу «Карпаторусский Сборник». Являюсь членом МОО «Объединение русинов» (Москва) и почётным членом Русинского общества имени Н.И. Кукольника (Ростов-на Дону).

Карпатские русины — карпатороссы, т.е. карпатские русские, несмотря на все перипетии XX в., смогли сохранить своё исконное самоназвание, в основе которого древнерусский корень «рус». Самоназвание *русин/русич* существовало издревле на Руси и первоначально было общим для всех русских людей. Однако именно в Карпатской Руси народное самоназвание сохранилось до наших дней. Насильственное переименование в «українців» после присоединения края в 1945 г. к Советскому Союзу коренным образом не повлияло на менталитет русинов. Национальное самосознание сохранялось, главным образом, среди сельского населения карпаторусских земель — Закарпатья, Пряшевского края Восточной Словакии и Подкарпатского воеводства Польши, а также в Венгрии, Румынии и странах, где традиционно давно проживают выходцы с Карпатской Руси — Сербии, Хорватии, США, Канаде...

История западных славян поистине трагична: малые народы в результате немецкой экспансии в Средние века и ассимиляции постепенно исчезли с карты Европы, будучи растворены в «германском море». Остались только лужичане в Германии, мораване в Чехии, кашубы в Польше, а также силезцы, проживающие в этих трёх государствах. Крупные западнославянские народы — поляки, чехи и словаки, несмотря на преимущественно немецкое и венгерское окружение в прошлом, сохранили свои языки и национально-культурные традиции.

То же самое относится и к южным славянам, долгое время находившимся под сильным турецким влиянием. Южные славяне, за исключением дунайских и македонских болгар и словенцев, составляют единый этнический монолит, говорящий на сербохорватском языке. Я имею в виду основные народы бывшей Югославии — сербов, хорватов и черногорцев. Королевство Югославия, преобразованное в 1929 г. из Королевства сербов, хорватов и словенцев, созданного в 1918 г., было южнославянским унитарным государством, после II Мировой войны ставшее федеративным — Социалистической Федеративной Республикой Югославией.

Созданная в 1918 г. на развалинах Австро-Венгрии Чехословакия стала государством западных и восточных славян — чехов, словаков и русинов. После войны, как и Югославия, стала федеративной республикой — Чехословацкой Социалистической Республикой.

Уничтожение в конце XX в. славянских федераций, прежде всего преимущественно славянского Советского Союза и Югославии, является крупнейшей акцией закулисных сатанинских сил мирового зла. Славяне всегда были непонятны, чужды ментально, культурно и в большинстве своём религиозно германскому миру. Не будем забывать, что немцы, голландцы, англичане, североамериканцы, скандинавы суть народы германского племени. А немецкий перманентный захватнический план *Drang nach Osten* применялся в разные исторические периоды преимущественно к славянским народам, главным образом к русскому. Вспомним, кем германцы всегда считали славян? *Sklaven* (нем.), *slaves* (англ.) — рабами! Их искренне возмущает, что у «этих» русских «*slaves*» самое крупное по территории и одно из сильнейших государств на Земле.

История не знает сослагательного наклонения, однако футурологически вполне можно предположить, что Славянская Конфедерация во главе с Россией могла бы стать эффективным антиглобалистским объединением. В состав Конфедерации вполне могли бы войти восточные и южные православные славянские государства — Российская Федерация, Республика Беларусь, Федеративная Новороссия, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Подкарпатская Русь, Республика Сербия, Республика Черногория, а также, возможно, излечившаяся от «украинства» Малороссия.

Утопия? А, возможно, и нет!

Необходим альтернативный противовес обнаглевшему англосаксонскому блоку во главе с США, стремящемуся к мировому господству и созданию «своего» Всемирного государства, где не будет места славянам.

ЗА РЕКОЮ В НЕПОКОЕ

РАССКАЗ

Каждое село, как известно, слухами полнится, потому что все тут друг у друга на виду и всем друг до друга есть дело. А если, например, Насте Агафоновой, получившей в этом году аттестат зрелости и приехавшей на выходные к бабушке, и дела нет, куда их сосед дед Матвей на ночь глядя отправился, то это, оказывается, проблема не соседского дедушки, а Настина: не поинтересовалась, куда и к кому он на закате дня надумал сходить. Отсюда, как в теореме, следует, что Настя равнодушна, а ещё страшнее, бессердечна.

Дед Матвей живёт по другую сторону большака, напротив бабушкиного двора. Домик его почти не видно из окна, прячется за деревцами да кустами разросшейся сирени, в дебрях своего неухоженного сада, двумя оконцами из зарослей этих на улицу выглядывает. Сын к нему из города редко приезжает, не балует старика, а старуха его умерла в прошлую зиму. Никуда этот дедушка уже и не выходит, разве что у калитки своей на солнышке посидит, погреет косточки, прокашляется, а вот сегодня куда-то направился. И надо же тому быть, что

ПРОЗА

именно тогда, когда Настя к Ератиковым за молоком ходила. И теперь получается, что она виновата: не остановила, не окликнула, не поинтересовалась. Теперь уж и самой стыдно, ведь дед Матвей войну «всю наскрозь» прошёл, два ранения имеет.

— Да что я, спрашивать у него, что ли, буду?! — упрямылась Настя, но не ярилась, а просто так, по инерции, оправдывалась.

Доела пышку, допила молоко, тёплое ещё, парное, потому как только что тётя Зина Пеструшку свою подоила. Бабушка, облокотившись на стол, всё посматривала в окно. Только и выдохнула, когда уже внучка со стола крошки смахивала.

— А ить и спросила б — не развалилась...

— Ба, да откуда ж я знала, что он никуда не ходит! Если б знала — спросила!

Чудная бабушка! Настя, считай, только с автобуса сошла, только деревенского воздуха хлебнула! Первый вечер, в клубе танцы! Ну, до деда ли соседского ей, которого ненароком увидела, возвращаясь с бидончиком от Ератиковых. Ну, вышел и вышел, пошёл и пошёл. Куда, зачем? — даже в голову не пришло спросить. Да в городе их сколько ходит! У всех спрашивать?..

— Эх, Настя... Ни до чего-то вам там, в городе, дела нет... Вот куда старого на ночь глядя понесло?..

Но Насте уже и не до бабушки. Она в клуб собирается. Дело-то молодое! Вон Галька Ератикова уже калиткой скрипнула, а Настя ещё не одетая. Галька звенит в сенцах по ведру алюминиевой кружкой, стало быть, пьёт воду, что в ведре на табуретке, как будто дома ей некогда напиться! А может, и вправду некогда. К ним, как ни зайди — все в каких-то неотложных делах — на месте ни минуты не посидят! Мать — в огороде возится, огурцы поливает, брат Славка — во дворе что-то стругает да молоточком постукивает, старшая сестра Наташка тоже вся в делах: то потолок подбеливает, то корову в сарай загоняет, то полы натирает. И сама Галька носится как угорелая, из зала в спальню, из спальни в коридор, там на плите в огромной кастрюльке варится для скотины что-то аппетитное, надо помешать, чтоб не пригорело, из коридора — в огород, выхватить с грядки пучок лука да петрушки, из огорода в чулан. В чулане уже для людей готовится еда.

Остальные, старшие братья и сёстры, в городе живут, работают. Бабушка когда-то Насте рассказывала, что отец их ещё молодым под поезд попал, что многодетную тётю Зину в селе все жалели: мал мала меньше на руках остались, а Настин крёстный даже хотел Танюшку, средненькую, на вос-

питание взять в свою семью, удочерить, но тётя Зина наотрез отказалась, сама, мол, всех вырастит. И вырастила — лоботрясов нет, это ей, Насте, бывает даже и неловко сидеть на лавке, ждать, когда Галька с делами покончит да поговорят они хотя бы. Иногда ждёт-ждёт, досидится, что аж захочется к бабушке возвратиться, порядок в избе навести. Хотя что его наводить? У бабушки и так всегда чистенько: кровать аккуратненько заправлена, подзорнички внизу узорчатые, собственноручно бабушкой обвязанные, занавесочки беленькие, накрахмаленные, иконы в красном углу, что над столом, с особой бережливостью обёрнуты расшитыми полотенцами.

Галька скрипнула дверью, вошла, уселась на лавку у стены, приготовилась ждать. Бабушка молча пошла в чулан за угощением. Она специально ведь к Настиному приезду пышек напекла.

Настя копалась в сумке, куда-то запропастилась её брошь, вроде и незначительная вещица, а для вечернего наряда необходимейшая.

— Ой, представляете, — голос у Гальки звонкий, радостный, — сегодня ведь опять цыганский петух на Витюшу Матрёнина напал! Не слышали?..

— Не слышали... Вот окаянный!.. Витюша, небось, орал?.. — возвратилась бабушка с пышками, поставила целую миску перед Галькой.

— Заорёшь! Он к нему прямо на шею запрыгнул и давай клевать!.. Витюша бежит, а петух наяривает!..

— Да он, дурачок, дайкось, его дразнил?.. — сказала бабушка и присела на сундук, напротив Гальки.

— А его, баб Тань, хоть дразни, хоть не дразни — он у них злючи-и-й! Я мимо их двора и сама ходить боюсь! Вот сейчас в окружную шла, мимо деда Матвея, — весело отвечала Галька, откусывая пышку, — опять Матрёне к цыганям ругаться идти.

А Настя подумала: раньше всегда за Витюшу Стёпка Журавлёв заступался, а теперь нет Журавлёва, год уж, считай, как в армии. Теперь Витюше то малейские мальчишки тумачков навешают, то свои ребятишки накостыляют, вот ещё и петух цыганский!.. Насте всегда жаль было соседского мальчугана, сиротой рос, без отца, без матери, с бабкой жил, но такой он отчаянный, что умудрялся везде в какую-нибудь историю ввязаться. Взрослые пацаны над ним подтрунивали, девчонки его сторонились, потому что грязный, взъерошенный ходил, штанины рваные, один конец рубахи всегда заправлен, другой навыпуск, да и за версту от этого сорван-

ца табачишем несло, где-то окурки собирал и в канавах за огородами раскуривал.

— Ну, ты ещё не готова? — посмотрела Галька на принявшуюся накручивать волосы Настю, и опять начала щебетать с бабушкой. — Вот люблю я твои пышки, баб Тань. И блинцы твои люблю. Давно собираюсь спросить, как ты их такими делаешь, что они у тебя как с бахрамушечками?.. У меня такими никогда не получаются...

Настя отключила из розетки плойку, положила на тумбочку остывать, начала аккуратно укладывать свои светленькие прядочки по плечам. Исподволь слушала.

— А ты их на кипячёном молоке замешиваешь?..

— Нет, — искренне удивилась Галька.

— Вот!.. А я на кипячёном...

Что-что, а блинцы у бабушки и впрямь особенные, кружевные, маслянистые...

— Ну, вот и всё, я готова! — Настя ловко зашнуровала летние ботиночки и выпрямилась.

Розовое шёлковое, расклешенное книзу платьице мягко облегло Настину талию, под горлышком, чуть левее, красовалась яркая брошечка — гранатового цвета переливающийся камушек размером с пяточок, поверх платья накинута ажурная кофта, мягкие колечки волос на плечах, чёлочка над бровями.

И Галька, и бабушка даже замерли, глядя на Настю, такую.

— Ох, баб Тань, и хороша у тебя внучка!.. На Валька твоего похожа...

— На Валька... А Валёк на меня!..

У Гальки все кругом Вальки, Марфутки, Маньки. Она и бабушку иногда Танюхой называет, да что там, мать свою родную — Зинкой!

До калитки бабушка шла следом, провожала.

— Ну, вы недолго! Не как в прошлый раз!..

В прошлый раз — это бабушка загнула! Да этот прошлый раз ещё прошлым летом был! И один раз всего! Исключительный — тогда Настя до петухов гуляла, а бабушка не спала, слышала, оказывается, как мотоцикл подъезжал, и с кем-то тут, под окнами, Настя сидела, расстаться не могла...

— Девки! — окликнула уходящих. — Вы уж по пути-то к Матрёне загляните, а то ведь дед Матвей ещё не возвращался...

Как Настя любит деревенские вечера! Нет, в городе совсем не то! Там и закат другой, и рассвет. Все краски другие, бледные. И пространства мало, кругом пятиэтажки с девятиэтаж-

ками, а за ними что увидишь? А здесь на небо взглянешь — не оторвёшься: широкое-широкое, как синий океан. И всё плывут, плывут по нему облака, как корабли, гудят, и светлые, и потемнее, а вдали, за селом, над полем, где солнце обычно закатывается, они словно на земле лежат, греются, нежатся в розово-лиловом покрывале...

И ветру здесь, на просторе, полное раздолье! Налетит, заиграет, зашумит зелёными кронами, каждой веточки крылышком коснётся, каждый листочек затеребит!

И все дома вокруг сплошь знакомые, каждый человек здесь как на ладони друг у друга! Вот взять, например, двор бабки Марфуши, что напротив стоит. Калитка распахнута, дверь в избу — настежь. Заходи, бери, что душе угодно. Хотя... что у неё взять? И взять-то нечего! Ничего более ценного, кроме самой Марфушки и её неутомимого языка, природа ещё не придумала! Зато язык — радио! Да что там радио — спутниковая связь! Раз, раз... Раз, раз... Баба Марфуша на связи: кто-то мимо дома прошёл. Кто? Свой ли? А, это Славка Ератиков! А куда среди бела дня и что это у него в руках белется? Неизвестно. Не видно из окошечка, скорее на крылечко. Солнышко в глаза — ладошкой прикрыть. Окликнуть, в конце концов, на всякий пожарный случай, чтоб потом всей ближайшей окрестности доложить, куда и зачем отправился Славка. А ещё лучше, если повезёт, и дальнюю окрестность прихватить, чтобы и в сельсовете и на Баршне знали! Бабе Марфуше за неутомимую бдительность давно пора медаль вешать, потому что не успокоится сама и другим покоя не даст, пока не узнает, куда Славка среди бела дня пошёл и кому свёрток понёс, и главное, что в этом злополучном свёртке. Нет, чужому здесь просто так не пройти!.. Потому как эта часть дороги лежит в ведомстве бабушки Марфуши, у неё, как убедились многие, и по ночам занавесочки на окнах не смыкают глазки!

Сколько ими увидено-пересмотрено, даже и о Насте! Ну, не грех ли, один раз Стёпка Журавлёв на чужом мотоцикле прокатил, а полсела в курсе! Насте не обидно, Стёпку она изо всех ребят давно выделила, особняком поставила. Все не такие, как он, и он не такой, как все. «Ненадёжный он... Красивые они все ненадёжные...» Ещё прошлым летом вразумляла бабушка, когда (не иначе как от Марфушки) узнала, что провожал он Настю. «Ба, не надо так о нём!..» А что могла ещё сказать Настя, когда при одном упоминании о нём руки немели?.. А бабушка, как назло, во время обеда и подсаживалась за стол, да как бы невзначай заводила свои нравоучительные беседы:

— Ты что, думаешь, одна ты эту красоту видишь?! Ты посмотрела — и в город уехала... Да и что с неё взять-то, с красоты журавлёвской? Нет, ненадёжный он...

В тот раз бабушка замолкла, лишь когда Настя ложку выронила, да одним махом выскочила из-за стола, убежала во двор. Долго она, наверное, за домом сидела, сорванную былинку-травинку терзала, что когда вернулась, бабушка уже этого разговора не начинала, а всё вздыхала о чём-то, да поглядывала на портрет дедушки на стене. Сама-то она вон какого красавца себе в мужа отхватила!..

— Вечер добренький, бабушка Марфуша! — бодрым голосом, так громко, что Настя вздрогнула, кричит в Марфушкин двор Галька.

— Привет, привет, коль не шутитя... — донеслось из сада.

Бабушку Марфушу за деревьями и не видно, слилась в полусумерках с ветвями, замерла в ожидании. Раз, раз... Вот и Галька с Настей... Судя по нарядам да лицам довольным — в клуб пошли...

— Баб Марфуш, а Ленка не обещалась приехать? — приостановили ход девчонки.

Ленка, внучка Марфушина, в деревне самая лучшая Настина подружка: обе городские, один, как говорится, менталитет, одни интересы и одно на двоих городом привитое безделье. Когда все деревенские девахи: Нинка Маруськина, Галька, Любаня сельская, одноклассница её, что дальше, в глубине села живёт, — в огороде картошку полют, — они лишь двое беззаботно прогуливаются, собирая цветочки в поле, или наслаждаются прохладой тенистых бабушкиных садов...

— Жду, Настя, жду! Пока один Сашок тут!

О, бабы Марфушин Сашок! Сколько Настя в детстве потерпелась от него! Лет до двенадцати он за ней как умалишённый бегал! Куда Настя — туда и он! Повадился даже ручки ей целовать, лишь чуть замешкается Настя, он раз — и поцелует либо кисть, либо у локотка где-нибудь. Все знали, посмеивались, сочувствовали его детской влюблённости. А Настя злилась. И вот Галькина сестра Наташка как-то раз, когда играли в догонялки, поймала Настю, скрутила ей руки за спиной, говорит: «Целуй, Сашка! Целуй в губы, пока держу!» Сашка аж опешил, но Наташка так требовательно кричала, что он всё-таки поцеловал, как Настя ни вырывалась, ни выкручивалась, как головой ни мотала — поцелуй Сашка заполучил. Хорошо, что не в губы — в щёку у него получилось. С тех пор Настя его за тысячу вёрст обходит, когда увидит, неловко и вспомнить ту отвратительную картину из детства. Уж лет пять прошло, а ощущение неприязни осталось.

И Наташку Ератикову с того раза Настя невзлюбила, предпочитает подальше от этой бешеной держаться. Мало того, что она старше и сильнее, у Насти в городе и старшие подружки есть, но спокойные, а эта как не в себе бывает. Не говоря уж, с какими картинками частушки поёт! Даже цыган Васька, играющий на гитаре и поющий не всегда пристойные песни, скромнее выглядит на её фоне.

А небо вдалеке всё темнее становится. Бабушка Марфуша долго смотрит им вслед, наверное, о Ленке задумалась, соскучилась...

Вот и Нинкин двор, дочери тёти Маруси, а значит, просто Нинки Маруськиной. Надо бы завернуть да спросить, не пойдёт ли она с ними. У Нинки всегда тихонько, спокойно, как, впрочем, во всех деревенских дворах. Отец у Нинки трактористом работает, поэтому витает здесь ядрёный мужской дух: папиросами, сажей, мазутом, бензином. Лишь слегка перебивает его вечерами запах коровы и парного молока. А сам двор любезен Насте уже и тем, что растёт у забора большая кучерявая черёмуха, в мае белым облаком благоухая, летом соблазняя девчонок зрелыми ягодками.

Но к Нинке даже и не пришлось заворачивать, она сама вышла на крыльцо, уже готовая к прогулке. Подбежала, улыбнулась Насте, так как ещё не виделась этим летом, и все трое пошли быстрым шагом, потому что надо было ещё заглянуть к бабе Матрёне, не у неё ли дед Матвей в гостях, да попутно захватить с собой Любаню, та, наверное, уже заждалась.

Прошли ещё по большаку, дворов пять до Матрёны. Но у её дома, кроме кота, сидящего на завалинке, никого и не было, здесь и забора не было, и деревца никакого, голая полянка, заросшая травой, подсохшей и пожелтевшей уже на открытом солнце. Сама Матрёна, может, в город уехала, живёт у неё там, в общежитии от профтехучилища, старший внук Ванька, которого тоже нет-нет, да проведать надо, деревенскими гостинцами кой-какими, садово-огородными, побаловать. А младшенький внучок Витюша где-нибудь шатается, собак дразнит да бычки раскуривает. На двери в избу замок висит.

Недолго постояли девчонки в раздумьях, где ещё поискать деда Матвея, да решили идти в клуб, а он им, к счастью, сам встретился у болотца, шёл себе потихоньку с палочкой-выручалочкой своей, с узелочком каким-то в руке.

— На Баршню, наверно, ходил, у него там то ли кум, то ли сват, — проинформировала Галька, вспомнив про дедову родню, а ему крикнула:

— Привет, дедушка Матвей! Добрый вечерок! Там подружка твоя Танюха волнуется, покоя никому не даёт — куда да куда ушёл дед на ночь, никак невесту себе нашёл!..

Дед остановился, опершись на свою ходулю, засмеялся беззвучно впалым ртом, глуховато ответил:

— Это хорошо... хорошо... когда волнуется... ревнуить!..

Закашлялся и пошёл дальше по тропинке, бурча что-то себе под нос. А у Насти от души отлегло. Сейчас мимо дома бабы Марфуши пройдёт, она непременно бабушке рассказывать побежит. Да уже сейчас, небось, сидят вместе на лавочке, перед сном свои неторопливые разговоры разговаривают...

Любания и вправду накинулась на девчонок, что долго ждать их пришлось. Любания высокая, крупная деваха, лицо в рябинках, язычок ядовитенький. Она Настю недолюбливает, ревнует к деревенским мальчишкам, а пуще всего к Журавлёву. Он, дескать, когда-то её, Любанию, провожал, а Настя дорогу перешла...

«И что в тебе, Настюха, красивого? Улыбка одна... Подумаешь...»

Пока дошли по рытвинкам да овражками, пока лужи обходили от прошедших в начале недели ливневых дождей, смерклось уже совсем. Стемнело быстро, что почти ничего не видно стало, кто тут сидит на бревне у костерка, который ещё путём не раскопегарили двое мальчишек в фуфайчонках. Трещат сучья в огне, пощёлкивают сухие веточки.

Настя огляделась, нет, никого и ничего не видно, лучше присесть с краю рядом с Нинкой да погреться, а то и прохладно стало в ажуре-то.

А Галька с Любаней уже в клуб умчались, там парни местные всегда в домино режутся, а то и в шахматы играют, или в карты. Там дым всегда коромыслом, что и дышать нечем. Зато оттуда несётся: «*За рекою в непокое Вишня расцвела...*»

Как пить дать Галька с Любаней колдуют над магнитофоном, потому что не колдовать над ним нельзя, он без пристрастия то захрипит, то кассеты зажуёт.

Настя пригляделась: те мальчишки, что в костёр ветки носили, свои, большацкие: как раз Сашок Марфушкин и Витюша, везде первый помощник, раз бабки нет, некому и домой загнать.

Сашок на Настю лишь мельком взглянул, с того злосчастного поцелуя он Настю побаиваться стал, тоже стороной обходит по милости Наташки. Хоть одна от её выходки польза! А может, и не узнал — она теперь совсем другая, взрослая девушка, а он так и остался курносый, уши в разные стороны.

И чтобы отвлечься от этих не очень-то приятных воспоминаний, Настя стала смотреть на костёр. Он уже разгорелся, лицу стало жарко, только вот при малейшем ветерке дымом тянуло. Но ветер вскоре затих, и Настя уже сидела, не отворачиваясь, глядя на алое пламя, и вскоре увидела в нем, в самой его сердцевине, словно танцующую девушку, похожую на цыганку. Цыганка эта то заламывала свои руки за голову, то тянулась ими вверх, то словно падала перед кем-то, то резко выпрямлялась и снова устремлялась ввысь. Её длинная огненная юбка металась за гибким телом, распущенные волосы развевались и рассыпались золотым водопадом. И каким же плавным, и каким стремительным был этот танец! Танец влюблённой и призывающей кого-то в свои обжигающие объятия.

И Настя долго любовалась этим своим видением, хотя ничего не находила схожего с её собственным настроением. Ни за что не смогла бы она так страстно станцевать перед кем-то, хотя бы даже если появился сейчас перед ней Стёпка Журавлёв. И она вспомнила, как прощалась тем летом с Журавлёвым, уезжая в город на школьную практику. Он просил её не ехать, сверкали в лунном свете его заслезившиеся глаза, словно знал, что неминуемо произойдёт с ними в разлуке, но она не могла остаться. Тогда она ещё думала, какой он сентиментальный, как лермонтовский поручик, навеки прощающийся с Верой, скачущий ей вослед, загнавший коня в бесполезной погоне за своей единственной и настоящей любовью. Но ведь она не замужняя Вера, и он — не «герой нашего времени». Что же тогда, почему он так болезненно с ней расставался?.. И она, вспоминая этот неразгаданный блеск его взгляда, так жаждала их новой встречи... И что же?.. А он в это время уже целовал другую... Но не может же быть, чтобы так же блестили его глаза... Нет, этого не может быть... Потому что это было бы слишком подло... А он не подлый, он хороший, он лучше всех, он добрее всех, вместе взятых здесь, в тысячу раз. А не пригласил её на проводы, потому что... как бы он посмотрел ей в глаза?.. Но она не будет больше беречь эту нестерпимую рану. Гори оно всё синим пламенем, пусть даже в этом костре! И хорошо, что его забрали в армию, потому что подойди он к ней и хоть разок взгляни на неё тем же взглядом, она точно не выдержала бы, и всё сразу бы ему простила!.. Но он даже и не захотел попросить прощения, не объяснил — почему?.. Не могли же Галька с Любаней придумать, что пока она была на практике, он ходил в соседнее село и встречался с малейской девчонкой. Но почему же её тоже не было у него на проводах?.. Почему?..

Нет, она не будет больше об этом думать!.. Сколько же можно?.. Это крадёт её силы, её покой, и она, в конце концов, может разрыдаться. Надо срочно отвлечься, срочно!..

Нет, это, конечно, хорошо, что Нинка такая тихоня, ни словом не обмолвилась с Настей, не прервала её воспоминаний, но нельзя же так долго молчать! На другом конце бревна сельские девчонки уже покатываются над кем-то со смеху, а они сидят как чужие и незваные на этом пиру жизни. И Настя легонько толкнула Нинку в бок:

— Кто это их так рассмешил?..

— Да над нашим Витюшей смеются. Сашка всем рассказывает, как тот с петухом сегодня сражался. У Витюши вся голова в ранах, а он, дурачок, со всеми заливается. Эх, Витюня!.. — И окликнула его строго: — Витька, а кому-то домой не пора?!

— Ды чё я там не видал! — бойко отозвался Витюша, засунул руки в штанины, подтянул их, спадающие с худого тельца, отвернулся и звонко цыкнул слюной сквозь зубы.

— Гляди, расхрабрился! Вот бабка Матрёна гвоздей-то тебе нажарит!

В это время что-то хрустнуло невдалеке, у крайней ветлы, которая над дорогой широко ветви раскинула. Словно кто-то веточку сломил. Все притихли, обернули головы, и из темноты шагнула решительно настроенная бабка Матрёна с хворостиной в руке.

Витюшу мигом как ветром сдуло, убегая, чуть ботинком в костёр не угодил, а бабка, упыхавшись, лишь молча трясла в его сторону хворостиной, мол, вот я тебе, негодник!

— Суший дьяволёныш, — чуть отдышавшись, выдыхала незлобливо, но обречённо, — как человека ведь просила: к Ваньке поеду, из дома ни ногой!.. Вот бестия, вот наказание-то моё на старости лет!..

Постояла, перевела дух, развернулась и пошла в темноту следом за Витюшей, сыном своей давно умершей дочери, Ванька тогда только в школу пошёл, а этот «почитай с пелёнок» ей достался. Никто у костра не сомневался, что Витюша уже на полпути к дому, лишь бы ключи не потерял!

«Завтра утром занесу ему конфеты!» — решила Настя и опять вспомнила про Стёпку: у того, словно специально для Витюши, всегда имелась горсть барбарисок. И мать свою Стёпка жалел, он даже рубашки стирал сам...

Все ещё посмеивались, погигикивали, когда из клуба вывалилась толпа и подошла к костру. Им там стало скучно. Среди них был и Славка Ератиков, и Толик Артюшин, и Андрейка Лизин. Андрейка давно учился в городе, был спорт-

сменом каким-то невозможным, умником, как ласково отзывается о нём бабушка, не иначе знавшая по деревенской спутниковой связи, что шибко нравится ему её внучка. Она вообще всех этих Лизиных хвалила, дескать, все у них в люди вышли, кто врач, кто «анжинер», а вот Андрейка велосипедист. Она даже как-то принималась гадать на картах, это когда Насте совсем грустно было, и говорила, что чёрненького здесь и рядом-то нет, вот червовенький есть, рядышком с бубновенькой Настей. И дорога поздняя у них есть, и разговор полюбовный, а вот от чернявенького ей одни слёзы да пустые хлопоты. Бабушка в доказательство даже показывала ей виновного валета, мол, не обманываю, так оно и есть. Под червовеньким она, конечно, подразумевала Андрея.

И вот сейчас Андрей стоит почти рядом, за костром, смотрит и смотрит, и взгляда не сводит с Насти. От яркого света кажется, что так же, как у Степана, блестят его глаза. Изредка поглядывает на него и Настя, думает, может быть, взять да и пойти сегодня с Андрейкой назло Журавлёву. И пусть Любана разрезвонит по селу, что она, Настя, уже не одна, что дружит теперь с Андреем. И кто-нибудь обязательно напишет об этом Стёпке! Пусть! И решила, если подойдёт к ней сегодня Андрейка и предложит прогуляться — она не откажется.

И подошёл, и предложил, и не отказалась. И вот идут они с Андрейкой по лунной дорожке, свет её разливается на всю округу, луна уже высоко, в самом зените. И крыши домов золотятся вдалеке, и по листьям стекает бледно-золотистый свет, шелестят, перешёптываются листочки на берёзах, это пришли они в берёзовую рощу, где в детстве любила гулять с девчонками Настя. Всё здесь казалось таинственным, каждый цветочек, как аленький, сказочный. Сначала Насте так интересно было, но вскоре от влажной травы промокли тряпочные ботиночки, замёрзли ноги, а следом и всю её познабливать стало.

Андрей уже рассказал о техникуме, о соревнованиях, о чём-то неважном поговорили и замолчали. И Насте вдруг так захотелось домой, сама не знает, почему. Но от Степана же ей никогда не хотелось уходить, словно с болью отрывались они друг от друга. И уж, конечно, с ним она никогда-никогда не мёрзла. Да он уже тысячу раз об этом бы спросил, и куртку свою давно бы с себя снял, на плечи её накинул.

И тут Андрейка словно понял её затянувшееся молчание: — Тебе не холодно?..

— Холодно, очень замёрзла, пошли уже...

И они повернули и пошли из рощи той же тропинкой. Это лучшее, что мог предложить Андрей. Он сам без куртки.

«Нет, нет, не замёрзла!» — когда-то лепетали её губы, отвечая на этот же вопрос Степану. А он всё равно прижимал её к груди, согревал...

Быть может, Андрей почувствовал, что Настя сейчас далеко от него, может быть, даже обиделся какой-то своей, одному ему известной и затаённой мужской обидой, но ничего не сказал, и у калитки одно единственное слово произнёс: «Пока!». «Пока!» — даже обрадовалась Настя, что не полез целоваться, что даже не спросил, встретятся ли они завтра...

Вот так и закончился ещё один летний Настин день в деревне. Хороший, в общем-то, и славный день в родном селе её отца. А в городе, по осени, когда закончилась практика в совхозе, и она приехала, чтобы приступить к учёбе в медицинском училище, получила от Нинки письмо, которое перечитывала и перечитывала бессчётное количество раз. Нинка писала, что по селу их упорно идут слухи, что Андрейка собирается на Насте жениться, и что Стёпка, узнав об этом, прислал другу своему Толику Артюшину письмо, в котором грозитя велосипедисту этому ноги переломать. Якобы, так и просил передать Андрейке. Ещё Нинка написала, что опять приезжал к ним в село тот цыганский табор, но надолго не останавливался, и что все цыгане, которые жили в брошенных домах, собрались и уехали, и Васька цыган уехал вместе с ними, а Наташка Ератикова осталась от него беременной и скоро уже родит...

СВЯТАЯ ТЕМА

РАССКАЗ

Однажды в одном посёлке избирали председателя общества охотников и рыболовов. Требование к кандидатам было одно: надо было соврать так, чтобы даже охотники не поверили.

Начал рассказывать первый кандидат.

— Иду это я, братцы, по лесу. Вдруг навстречу мне медведица. Я хватя за ружьё, а она встала на задние лапы и говорит мне человеческим голосом...

— Э-э-э! Не пойдёт! — прерывает его из задних рядов один охотник. — Подумаешь, удивил! Знаю я эту медведицу. Её Машка зовут. В прошлом сезоне она у меня неделю жила, от браконьеров пряталась. Весь огород потоптала. С женой моей песни горланили, аж завклуб прибежал слушать. А теперь как в лес пойду — в гости зовёт, мёдом угощает, с медвежатами познакомила. Скажите, мужики!

Мужики одобрительно загудели. Единогласно кандидатура была забаллотирована.

Вышел второй кандидат.

— Сидел я, братцы, с удочкой целый день — и хоть бы одна клюну-

ПРОЗА

ла. Уже смеркаться стало. Развёл я костерок, воду в котелке над огнём повесил... Батюшки-светы! И тут...

— Рыба как начала прыгать одна за другой, да прямо в котёл, прямо в котёл! — закончил за него мужчина, что сидел в третьем ряду, сбоку.

— Откуда ты знаешь? — изумился кандидат.

Вопрос был встречен громовым ржанием.

— Да ты что, брат! Ты спроси тут у любого — каждый скажет, что таких случаев у него было больше, чем спичек у тебя в коробке. А мне однажды щука вообще двух окуньков под мышками принесла. На, говорит, Гриша, хороший ты человек, мы решили тебе жертву принести. Да ещё кое-как доковыляла, сердешная. Старенькая уж, одышка у неё. Дай, говорю, донесу тебя до воды. Нет, говорит, милоч, я уж сама потихоньку. Так по песку и зашуршала.

Завалили, в общем, и этого кандидата.

Третьего, начавшего было рассказывать, как в Зелёной Пади зайцы переходили через речку по старенькому мосту, да так его расшатали, что ему пришлось подлезть и держать наподобие атланта, пока они все до одного не переправились, а они даже спасибо не сказали, — просто высмеяли и обвинили в том, что он, наверное, сам их чем-то обидел, потому что всегда — скажите, мужики, — не только спасибо говорят, но и капустой норовят угостить. Правда, она у них вялая всегда. Хорошую, гады, сами трескают.

В общем, беда. Третий час заседают, а достойной кандидатуры нет.

И тут выходит один мужичонка, сам из себя такой невзрачный, из новеньких. Мужикам почти что незнакомый. Выходит он, это, и опустив голову, в пол смотря, вроде как сам себе начинает говорить.

— Пошли с другом на охоту... Два дурака. Два дня собирались. Два дня! Тьфу! Надо же: ДВА ДНЯ!! А бутылку-то и забыли.

— Врёшь, плюгавый!

— Быть такого не может!

— Да он нас за дураков держит

Зашумела охотничья братия. А рассказчик, не обращая никакого внимания на возгласы, всё стоял, уставившись в пол, и качал головой, совершенно не давая понимания тому, как же это они с другом смогли так обмишуриться. Наконец, вскинул голову куда-то к потолку и потеплевшим голосом продолжал:

— Что бы и делали, если бы не жена.

В воцарившейся тишине тот, который рассказывал про медведицу Машку, таинственным шёпотом произнёс:

— Жена?

— Жена.

При этом слове рассказчик улыбнулся какой-то особенно тёплой улыбкой, и у его глаз залучились добрые морщинки.

— Жена... — повторил он с чувством. — Уж метров сто от дома отошли. Выбежала на крыльцо, да как зашумит: «Коля! Ко-о-оля!» Я уж подумал: пожар какой. Бросил всё на землю, бегу к ней. А она — мне навстречу и из-под фартучка-то достаёт...

— Коля. Что ж ты, родной, бутылку-то ведь забыли. Э-эх! — И мне её протягивает.

— Врёшь, — выдохнули одновременно все присутствующие. Они уже не кричали, а шипели зловещим шёпотом, как говорят с подлецами, предателями и прочими отбросами рода человеческого.

А он улыбался тепло и благодарно, как могут улыбаться только очень счастливые люди, не слыша ни зловещего шёпота, ни последовавшего за ним скрежета зубов, напоминавшего работу поселковой пилорамы, завезённой из Германии и смонтированной в 1909 году купцом Залихваткиным.

Наконец, словно вспомнив, где находится, он поднял голову, обвёл уважаемое собрание потеплевшим взглядом и, махнув рукой, сообщил.

— А всё равно она нам не пригодилась.

— Жена? — испуганно встрепенулись коллеги, не смея и в мысли впустить то, ЧТО собирался сказать кандидат.

— Нет, бутылка, — просто ответил он.

Эта простота была сродни деловитости гестаповского чиновника, выписывающего семье повешенного счёт за израсходованную верёвку, амортизацию виселицы и зарплату палача, включая имперский сбор и налог на добавленную стоимость.

В зале воцарилась напряжённая тишина, по которой кандидат в председатели общества безошибочно почувствовал, что теперь уже без толковых объяснений ему отсюда не выбраться. Во всяком случае, живым. Он старался сохранить тон спокойной деловитости, но это удавалось всё хуже.

— А инструмента не взяли. Открыть было нечем. Так, покрутили её в руках, покрутили — да и назад в рюкзак засунули.

Реакция зала напомнила рёв начинающегося камнепада, случившегося однажды на Военно-грузинской дороге. Треск отламываемых подлокотников нарастал, как звук камней,

катящихся по почти вертикальным склонам. Рассказчик понял, что не прими он экстренных мер — эта лавина сметёт и его, и клуб, и чёрт его знает, что ещё.

— Ну-ну! — успокаивающе поднял он обе руки. — Ну, пошутил. Пошутил. Открыли мы бутылку. Конечно же, открыли.

Услышав, едва ли не впервые за выступление этого чудика, то, что вполне укладывалось в их головы, закалённые частыми ночёвками у затухающих костров, они доброжелательно заулыбались, а некоторые, молодые и не очень предусмотрительные, даже попытались вновь приделаться к креслам отломанные подлокотники.

— Вы-ыпили! — прошёл по залу добродушный шумок, полный дружеского сочувствия и взаимопонимания.

Но рассказчик не зря носил гордое звание охотника, ходившего, как выяснилось позже, преимущественно на крупную дичь: медведей, кабанов, рысей и даже одного леопарда. Не теряя самообладания, он продолжил рассказ.

— Открыли, значит. Разлили...

— Вы-ы-ыпили! — рокотали голоса охотников, совсем было расслабившихся от рассказа, на их глазах принимающего самый приятный оборот.

Рассказчик продолжал неторопливо и со вкусом.

— Разлили, значит, сразу всю. По котелкам.

— Правильно! — зарокотали голоса охотников.

— А чего мелочиться!

— Вот это по-нашему, по-охотничьему!

— И по-мужицки!

— Молодцы, ребята!

А кандидат продолжал спокойно, обыденно и даже монотонно.

— Разлили, значит. Да...

Он помолчал, и все присутствующие истолковали паузу, которую он сделал именно в этом месте, по-своему правильно. До того правильно, что ещё в течение нескольких последующих минут не могли понять, насколько оказались неправы. Уже когда воображаемая водка текла у них по пищеводам, согревая и веселя, он неожиданной скороговоркой закончил свой рассказ.

— А тут дождь. Ка-ак лупанёт! Мгновенно котелки наполнил. Посидели мы, как дураки, посмотрели на то, как он нашу водку разбавил. И так противно стало! До того противно, что взяли мы всё это дело — да и на землю вылили.

— Врёёоошь! — заорали бедные разочарованные люди. Молодые и недалёковидные принялись снова отламывать

подлокотники от кресел, а из первых рядов уже неслась, засучая рукава, разъярённая толпа, страшная, словно стадо подраненных кабанов.

— Врёшь, падло! — орали они, взбираясь на сцену.

Встреча с ними не сулила рассказчику ничего хорошего.

— Стойте! — раздался вдруг зычный голос. — Остановитесь, мужики!

Толпа обернулась и увидела стоящего на сиденье кресла мужчину в козьем свитере.

— Вы что же, мужики, — густым басом сказал он. — Этот человек только что соврал нам так, что мы ему не поверили аж четыре раза. Четыре раза!

Он поднял над головой руку с вытянутыми четырьмя пальцами.

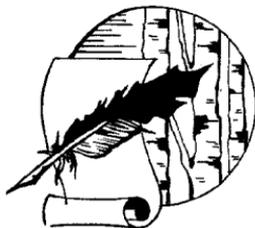
— Братцы, да на наших же глазах появился новый председатель общества охотников и рыболовов. Качать его!

— Качать его! — зашумела толпа. — Родимый ты наш!

И только мужчина, скрывавший от браконьеров медведицу Машку, не принимал участия в общих торжествах. Урюмо смотрел он на то, как новоиспечённый председатель, качаясь в волнах энтузиазма масс, обивает побелку с потолка и, укоризненно поводя головой, повторял:

— Ловкач. Ах, ловка-ач! Непорядочно это. Подтасовка фактов. Спекуляция. На святой теме спекулирует! Ни стыда ни совести у людей. Тьфу!

Но никто к нему не прислушивался. Всем было сладко до глубины души, сладко думать, что ледящий душу рассказ нового председателя в конце концов оказался просто выдумкой.

Юрий ВОРОТНИН

ОЖИДАНИЕ СВЕТА

* * *

Спотыкаюсь, стреножусь на каждой версте,
Вбита в землю по горло верста,
А тому, кто хоть раз повисел на кресте,
Даже дня не прожить без креста.

Не жалею себя и к другим — без щедрот
И смотрю до окалин в глазах,
Как качается гать от совиных болот
До совиной звезды в небесах.

Ни прощеньем твоим, ни слезой на ветру
Не унять мне тоски ломовой,
И с размаху вбиваю в пространство версту,
Чтоб не кончился путь столбовой.

* * *

Половодье ушло, побросало в отлогах рыбё,
Жить недолго рыбью, без воды плавники заржавеют.
То, что делает сильными, как-нибудь нас и убьёт,
То, что делает слабыми, как-нибудь нас пожалеет.

Пресыщенье судьбой поневоле затаянет в отлог,
Где обещан покой, где тоска попросила смиренья,
Где и сила, и слабость в последний вмещаются вздох,
Где нещадная боль зарастает травую забвенья.

* * *

Солнце восходит и Солнце садится,
Гуд над землёй, перегуд.
Вечной дорогою с ветром на лицах
Старый и малый идут.

Путь их небесной звездою венчаем,
Старого малый ведёт,
Кто-то встречает свечою и чаем,
Кто-то камня берёт.

Вслед посмотрю и себя угадаю
В малом и сразу в большом,
С каждым дыханием их совпадая,
Так же я дважды прошёл.

Радость трезвонная, слёзы — тишайши,
Боль оседает на дне.
Всё от меня они дальше и дальше,
Всё они ближе ко мне.

АРХАНГЕЛЬСК

Не сыщет Господь виноватых,
Когда, как иголку в стогу,
С холмов среднерусских покатых
Приметит Архангельск в снегу.

Погладит копчёные срубы,
Болота слезой оживит,
И спросит: «Начищены ль трубы,
В какие Архангел трубит?»

* * *

Так и было: живи — не хочю,
Пережёвывай горечь и сладость,
И спускалась звезда по лучу,
Чтоб роса по лучу поднималась.

И казалось мне — времени нет,
Нет бессмертия, смерти, забвенья,
Только солнце за солнцем вослед,
За рождением снова рожденье.

Лишь когда закрывал я глаза,
Видел, как, выпрямляя лекала,
По лучу нисходила роса,
А звезда по лучу возлетала.

* * *

На злобу и коварство,
На шило в рукаве
Есть правда государства
И сила в булаве.

Чтоб не вязала смута
Живых параличом,
Приходится кому-то
Работать палачом.

Я в заревах багряных
Всем ставлю по свече,
Ведь грех от окаянных
Всегда на палаче.

ЦЫГАНОЧКА

По утрам мы — зяблики,
Ближе к ночи — вороны,
Покатились яблоки
На четыре стороны.
На дороги дряблые
Жизнь легко потратится,
Яблоки от яблони
На тот свет укатятся.

Берега кисельные,
Реки окаянные,
Земли безземельные,
Печи деревянные,
Родина овражная,
Поле с перемётами.
Закопали заживо,
Откопали мёртвыми.

Жизнь казалась панночкой,
Обернулась ведьмою,
Выбивай «цыганочкой»
Дурь мою последнюю.
Не даруй мне жалости,
Не клади заплаточек,
Насуши мне к старости
Молодильных яблочек.

* * *

Николаю Васильеву

И вдруг языческие Боги
Пронизуют молнией века,
Сухой травой мне свяжут ноги
И полонят, как «языка».

Заговорю, но тьма глухая
На полуслове оборвёт,
И подо мной трава сухая
Семью цветами зацветёт.

* * *

Подолгу не видящий лета,
Живущий на самом краю,
Я лишь ожиданием света
Оправдывал долю свою.

И верил не в лёгкое слово,
Вгрызаясь в подзолистый лёд,
А в то, что земные оковы
Терпенье моё перетрёт.

* * *

Часы приближаются к северу,
Метель заметает межу,
Как раньше гуляли по клеверу,
По лютному снегу скольжу.

И всё же под ветреной заметью,
Под настом, толчённым в стекло,
Всем телом, всем сердцем, всей памятью
Подземное чую тепло.

* * *

Дует ветер с чужой стороны,
Выжигает родимые дали,
От рождения чувство вины
Растолковано мне на скрижалях.

Одарили, смеясь, ярлыком,
Расписали затылок ли, лоб ли,

И живу на земле дураком,
И впрягаюсь в любые оглобли.

Но попробуй меня валуном
Докатить до последнего края,
Опрокинутся реки вверх дном,
И земля отворится сырая.

Оправдания судьбе не ищу
И, межой затянувшись уездной,
Жизнь свою обращаю в пращу
И с возмездьем взлетаю над бездной.

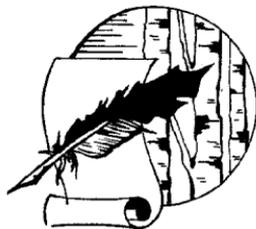
* * *

И время не выдаст, и место не съест,
И жизнь поплывёт, как по речке,
Но буквы выведут слово «уезд»
И звякнут замками в уздечке.

Кто смелый такой на таких холодах
Писать акварелями повесть,
Где светится яблоком спелым в садах
Словечко забытое «волость»?

И нам ли не знать, что в ручьях межевых
Рыбьём затаилась засада?
При слове «губерния» еле живых
Нас вытянет в струнку прохлада,

И ветер, играя с листвою, как с огнём,
Своих сосчитает по пальцам.
Услышим «империя», плечи сомкнём
И честь отдадим новобранцам.

Михаил ГУСАРОВ

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

БЕЛАЯ ГОРКА

Степь мерцает в лунном блеске,
и в бездонной вышине
только звёздные расплески,
только тишь...

И слышно мне:
в глубине речной, как прежде,
в золотую старину,
стерлядь вёрткая на стрежне
брюхом шаркает по дну.

За излучиной крутою,
возле Белой Горки,
Дон
мощно струйною водою
напирает на понтон.
Где-то кочет вскрикнул глухо,
луч зари плеснул волной...

Чистый день
Святого Духа
занимался надо мной.

Из распадков полумглистых
вынес влажный ветерок
шорох трав и трепет листьев,
птаха рассветный говорок.
Над росой туман лохматый
свился радужным кольцом.
Задышало утро мятой
вперемешку с чабрецом.

От блаженства замирая,
я поверил, что стою
где-нибудь в преддверье рая,
если только не в раю.
Радость сердца с миром слита,
и в сияющую высь
вдох и выдох — как молитва,
из груди моей лились.

Из-за гор от Богучара,
заполняя небосклон,
плыл легко и величаво
колокольный перезвон.
Плыл и таял в синей глади,
славя Высшего Творца,
и, казалось, благодати
этой нет и нет конца...

Вдруг — как будто смерч гремучий —
по теченью, в полный ход,
выполз бесом из-за кручи
пикниковый теплоход.
Под железно-барабанный
грохот — в сотни децибел
хищно голос чужестранный
из динамиков хрипел.

С хрипом этим слиться сияясь,
пьяной удалью горда,
вдрызг на палубе бесилась
развесёлая орда.
Топот, визги, хохот, вопли...
Чья деньга — того и власть.
Дорвалась братва до воли.
Чьею волей дорвалась?

Вдоль борта под грохот песни
глаз магнитят ярлыки —
Sony. Cola. Tampax. Pepsi —
как приманка,
как силки.

Кто расставил их кругами
и сплавляет налегке
вниз по Дону, вверх по Каме,
по Оби и по Оке?

И плывёт на зов химеры
загулявшая орда —
мимо храмов, мимо веры,
мимо неба...
Но куда?

От начала до итога
два пути известны мне.
Только два:
ведь жизнь — дорога
к Богу или к сатане.

НАШЕ ЦАРСТВО

Тянет стылým холодом...
Из склепа?
Индевет мокрая щека...
Родина, от слёз ли ты ослепла —
сданная в кубышку общака?
Золотом гружённые обозы
тянутся в карманы за бугор...
Потому и кровью пахнут слёзы.
Как ещё жива ты до сих пор?
Боль горька...
Но горечь — как лекарство.
Может, натерпелась ты не зря?
Видно, небо — это наше царство.
Не призвать ли в помощь нам царя?

МЫ

Не враг и не друг он,
не лёд и не пламень.
За пазухой держит и пряник, и камень.

То станет он в позу,
то выйдет из позы, —
с оглядкой,
с расчётом для собственной пользы.

А пользе мерило —
набитость кармана.
То правдой шельмует, то лжёт без обмана.

Глядеть на такого противно...
О Боже,
хоть в чём ни на есть,
а ведь мы с ним похожи.

Вся жизнь, что качели:
и нашим, и вашим, —
то тех распотешим, то этих уважим.

Снаружи — не волки,
нутром — не овечки.
А Господу ль ставим во храме-то свечки?

Любить не умея,
прощать не желаем.
Полны наши души шипеньем и лаем.

А душ в назиданье
ремнём не отлупишь.
Ну, как ты нас, Боже, и этаких любишь?!

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

По городу, как по музею
грядущей гибели, бреду.
На жизнь миражную глазею
и умираю на ходу.
Как пёстрый бред, окутал небо
рекламный дым: «купи-продай...»
...Грызёт мальчонка корку хлеба.
Взгляд — сирота...
В душе — раздрай...

Ни звёздочки... Ни окоёма...
Жизнь приютилась на постой:
ей радость словно не знакома.
Мир обрастает суетой.
Он деньги делает.. И, хищно
заглатывая жизнь саму,
он золотые пепелища
готовит мальчику тому.

Нет на него управы, что ли?!
Быть может, впрямь — всесилен он?..
Но, добавляя сердцу боли,
колокола взметнули стон.

И свет возник над пёстрой зыбью.
Прости нас, Господи, прости...
Девятый вал молитвы вздыблю,
чтоб Русь
для мальчика спасти.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ИДЕОЛОГИИ ОТЕЧЕСТВА?

Человек не только обучаемое существо, но ещё и весьма внушаемое. Потенциальная внушаемость человека спровоцировала политические силы на использование метода манипуляции сознанием с целью скрытого контролирования поведения. Манипуляция основывается на свойстве сознания, которое, как полагают исследователи, часто произвольно воспринимает информацию односторонне, основываясь на внутренних шаблонах, принимая иллюзию или внешнюю форму за сущность того или иного явления. В свою очередь, внутренние шаблоны (установки), как показывает опыт, вполне можно формировать подменами понятий и политическими мифами, изложением не фактов, а мнений о них, иначе говоря, искусно подаваемой ложью. В лексикон соотечественника прочно вошли выражения: «манипуляция сознанием», «зомбирование», «информационная война», «идеологическая война». Кто ведет эти войны? Какие идеологии находятся в противостоянии? Это важнейшие вопросы нашего времени.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В массовом сознании сложилось недоверие к ключевым ценностям свободы, равенства и гражданского права. Какова суть этого сомнения, уместна ли аналогия с тем, что уже было в прошлом? Зачем идеология либерализма разрушает многовековую систему традиционных ценностей? Почему в России, Украине и Белоруссии, согласно их конституциям, нет идеологий? Нужна ли государству идеология как таковая? Если нужна, то какая именно? Как вернуть человеку традиционное представление о нравственности и духовности? Автор статьи пытается найти ответы на эти вопросы.

Что такое идеология и зачем она вообще нужна?

Как известно, идеология — это система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических, философских взглядов и идей, в которых осознается и оценивается отношение людей к социальной действительности и формулируется цель развития общества. Идеологии всегда выражают интересы тех или иных социальных классов (слоёв, групп) и санкционируют тип правления.

В конституциях России, Белоруссии и Украины прописано отсутствие идеологии. Это отсутствие не случайно, американские советники знали, что делают. Пустоту всегда заполняет рынок. Рынок — это деньги; кому принадлежат деньги, тот и реальный хозяин. Мировые деньги печатаются и принадлежат международной финансовой олигархии, которая и будет оставаться верховным блюстителем нравов любой страны без идеологии. Так будет оставаться до тех пор, пока в России, Белоруссии и Украине не появится достойная, возвышающая человека идеология, которая давала бы смысл существованию, показывала бы стройную картину окружающей действительности, ставила бы цели. Историческая практика подтвердила вывод российского политика П.А. Столыпина о том, что народы, забывая о своих национальных задачах, гибнут, превращаются в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы.

За все годы «незалежності» в Украине не появилось образовательной, медицинской, информационной или инвестиционной доктрин. Этих доктрин развития нет и быть не может без принятого идеологического курса, определяющего смысл и конечную цель развития общества. Украина, как бы это ни звучало парадоксально, приобрела черты неофеодального общества: произошло расслоение его на низшие и высшие сословия с жесткой зависимостью низших от высших; олигархические кланы как высшее сословие срослись с влас-

тью и по наследству передают не только бизнес, но и саму власть; все государственные ресурсы разделены между кланами, а исполнительная, законодательная и судебная ветви власти полностью подконтрольны этим кланам и т.п. Гражданская война на Украине, последовавшая за майданным переворотом, лишь подчеркнула феодальные черты общества: каждый олигарх теперь имеет ещё и свою наёмную армию. В отличие от средневекового феодализма нынешние украинские неофеодалы напрочь лишены чувства патриотизма, рассматривают свою страну только «как дойную корову», имеют нелегитимное в глазах общества состояние и положение, поэтому свои капиталы предусмотрительно вывели за рубеж. Кроме того, доморощенные неофеодалы не самостоятельны в своих решениях, они зависят от Европы с её офшорными зонами, банковскими счетами и кредитами. Зависимость настолько велика, что можно утверждать, что украинские олигархи-неофеодалы являются безропотными вассалами империи англосаксов (ИА), и когда они пытаются вести свою политическую игру, их быстро ставят на место. Какую идеологию могут исповедовать такие олигархи-феодалы?! Только такую, которая нужна ИА. Именно поэтому Украина имеет странный идеологический вектор в форме патологической русофобии как усечённой мутации нацизма. ИА нужна Украине только для борьбы со своим вековечным врагом — Россией. Именно с этим идеологическим вектором Украина деградировала демографически, культурно, экономически, нравственно и заканчивает свою историю в горниле гражданской войны. Вместо того, чтобы изменить в начале 90-х государственную идеологию и тем самым укрепить государство, украинцы уничтожили государственную идеологию и тем самым уничтожили своё государство, а на его пепелище позволили англосаксонским захватчикам построить вассальскую республику с идеологией внешнего управления. К сожалению, наблюдается планомерное угасание жизни Украины из-за отсутствия достойной национальной цели, возвышающего идеала развития. Складывается впечатление, что народ Украины планомерно подошёл к пределу падения морали, за которым вполне закономерно пришли гражданская война и разрушение. Хаос медленно, но уверенно поглощает страну, не оставляя надежды на возрождение.

Ради чего мы живём? Вот главный вопрос, который требует безотлагательного ответа. Ментальная потребность жить «не хлебом единым» отличает восточных славян от современного западного общества. Жить ради выживания, повинаясь животным инстинктам «воли к жизни» и «воли к власти», или нация может иметь иную, возвышенную цель своего суще-

ствования? Если цель, то какая? Кто гражданина научит, где зло, а где добро? На основе каких критериев? Что нравственно, что безнравственно? Чьей политической и исторической интерпретации верить? Какую правду доносить учащимся школ и студентам? Нужна ли политическая и нравственная цензура? Или принадлежащие олигархам СМИ могут и дальше идеализировать Запад, уничтожать Отчизну, безнаказанно пропагандировать низменное и аморальное? Без добротной, конструктивной идеологии эти вопросы не решаются.

Для возрождения Отечества идеология должна предложить модель развития человека, социума и общественных отношений, гармоничную традиционным ценностям подавляющего большинства человечества в противовес антисоциальной неолиберальной доктрине и постмодернистским антиценностям, нацеленным на распад личности, института семьи, на депопуляцию, на диктат гендерных меньшинств и социокультурную деградацию.

Идеология в государстве должна быть социально, интеллектуально и нравственно организующей системой.

Связь идеологии и религии

Становление и развитие любой культуры есть, в известном смысле, воплощение той или иной религиозно-нравственной идеи. Культура и культ не случайно однокоренные слова, ибо всякая культура рождена тем или иным культом (иначе говоря, определённой системой верований). Без понимания религиозных идейных истоков история и культура исламских стран и Европы, становление США будут просто непонятны.

Любая из известных идеологий также основывается на той или иной религиозно-нравственной идее. Марксизм требует от своих адептов веры в победу коммунизма (общество социальной справедливости), веры в материализм, в частности, в происхождение человека от обезьяны вопреки, кстати сказать, научным исследованиям ДНК. Нацизм основывается на гордынной вере в исключительность и биологическое превосходство своей нации вопреки научным данным по исследованию геномов, свидетельствующим о близком родстве европейских народов. Либерализм, по сути, отражает основные каноны сатанинской церкви. Идеологии современных арабских террористов базируются на радикальных исламских верованиях и т.п.

За светскими политическими лозунгами, используемыми для электората, зачастую стоят серьёзные религиозные концепции. За примитивной идеей украинских националистов

(усечённый нацизм, по сути — русофобия) стоит объединённая общим замыслом группа достаточно влиятельных религиозных сект: униатская, раскольники УПЦ КП, неопротестантские секты (адвентисты 7-го дня, пятидесятники, евангельские христиане, баптисты и свидетели Иеговы), сайентологи и иудейская секта Хабад. Нынешние лидеры Украины по «случайному» стечению обстоятельств являются адептами той или иной вышеназванной секты. Либеральная демократия США, формально исповедующая внерелигиозные или даже надрелигиозные всечеловеческие ценности «свободы, равенства и братства», веротерпимости и прав человека, как известно, сформировалась и руководится тайной религиозной сектой масонов (точнее, франкмасонов), имеющих свой богоборческий культ поклонения, хорошо известный религиозному миру. Масонская секта объединяет и направляет прочие упомянутые выше секты в единое русло религиозной борьбы с православием и его основным носителем — русской нацией.

Известный своими антинацистскими публикациями раввин Э.Ходос считает, что на Украине воссоздаётся хазарский каганат иудейской сектой Хабад, лидерами которой являются такие видные политики как И.Коломойский, В.Пинчук, В.Рабинович. Его аргументация такова: практически вся верхушка новой киевской власти, включая президента, спикера Верховной рады и премьер-министра, — евреи, так или иначе связанные с сектой Хабад. Верховная рада, большинство депутатов которой евреи, по сути превратилась в собрание еврейской элиты, контролирующей около 80% активов Украины. Даже лидеры украинских нацистов — Д.Ярош («Правый сектор») и О.Тягнибок («Свобода»), спонсируемые всё тем же И.Коломойским, имеют еврейские корни. Еврейское участие в украинском националистическом движении (кстати сказать, всегда призывавшим: «бей жидів та москалів», то есть, в первую очередь, именно «жидів») привела к появлению парадоксального термина «жидобандеровцы». Но Хабад — это нацистская иудейская секта, ставящая помимо властных и религиозные цели (в том числе последовательное искоренение православия). Поэтому, считает Э.Ходос, гражданская война 2014—2015 гг. — это тщательно замаскированная под антитеррористическую операцию религиозная война. Нечто похожее, согласно его мнению, уже было в России, когда евреи-марксисты, учинив октябрьский переворот, залили страну кровью гражданской войны; физическое уничтожение носителей православия велось тогда совершенно открыто и массово, причём репрессии на синагоги не распространялись.

Любая идеология есть политическая адаптация той или иной религиозно-нравственной идеи; любая идеология, так же, как принято и в религиях, требует веры в свои каноны.

Идеологические сомнения

Лев Троцкий писал своему брату в США, что если бы «белые» провозгласили понятный народу лозунг «За веру, царя и Отечество», то «красные» смогли бы продержаться в 1918 г. не более нескольких месяцев. Злой гений Троцкого прояснил суть проблемы белого движения, что составляет и суть проблемы современного Русского движения. «Красная армия» нанесла сокрушительное поражение Белой гвардии прежде всего по идеологической причине. «Красные» были едины не только в управлении, но они были ещё вооружены едиными марксистскими идеологическими установками, обещавшими народу социальное равенство и власть. У «белых», отказавшихся от царя и империи, не было не только единого управления, но и не было главного — единой идеологии как таковой, и солдатам этой Белой гвардии было просто непонятно, за что они воюют (за атамана, за временное правительство, за монархию, за анархию, за демократию, за свободу от своего же народа, принявшего сторону «красных»?). Каждый полководец, противостоящий «красным», имел свои идеологические установки, по-своему видел будущее страны и, конечно же, себя на вершине новой власти.

Идеология современного русского движения также неоднородна. Какова конечная цель государственного строительства: либерально-демократическая Россия, социалистическая Россия, националистическая Россия, или всё-таки православная Российская империя? Непонятно. И пока не будет прояснения, ни о каком победном движении не может быть и речи. Современное русское движение пока повторяет ошибки «белого» движения.

Аналогичные проблемы и в Новороссии. С одной стороны, присоединение Крыма к России, поддержка Кремлём Новороссии не только подняли на высочайший уровень русский патриотизм, но и создали на Донбассе героев — русских воинов, вокруг которых начали формироваться боеспособные части людей, не жалевших своей жизни ради Русского мира. Нелыханный подъем патриотизма, начало формирования русской идеи и, что самое главное, герои войны, способные повести за собой русский народ, сильно изменили отношение врагов России к дальнейшему ходу событий. С другой стороны, в Новороссии есть свои герои и патриоты, есть идея сопротивления

украинскому нацизму во имя спасения Русского мира. Идея построения страны без олигархов с элементами социализма тоже есть, но конечной цели борьбы нет. Новороссия не в состоянии быть автономным государством и не собиралась им быть. Россия же не спешит не только с её присоединением, но даже с признанием как государства. Судьба Новороссии не ясна. Централизация полевых командиров недостаточна. Духовная энергия жителей Донбасса не пробуждена высшей целью, едиными идеологическими установками. И здесь напрашивается печальное сходство с Белой гвардией.

Находясь в плену «идолов сознания», патриотически настроенная интеллигенция восточных славян в своём большинстве (за малым исключением коммунистов и монархистов) либо отрицает необходимость иметь свою идеологию, изрядно утомившись советской, либо считает, что в России единственной идеологической установкой должна быть любовь к Родине (патриотизм), и этого достаточно, поскольку нельзя найти для патриотов разных партийных и мировоззренческих предпочтений (например, для коммунистов и монархистов) некую общую идеологическую концепцию. Поэтому её и не надо искать, тем более воссоздавать из прошлого.

Империя англосаксов имеет иную точку зрения, поэтому целенаправленно разрабатывает либерально-демократическую идеологию, содержит великое множество социальных институтов (открытых: университеты, НКО, СМИ и закрытых: масонские тайные общества и клубы, религиозные секты и т.п.). Щедрое финансирование этой идеологии, всесторонняя поддержка СМИ предопределили её абсолютное доминирование на Западе и распространение по всему миру. Вторая сверхдержава — Китай — тоже имеет идеологию — марксизм, плавно перетекающий в традиционное конфуцианство. Нет только идеологии у восточных славян. Получается, что Запад как главный политический оппонент Русского мира, имеет свою идеологию, тратя огромные ресурсы на поддержание идеологического курса, а восточным славянам ничего, кроме патриотизма, и не надо.

Явная логическая ошибка кроется, во-первых, в том, что российские либеральные демократы (проводники идеологии и агенты влияния ИА) часто тоже позиционируют себя патриотами, что напрочь сбивает с толку гражданина с обыденным сознанием. Более того, патриотами себя считали как «белые», так и «красные» времён Гражданской войны, унёсшей жизни больше, чем Первая мировая и чуть было не уничтожившей собственное государство. Патриотизм необходим, но, очевидно, недостаточен для полноценной идеологии. А, во-вторых, в информационной войне, если Русский мир не согласен на

поражение, то должен иметь идеологический паритет, такой же, как, например, в ядерном вооружении. Без идеологии, без пропаганды своих ценностей, без нравственной точки отсчёта никакое политическое событие, явление общественной или культурной жизни не могут получить однозначную нравственную оценку. Нельзя забывать, что Советский Союз развалился из-за проигрыша в идеологической войне, из-за краха системы советских ценностей. Следовательно, отказ от внятной идеологии является не свидетельством политической дальновидности, а прямо наоборот. Идеология — это интеллектуально и нравственно организующая общество система. В любой войне более организованный всегда побеждает менее организованный — это аксиома. Система, пусть даже не идеальная, всегда побеждает бессистемность.

Патриотически настроенная интеллигенция полагает, что все доселе известные идеологии не выполнили свои исторические задачи, так или иначе себя дискредитировали, потому ни к какой из них не может быть возврата. Нужна новая, объединительная для всех идеология, формирующая некую новую общность постсоветских народов Русского мира. Для этого необходимо воссоздать соответствующие гуманитарные институты, профинансировать их (например, как в своё время масоны проплатили труд К.Маркса) и ждать рождения идеологии, которую с восторгом примет каждый слой населения, независимо от социальной, конфессиональной или национальной принадлежности. Однако таких объединительных «для всех» идеологий никогда не было и не будет, это просто утопическая мечта. Речь может идти об идеологии сильного, сцементированного общей целью большинства, как это обстоит в империях. Большинство являет собой культурное, военное и промышленное ядро, притягивающее на свою орбиту остальные слои. Идеология большинства имеет ограничение: она не должна ущемлять права религиозных и национальных меньшинств. С другой стороны, имперская идеология предполагает интересы империи высшими и жёстко расправляется с любыми дестабилизирующими империю факторами, особенно с агентами конкурирующими империй, революциями, этническими и конфессиональными противостояниями и т.п. Такой подход представляется вполне реальным. Жизнеспособность его подтверждена долгожительством имперских образований.

Очищение сознания от политических мифов и подмены понятий

Мы живём в информационном обществе, в котором СМИ внушили людям множество ложных понятий и мифов. Например, Германия времён III рейха была вовсе не фашистс-

кой (термин возник как название конкретного типа режима Б.Муссолини), а нацистской, но понятие «фашизм» с лёгкой руки И.Сталина настолько укоренилось в сознании как синоним германского национал-социализма, что даже и не просматривается возможности правильного его толкования. Кажется бы, мелочь, но она сбивает с толку при характеристике действительно фашистских режимов Б.Муссолини, Ф.Франко и А.Пиночета, которые отнюдь не были нацистами. А есть понятия, неправильная трактовка которых влияет на общество более чем серьёзно.

Большинство людей могут настолько находиться в плену подмены понятий, что впору использовать термин «зомбирование», что и делают всё чаще аналитики. Характерный пример — понятие «терроризм» на Украине. Если под ним понимать неповиновение киевскому русофобскому режиму, пришедшему к власти после государственного переворота, то тогда действительно ополченцы и бóльшая часть населения Донбасса являются так называемыми «террористами». Если же под термином «терроризм» понимать практику противоправных действий, связанную с устрашением населения, с решением гражданских вопросов военным насилием, революционным майданом, уничтожением мирного населения и инфраструктуры населённых пунктов, арестами и пытками инакомыслящих, блокадами городов и т.д., одним словом, использованием методов «террора», то тогда прямо с точностью до наоборот террористами являются сами киевские власти. В свою очередь, правильное толкование термина влечёт за собой понимание моральности тех или иных действий, поскольку мораль европейской культуры автоматически на уровне подсознания предполагает, что терроризм — это плохо, это всегда то, с чем необходимо бороться. Так подмена понятия «терроризм» киевскими властями привела к мифу о террористах Донбасса, репортажи о борьбе с которыми не умолкают в СМИ США, Европы и Украины.

Согласно Н.Шестову миф является устойчивым феноменом массового сознания и политической культуры самых разных обществ в самые разные времена. Речь идёт о способности людей думать и судить о политике, как и о многих других вещах, стереотипно, по шаблону согласно социокультурной традиции. Современный же «миф» — всего лишь один из продуктов политтехнологического творчества, он является продуктом медийного пространства.

Поэтому необходимо определяться с правильным толкованием понятий и представлений, распознавать политические мифы, ибо без этого невозможен сколько-нибудь объек-

тивный анализ. Без анализа невозможно сконструировать мировоззренческий базис. А без базиса невозможно найти осмысленный ответ на витальные вызовы, отделить добро от зла. Действительно, изначально ложный информационный посыл, выдаваемый за правду, будет всегда влечь за собой и ложные выводы. В этой ситуации люди реагируют не на реальность, а на её информационное искажение. Пришло время называть все вещи своими именами.

Миф веры и знания

Очень распространено заблуждение о том, что религия, вера — это удел слабых, удел ретроградов и малограмотных бабушек. А умный, образованный, сильный и успешный, полагаясь на обширные научные данные, не нуждается ни в какой вере в сверхъестественные силы. Но на самом деле, наше мировоззрение, затрагивающее базис и онтологию бытия, всегда соткано из верований. Верования бывают идеалистические, например, в единого вездесущего и всесильного Бога (как у иудеев, христиан и мусульман), или мифологическими (как у древних греков), а могут быть материалистическими, как у марксистов (мир сам себя создал загадочным процессом эволюции, а труд в процессе этой самой эволюции из обезьяны сделал человека). Верования могут быть научными (планетарная модель атома, теория первовзрыва, теория струн и т.п.), а могут быть смешанными. Однако за последние столетия «научная картина мира» менялась много раз как очередная недостоверная теория и по сей день остаётся самой большой загадкой для учёного мира. Научной загадкой остаётся происхождение человека и, вообще, органической жизни. В любом случае: верим ли мы в Бога или в научную теорию, в природу или лидеру тоталитарной секты, в коммунизм, в свою национальную исключительность или в инопланетян, суть остаётся единой — это вера. И именно от того, во что мы верим, зависит наше мировоззрение и поведение, отношение к миру, наше бытие и перспективы бытия. Вера отражает ментальную сущность человека.

Древние философы утверждали, что человек есть то, о чём он думает. Такое определение человека логически объясняет факт того, что в мире идёт непрестанная борьба идей. Но идей, мыслителей, философских течений так много, что жизни человека может не хватить для того, чтобы ознакомиться и разобраться в этом идейном разнообразии. Очень непростая задача и мало кому посильная. Очень легко можно сбить человека с толку в условиях постоян-

ных сомнений. Этим, собственно говоря, вполне успешно занимается современный постмодернизм.

С другой стороны, мысли и думы человека зависят от его верований в то, что есть «правильно», в «добро и зло», веры в картинки желаемых образов, в идеалы, а любые наши знания, включая научные, остаются фрагментарными и всегда неполными. И если это так, то определение сущности человека может быть более точным: человек соткан из его верований. В свою очередь, религии выступают как структурно организованные, упорядоченные системы верований, обуславливающие религиозные противостояния. Из такого понимания человека и религии будет следовать несколько иной вывод: в мире идёт нескончаемая религиозная война. И поэтому важно понять: каких религий это война и на чьей каждый из нас стороне?

Суть и мифы современного мирового порядка

Новый мировой порядок, так называемая «либеральная демократия» — это режим правления, установленный в ИА и на подконтрольных ей территориях. Либеральная демократия в настоящее время является самым мощным геополитическим проектом из всех известных человечеству. Проекты переустройства мира Александра Македонского, Чингисхана или Наполеона в сравнении с ним выглядят куда скромнее.

Суть этого проекта составляет мировая власть международных олигархов (МО). Состав МО:

Политико-религиозная олигархия. Возглавляется масонскими иерархами, управляет партийным строительством и одновременно оппозиционными движениями во всех подконтрольных государствах, выполняет функцию «отдела кадров» для политиков и чиновников высшего звена, контролирует практически все современные религиозные секты и протестантские церкви, СМИ, некоммерческие, общественные и международные организации, частные военные компании; имеют значительное влияние на Ватикан и иудейские общины; идеология носит скрытый религиозный характер, ориентирована на поклонение антихристу, своими корнями уходит к секте фарисеев, каббале, орденам тамплиеров и иллюминатов, что частично объясняет востребованность термина «современные фарисеи».

Финансовая олигархия. Возглавляется родовыми кланами владельцев ФРС США; контролирует МВФ, МБРР, ЕБ, ЕБРР, центробанки, нацбанки и крупные частные банки, промышленные гиганты, трансатлантические корпорации,

биржи и т.п.; идеология носит скрытый религиозный характер, ориентирована на поклонение «золотому тельцу», своими корнями уходит к Карфагену, что объясняет использование термина «новый Карфаген».

МО — это высокоинтеллектуальная группа хищников, которая мыслила и мыслит в масштабах всего мира и на столетия вперёд. Разделение МО на две группы условно, поскольку для них характерны родственные связи, совмещение «должностей» и постоянное перетекание «кадров». Действия МО обусловлены задачей править миром, чтобы жить за счёт труда и средств народов планеты.

Видимым фундаментом современного мирового либерального порядка являются финансы как смысл и цель общественного развития. Деньги выступают и как главный инструмент политической активности, и как двигатель масштабных преступлений в любой стране. Современная западная цивилизация считается только с прибылями и убытками своих олигархов, но никак не с чужими культурами, народами и их интересами или чужой государственностью. Эта цивилизация, включая открытые и тайные политические структуры, управляется деньгами не только во имя власти и денег, но ставит и метафизические цели. Все известные на Западе политические структуры, все три «независимые» ветви власти (исполнительная, законодательная, судебная) и «независимые» СМИ на самом деле очень даже зависимы и управляются МО по единому стратегическому плану. В единстве стратегии заключена колоссальная мощь нового мирового порядка. Единый источник управления на вершине пирамиды власти над миром позволяет обеспечивать, когда и где нужно, политическую стабильность, а когда и где нужно, дестабилизировать обстановку (например, путём цветной революции или вооружённой оппозиции неуголному режиму). Чаше и проще всего политические процессы управляются банками через кредиты, денежную эмиссию и другими финансовыми инструментами. Особенно в этом деле преуспел МВФ, навязывая политические условия государствам при выдаче займов. Полностью зависимые от Запада банки России, Белоруссии и Украины вынуждены вести такую кредитную политику, при которой бизнес может кредитоваться на условиях многократно худших, чем на Западе. Но бизнесу нужны оборотные деньги, как кровь живому организму, и, не имея доступных кредитов, не стоит удивляться низким темпам постсоветского развития. Россия, Белоруссия и Украина должны оставаться недоразвитыми по плану мировой олигархии, поскольку сохраняется угроза имперского воссоединения восточных славян.

А если финансовые инструменты управления государствами не срабатывают (как, например, в Сирии или Украине), то в работу включаются протестные движения и террористы-наёмники (которых Запад благочестиво называет «революцией», «майданом», «вооруженной оппозицией», «повстанцами», «свободной армией»). Если и организованные внутренние беспорядки не помогают, то работу в деле утверждения мирового господства МО довершают открытым военным насилием (Югославия, Ирак, Ливия), и даже мировыми войнами.

В известном смысле, МО и её структуру управления можно вполне классифицировать как клановое надгосударство в ИА с их вассалами (Западной Европой, Израилем, Японией, Канадой, Австралией, Саудовской Аравией, Катаром и проч.). Структуры МО имеют полный контроль над США и Великобританией (и их вассалами), что позволяет заявить, что они полностью поглотили последних и поэтому включают в себя эти государства. В истории близкий пример кланового надгосударства был в хазарском каганате, когда меньшинство иудеев имело полную власть над большинством хазар-степняков. Идея либеральной демократии является лицемерным прикрытием власти МО для «профанов» (т.е. «не посвященных» на языке масонов). Прикрытие необходимо потому, что МО однажды укрепились в представлении, что рабы лучше работают, когда думают, что они свободны. Опыт показал эффективность такого прикрытия. Когда люди осознают своё рабство, то идея свободы начинает доминировать и изрядно тревожит рабовладельцев. Люди на Западе пребывают в полной иллюзии своей свободы, участвуя в выборах, но не понимая того, что выбирают они всегда из тех, кто взращён и является марионеткой МО.

Говоря о реальной свободе личности, необходимо отметить, что в империи англосаксов фактически нет свободы в самом главном для человека — возможности развиваться в нравственной атмосфере. МО понимает, что, даже захватив политическую и экономическую власть над миром, добившись экономического и политического лидерства, они не смогут стать полновластными лидерами, если не завоюют власть духовную. Только упразднив традиционные религии, они смогут на руинах человеческой духовности создать универсальную религию для всего мира, чтобы человечество не только приняло масонского иерарха как правителя мира (т.е. на языке христианства — антихриста), но и страстно захотело его прихода как «спасителя» от того хаоса, который ИА и масоны же устроили в экономике и государственности многих стран.

МО и её структуры в настоящее время — самое могущественное образование. Пользуясь своей силой и безнаказанностью, эти структуры активно наступают, захватывают или ставят под контроль всё новые и новые территории, через подконтрольные государства ведут агрессивные войны, окружают Россию военными базами. ИА ориентирована на уничтожение всех конкурирующих империй, но при этом сохраняет и усиливает свою. Претензия на мировое господство не осуществима без полного покорения России и Китая, а, значит, миру не избежать дипломатических, экономических, идеологических, политических и военных столкновений.

Новый мировой порядок — это скрытая диктатура международной олигархии, объединённая религиозными культами антихриста и золотого тельца.

Необходимо разоблачать МО и ИА как агрессоров, провоцирующих конфликты и войны с целью удержания глобального господства.

Миф свободного рынка

Мировая резервная валюта — доллар Федеральной Резервной Системы (ФРС) США не обеспечен ни золотом, ни товарами, ни ресурсами, но на него США покупают всё, что необходимо, содержат армию, расходы на которую превосходят затраты на армии всех других стран, вместе взятые. При этом доллар не является банкнотой государства США, а именно ФРС, принадлежащей МО, и печатается лишь по их усмотрению.

Такую мировую экономическую систему никак нельзя назвать рыночной, поскольку рынок предполагает эквивалентный обмен на добровольной основе, а главный участник мирового рынка — США производит ничем не обеспеченные денежные ресурсы в желаемом объёме, навязывает их всему миру, и его мало волнуют долги. Названия «афера» или «мошенничество» тут более уместны.

Миф демократии

Согласно Н.Шестову, если вести речь о феноменологии демократии, то сама мысль, что власть в государстве не обязательно должна принадлежать одному правителю, имеет мифологические корни. Точно так же, как и идея, что власть должна быть в одних руках. Оба эти концепта власти апеллируют к социально-мифологическим представлениям о божественном (позже — «естественном») порядке в мире лю-

дей. Для большинства современных народов этот выбор между авторитаризмом и демократией до сих пор так и остаётся субъективным, замешанным больше на мифах, на представлениях об исконных началах справедливой организации их жизни, чем на доводах идеологов и учёных в пользу того или другого. И пока этот мифологический выбор существует, в политике будут себя обнаруживать и феномен авторитаризма, и феномен демократии.

Итак, ИА имеет скрытую форму авторитаризма (олигархической диктатуры). «Либеральная демократия», как показано выше, лишь ширма для профанов. Эта модель власти достаточно эффективна, поскольку имеет постоянный, передаваемый по наследству центр — МО. Наследственность и абсолютная централизация власти обеспечивает её преемственность. В этом сила и устойчивость власти МО в ИА, которая может себе позволить строить свои планы на столетия.

Для всего остального мира МО разработала иную модель власти, под тем же названием «либеральная демократия», но которая предполагает, наоборот, полное отсутствие преемственности власти. В этом — слабость перед лицом ИА всех вассалов, прочих государств, которым навязана эта модель. Это и есть причина потери своих суверенитетов европейскими странами.

«Регулярная смена руководящего состава гарантирует, рано или поздно, развал страны. Не может правитель, имея власть на час, строить планы на два часа. Не может временщик относиться к объекту как хозяин. При системе правления «халиф на час» государственно-стратегическое мышление закономерно заменяется сиюминутно-коммерческим. Там, где Западу удалось нарушить преемственность власти, — на Украине, в Грузии, Киргизии — начался период активного распада. «Правители», вытщенные из ниоткуда, скоро уйдут в никуда.

Краеугольным камнем всякой демократии являются выборы. Народ должен выбирать власть. И вот на этом, казалось бы, понятном и простом пункте демократы свернули себе шею. Дело в том, что для совершения сознательного выбора нужны знания. Не шапочные и частичные, а глубокие знания. Народный выбор в духе «голосуй сердцем» всегда сводятся не к сути, а к форме. С таким же успехом можно организовать всенародные выборы нобелевских лауреатов в номинации «ядерная физика». Практика показала: дать народу знания, достаточные для выбора, невозможно в принципе. Тем более, что многие из этих знаний составляют государственную тайну».

Существующая партийная избирательная система обеспечивает «демократию» только для олигархических кланов, содержащих партии как инструменты своего влияния. Партии всегда содержатся олигархами для обслуживания только своих интересов. Часто, как, например, было в Византии и России, партии отражают интересы других государств. В Византии к моменту её падения самыми влиятельными партиями были «протурецкая» и «прозападная». Побеждала «протурецкая», и Византия была раздавлена турецким нашествием. В России партия РСДРП, совершившая переворот в 1917 г., была создана и содержалась на деньги империи англосаксов. Четыре столетия жила Российская империя без партий. В 1908 г. партии были разрешены, и понадобилось менее 10 лет, чтобы империя разрушилась изнутри. Это полезно помнить. Члены любой партии всегда отстаивают интересы самой партии, но не народа, поэтому партии не объединяют, а разъединяют людей. В этом беда партийной системы власти, которая по своей сути не может являться демократической.

Зная, как капитал управляет партиями, общественными организациями и госчиновниками, западную партийную политическую систему никак нельзя назвать демократической. Более уместное название, повторимся, — скрытая олигархия.

Миф либерализма

Либерализм — это политико-правовая ориентация, идеология, основанная на формальном признании политических и экономических прав и свобод индивида. Либерализм возник на идее свободы для достижения индивидуального финансового предпринимательского успеха человека: предпринимателя ничего не должно сдерживать. Иначе говоря, прибыль и личное потребление не должны быть ничем ограничены и должны развиваться свободно и бесконечно. Препятствия типа нравственность, мораль, совесть, стыд, долг, традиции и все мешающие государственным институтам должны быть разрушены. Современный либерализм направлен на индивидуализм, потребительство и «освобождение» человека от любых форм идентичности (национальной, культурной, религиозной, нравственной, государственной и даже гендерной). Иначе говоря, либерализм — это свобода, направленная на разрушение нравственности, для него характерна чрезмерная «гибкость», снисходительность и некритичное отношение к человеческим порокам, приводящие к нрав-

ственному хаосу и «размытости» в духовной области, стиранию границы между добром и злом. Пропагандируются множественность понимания нравственных норм и изощрённые стратегии отказа от христианских нравственных ориентиров. Либерализм отражает основные каноны сатанинской церкви.

Парадокс современного либерализма выражается в его агрессивном неприятии отличных от либерализма идей и режимов. Следовательно, новый мировой порядок отнюдь не либерален по своей сути: насильственно насаждая постмодернистские антиценности ЛГБТ-меньшинств, он не намерен считаться с правами сторонников Традиции, коих большинство.

Западное устройство мира — это не свободный рынок, не демократия и даже не либерализм, а скрытая диктатура международной олигархии под прикрытием мифов о свободном рынке, демократии и либерализме.

Мифы об империях

Империя — это мощное многонациональное государственное образование, объединённое под абсолютной властью императора (царя царей). Империя включает в себя провинции (территории, страны, царства), наделённые определённой внутренней автономией и неоднородные по своим экономическим и географическим условиям, этническому составу населения и культурным традициям. Империи подразделяются на варварские и цивилизационные. Варварская империя — это империя, признающая цивилизацию только стержневого государственного ядра или этноса; к этому типу принадлежат империи, эксплуатирующие, подавляющие провинции, т.е. «берущие»: например, III рейх; Британская и прочие колониальные империи. Цивилизационные империи — это империи, предоставляющие условия и добровольную возможность «подтянуться» народам провинций до уровня цивилизации стержневого этноса империи; к этому типу принадлежат империи, развивающие провинции, т.е. «дающие»: Римская, Византийская, Российская с присущими им идеями равного права и справедливости. Православная империя — цивилизационная империя, имеющая стержневой культурный этнос, корнем культуры которого является православная христианская традиция. Примеры православных империй: Восточно-римская (в XVII веке названная западными историками как Византийская) и Российская империя.

Первый миф об империях. «Империя» — понятие из далёкого прошлого. При его упоминании, первое, что обычно извлекает из памяти современник: «Все империи рушатся!» При этом, даже не задумываясь над тем, что в материальном мире рано или поздно разрушается всё. А империи как формы государственного устройства как раз наоборот, самые большие долгожители. Персидская империя просуществовала 20 веков, Византийская — 11, Римская и Российская — по 4 века.

Главная геополитическая тенденция мировой истории заключается в постоянном стремлении к формированию империй, как инструмента экономического, культурного и политического влияния, вплоть до мирового господства. Примеры тому — Персидская, Александра Македонского, Римская, Византийская, Монгольская, Арабский халифат, Оттоманская, Китайская, Габсбургов, Германская, Британская, Австро-Венгерская и Российская империи. Для СССР, США и КНР, в полном смысле империями не являющимися и императоров не имевших, тем не менее, характерны существенные имперские признаки, позволяющие отнести их к империям (точнее, квазиимпериям) как мощным геополитическим образованиям, распространяющим имперское влияние на подконтрольных территориях. Поэтому не случайно З. Бжезинский любит сравнивать США с Римской империей, а Советский Союз американские политики называли «империей зла». На исторические процессы вполне можно смотреть через призму борьбы всех вышеназванных империй и их идеологий. Малым государствам остаётся рассчитывать лишь на благосклонность империй. Таким государствам приходится становиться вассалами или союзниками тех или иных империй и, соответственно, разделять идеологии последних. Поэтому подлинный государственный суверенитет возможен лишь в имперской парадигме. Эстония, Литва, Латвия, Грузия, Молдавия, Украина могут и не мечтать о своей независимости от империй. Этим слабым странам остаётся выбирать между вассальским подчинением чуждой империи англосаксов (ИА) или братским участием в строительстве исторически своей Российской империи. Выбор, как известно, сделан. А уж чем он закончится, покажет время.

Второй миф об империях заключён в том, что империя комфортна лишь для титульного этноса и является «тюрьмой» для малых народов. Это утверждение справедливо лишь для варварских (колониальных) империй. Цивилизационная империя объединяет в себе не только представителей титульной культуры, но всегда и тех, кто себя отождествляет с дру-

гой этнической традицией. Поэтому цивилизационная империя включает в себя провинции, а «провинция» — это вовсе не унижение, а обозначение некой самоуправляемой, сохраняющей свой неповторимый облик территории, своего национального уклада жизни. Такая империя обязана предоставлять условия и добровольную возможность «подтянуться» народам провинций до уровня цивилизации стержневого этноса империи. При этом национальные уклады и элита провинций не только не угнетаются, но, наоборот, поддерживаются центральной имперской властью, а национальные элиты провинций полноценно вливаются в элиту империи. Так, например, в Византийской империи только половина императоров была греками, другая половина представляла выходцев из провинций (этнических меньшинств). И это вполне нормально для полноценной цивилизационной империи. Православная Российская империя — это дар, полученный славянскими племенами от Византии, служить во всем мире по-христиански Богу и ближним, а не отдельной этнической группе. Согласно православной традиции все этносы в империи равноправны: «...нет ни эллина, ни иудея, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос», — писал Апостол Павел в Послании к колоссянам. Империя обязана сформировать идеологические установки Общего дела для всех этносов, направленные на защиту мира от любых проявлений бездуховности и псевдодуховности. Цивилизационная империя объединяет народы взаимной выгодой и без принуждения, обеспечивая подлинное братство входящих в неё народов.

Да, в Российской империи, как во всяком государстве, существовал национализм, но отнюдь не в тех уродливых формах пещерного нацизма и русофобии, что стали нормой политической жизни в настоящее время в Эстонии, Литве, Латвии и Украине. Не было и в помине прибалтийских «лестных братьев» или украинских ОУН и УПА! Почему? Потому что империя, по своей сути, не просто уважает, но и заботится обо всех населяющих её народах, включая не только средние, но и малые, а иначе она просто перестаёт быть империей. Так, например, по доброй памяти о Российской империи в нынешней Эстонии бережно охраняются все культурные памятники царского времени. В Финляндии даже появилась новая партия «Истинные финны», в которой часть членов настаивает на вхождение в состав России. Последнее объясняется просто: до революции 1917 г., когда Финляндия была автономией в составе Российской империи, она была достаточно независима, имела много привилегий и была за-

щищена от шведского влияния. Говоря, например, об эстонском национализме, следует обратить внимание на то обстоятельство, что проплачиваемая Западом русофобия — это не национализм, понимаемый как стремление к процветанию нации. Население Эстонии за 20 лет независимости уменьшилась почти на треть, а производство сократилось в разы. Молодые эстонцы уезжают на заработки в скандинавские страны. Культура в упадке, исчезают её носители. Европейская перспектива не оставляет никаких шансов на благополучное и автономное существование этого этноса. Националистов бы эти обстоятельства встревожили, но не нынешних эстонских русофобов. Поэтому они не националисты, а проплаченные русофобы и только. Украинские русофобы пошли ещё дальше, заливая страну кровью своих граждан в угоду ИА.

Говоря о государстве Украина, необходимо вспомнить: и в досоветский, и в советский периоды почти вся территория современной Украины де-юре и де-факто являлась частью Руси. И не просто частью, а её прародительницей! Поэтому единение этих двух народов в имперской парадигме, кроме всего прочего, естественно и закономерно.

Добровольное объединение народов вновь в единую цивилизационную империю вполне возможно на основе понимания общего уникального проекта исторического развития, понимания того, что порознь никому не удастся отстоять не только свою политическую независимость, но даже национальный суверенитет и культурную идентичность. Реальный путь возрождения национальных культур и духовности предопределяется концепцией межкультурного и межконфессионального диалога в имперской парадигме. «Наша цивилизация будет хранить культуру всех наций, населяющих Россию», — заявил патриарх Кирилл. Опыт четырёх столетий России и одиннадцати веков Византии свидетельствует о возможности и эффективности такого диалога, при котором все народы являются со-работниками своей имперской Отчизны. И наоборот, проект по стиранию национальных границ, по замещению национальных культур мультикультурностью полностью провалился в Западной Европе, где ширится влияние националистов, где люди отказываются быть «гражданами мира» без национальности и родной культуры, где усиливаются протесты против наплыва эмигрантов, не желающих культурной ассимиляции. Например, турки в Германии и арабы во Франции не интегрируются в европейские культуры, предпочитая сохранять свои национальные традиции. Не выдержав столетия, провалился и советский проект по

созданию новой наднациональной исторической общности «советский народ»: как только центральная власть зашаталась, все народы тут же разбежались по своим национальным «квартирам». Сохранение национальных укладов жизни является сутью империи, поэтому сохранение культур, традиций малых и средних народов от внешних посягательств можно обеспечить в современных условиях только в империи. В Ливии и Ираке, к примеру, внешняя агрессия, которой не смогли противостоять народы этих стран, не оставляет им никаких шансов на восстановление национальных культур. Удел этих малых народов — пребывать в хаосе, управляемом Западом.

Итак, цивилизационное имперское государство в системе конкретных координат общественного развития объединяет в себе не только представителей титульной культуры, но всегда и тех, кто себя отождествляет с другой этнической традицией. Чем, например, сильна российская культура? Тем, что она никогда никого не отталкивала. Наоборот, всех, кого могла, она втягивала в орбиту своих интересов: евреев, украинцев, татар, грузин, армян. К классикам российской культуры принадлежат этнически разнородные выходцы из Украины: Н. Гоголь, В. Короленко, Э. Багрицкий, М. Булгаков, И. Эренбург, С. Прокофьев, А. Куинджи и многие другие. Своими усилиями они внесли свой вклад в единение народов, в формирование идеологии Общего дела, направленного на защиту мира от любых проявлений бездуховности и псевдодуховности.

Правильно организованная империя обеспечивает стабильность и даёт импульс развитию культур всех народов, её населяющих. Единство империи — во множестве населяющих её народов.

Третий миф об империях касается свободы совести религиозных меньшинств. Якобы существование ислама несовместимо с православной имперской парадигмой. Опыт Российской империи убедительно показал на полную и благотворную совместимость многовекового сосуществования православных и мусульман. Надо признать, что ислам XXI века обладает огромной жизненной силой и политической волей, что требует исключительно уважительного отношения к этой вере как к главному духовному союзнику. Речь, разумеется, не идёт об экстремистских течениях, щедро спонсируемых ИА (или её вассалами — Саудовской Аравией и Катаром). Ректор Московской духовной семинарии А. Осипов справедливо отметил, что традиционный ислам является самым близким к православию по духу, имея в виду серьёзность и

искренность своего отношения к Высшему, к очищению от грехов, к идее справедливости. С другой стороны, исламский мир не сможет самостоятельно выстоять против нынешнего «крестового похода» Запада. Нужно объединяться против давления либерализма, безжалостно уничтожающего религиозную и культурную идентичность. И наилучшим естественным союзником мусульман здесь может оказаться воссозданная православная империя, декларирующая универсальные человеческие ценности. «К числу таких ценностей, — пишет А. Осипов, — относятся принцип недискриминации (равенства людей) и декларируемая всеми конфессиями любовь к ближнему без разделения людей человечества на «своих» и «чужих». При таком понимании эти ценности могут быть выражены в понятиях справедливости и ответственности, а также в юридических формах прав и свобод граждан. Это позволит нейтрализовать одну из самых разрушительных технологий американской стратегии ведения мировой хаотической войны — использование межконфессиональных противоречий для разжигания межрелигиозных и межнациональных вооруженных конфликтов, переходящих в гражданские и региональные войны».

Империи как независимые и реальные субъекты геополитики являются самыми мощными, устойчивыми и долговечными государственными образованиями.

Цивилизационная империя остаётся лучшей из известных форм государственного устройства многонационального и многоконфессионального образования.

Православная империя является цивилизационной.

Путаница в понятиях

Понятия «духовность», «нравственность» и «моральность» являются важнейшими в идеологическом дискурсе, их следует различать.

Что же такое духовность? Не только в обиходе, но и в академических философских текстах зачастую эти понятия отождествляются. Однако, такое отождествление неверно. Изначально под духовностью понималось всё относящееся к духу, душе и вере. Религиозное сознание рассматривает духовность как свойство души, воспринявшей тот или иной дух (например, Дух Божий или дух сатаны). Засилье материализма привело к устранению исходного понятия «духовность» из языка и культуры, поскольку православной духовностью были пронизаны вся русская дореволюционная литература и всё искусство. При формальном сохранении тер-

мина «духовность» была подменена его суть, полностью выхолощено из него религиозное содержание. Идеология марксизма-ленинизма определила духовность как нравственность строителей коммунизма, как его мораль.

Современные гуманисты определяют понятие «духовность» как доминирующую в жизни людей направленность нравственного сознания на высшие ценности гуманизма: жизнь, свободу, равенство, солидарность и справедливость. При этом понятия «нравственность» и «духовность» опять же отождествляются. С понятием морали несколько проще, ибо мораль — это должное поведение людей на основе общественного мнения. Критерий морали: что люди скажут? Душевная опора морали — страх перед обществом, перед общественным мнением.

Исходное представление о нравственности и её критерий — это внутренняя установка индивида действовать согласно своей совести и свободной воле. Критерием нравственности является собственная совесть, независимо от того, что скажут люди, а именно: я так сделаю, тогда совесть моя будет чиста. Душевная опора нравственности — стыд.

Что касается духовности, то её исходное представление — это свойство воспринявшей тот или иной дух души. Духовность может быть христианская, исламская, иудейская, буддийская, сектантская, сатанинская или иная. Критерий духовности — соответствие устремлённости к высшему духу-идеалу (например, Христу, Магомету, Будде или, наоборот, сатане). Душевная опора христианской духовности — любовь.

Духовность восточнославянских народов — наследников последней православной империи находится в полуугасшем состоянии. Либерально-демократические институты, медленно, но уверенно растлевают сознание, прививая безнравственность и ложные ценности потребительства. Великое множество славян «купились» на потребительские цели, фактически сдалось «мамоне». Тем не менее последствия либерально-демократических режимов в странах постсоветского пространства отвергаются большинством населения, ибо ему была и остаётся присущей христианская духовность. В ней сила народа и его надежда. В конечном итоге, выбор перспективы восточных славян небольшой: либо возвышающая человека христианская духовность, либо унижающая человека перспектива самовывживания (жить ради жизни), где каждый сам за себя. Последняя перспектива выглядит совсем уж малопривлекательной.

Идеология православной империи своими корнями уходит к византизму как системе государственно-имперских, церковных, общественных и нравственных идей. Эта идеология включает величественную государствообразующую имперскую концепцию и православие как религиозно-нравственную концепцию. Византийский герб — двуглавый орёл символически отражает двуединство власти: светская у монарха, а духовная у Церкви. Основным в православной империи является принцип «симфонии», при котором светская и церковная власти находятся в состоянии согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии) по аналогии с Божественной и одновременно человеческой природой Христа. Церковь и государство поддерживают друг друга, оставляя за собой свои сферы деятельности. Церковь, занимаясь нравственным и духовным воспитанием и не вмешиваясь в дела управления государством, имеет право нравственного суждения по любым вопросам, включая политические, а государство, выполняя свои функции, не вмешивается в дела Церкви.

Внутренняя идеологическая задача православной империи — обеспечение свободы как возможности развития личности в нравственной атмосфере для всех населяющих империю этносов, воспитание высоких моральных качеств, пробуждение и воспитание совести в человеке. Внешняя задача — это обеспечение международной справедливости, ибо предназначение (мессианское служение) православной империи — «удерживать мировое зло», мировое богоборчество. Речь идёт не о притязаниях, а о «тяжкой ноше», благородной миссии во имя спасения не только своего народа, но и всего человечества от разрушающего глобального влияния власти международной олигархии. Эта идеология является не только полной антитезой идеям либерализма (всесвободы), культу греха и потребления (вседовольства), но и воинствующей с ними. Идеология православной империи не декларирует построение рая на земле, но заявляет о недопущении на земле ада.

Идеологические метания восточных славян от православия к марксизму, а затем и либерализму в значительной степени «подрубили» мировоззренческое основание народа. И пока оно не восстановится, трудно рассчитывать не только на былое имперское величие, но даже на сохранение в будущем национального суверенитета, статуса как нации. Поэтому первоочередной задачей для восточнославянских народов должно быть восстановление их духа через обращение к своим духовным истокам. Народам должно хватить разума

и воли, чтобы положить конец всем сомнительным экспериментам, издевательствам над людьми, положить конец любому разрушающему влиянию. Дух народа, который воспитывается идеологией на основе своей религиозной традиции, является надёжной защитой от богоборческих идеологий. Через осознание своей особой роли в мире, своей уникальной миссии понимается смысл жизни восточных славян, заключающийся в сохранении идеалов христианства в его изначальном виде, в служении добру, справедливости и борьбе с силами мирового зла.

Возвращение к традиции, к ценностям отеческой веры, к христианской религиозно-нравственной идее является естественным заполнением идеологического вакуума. Это возвращение позволит славянской цивилизации определенного культурно-исторического типа занять надлежащее место в мире (Н.Я. Данилевский), вновь стать моральным лидером (К.Н. Леонтьев), объединив восточных славян и дружественных народов иной веры против натиска богоборческого замысла ИА, и осуществить жизнеутверждающий лозунг: «империя, традиция, народность», за которым стоят «вера, надежда и любовь». Под «традицией» понимается возврат к культурно-религиозным, этническим корням и ценностям. Для восточнославянских народов этот лозунг естественным образом уточняется как «империя, православие, народность».

Об имперской концепции

Цивилизационная империя как форма государственного устройства позволяет объединить равноправные народы, воссоздать мощную во всех отношениях, следовательно, реально независимую державу. Для граждан такой империи, независимо от национальности и вероисповедания, будет честью служить ей. Правильно организованная империя обеспечивает стабильность и даёт импульс развитию культур всех народов, её населяющих. Единство империи — во множестве населяющих её народов. Цивилизационная империя остаётся лучшей из известных форм государственного устройства многонационального образования.

После предательского развала СССР образовался ряд новых, более слабых государств. Любое государство, как показывает исторический опыт, можно учредить (как Косово или Новороссию), либо ликвидировать (как СССР или Югославию), либо переkreить (как Польшу в XVIII или XX вв.). Страну-Отчизну учредить или переkreить нельзя. Отчизна живёт в сознании, пока жив любящий её народ. Такой страной —

Отчизной для восточных славян (и близких им народов) традиционно является православная империя. Повторимся, малым постсоветским государствам остаётся выбор: стать безропотным, бесправным вассалом (без суверенитета) империи англосаксов или полноправным членом исторически своей империи. Какая беда настигла Украину в 2014 г. при внешнем управлении США — уже хорошо известно, неизвестно только, катастрофой какого масштаба это закончится для украинцев.

Только в рамках объединяющего цивилизационного имперского проекта можно сохранить суверенность, этническую самобытность, защитить народы от «катка» либерализма, уничтожающего национальную идентичность, противостоять внешним угрозам. Вопрос воссоздания православной империи — это очень важный вопрос идентичности, являющейся стержнем, главной опорой национального сознания и достоинства не только восточных славян, но и всех дружественных им народов. Имперская модель создаёт необходимый запас военной, технической и экономической прочности, позволяющей государству не только выживать, но и развиваться, и успешно защищаться в условиях нынешнего жесточайшего экономического кризиса и практически развязанной ИА мировой войны.

Восточные славяне и дружественные им народы стоят перед выбором: безвольно становиться рабами ИА или стать свободными от этой империи, восстановив свою, которая всегда мирно сосуществовала со своими мусульманскими, другими этносами и которая способна защитить себя и других.

О православной концепции

Православие — это не идеология, а религия. У Церкви свои задачи, которые она решает средствами религии. Идеологией занимается светская власть, совсем не обязательно состоящая из верующих. Церковь заботится о духовности, морали и нравственности, а идеология — только о морали и нравственности. Церковь открывает свои двери всем тем, кто пришёл к ней сам по свободной воле, выполняя функцию учителя и «врачевателя» души, психотерапевта. Идеология как инструмент власти распространяется на всех без исключения граждан независимо от их религиозных воззрений, играя роль скорее полиции нравов. Вместе с тем как религия, так и идеология всегда основываются на какой-то религиозно-нравственной идее. В случае отеческой Традиции — это христианская религиозно-нравственная идея. С той лишь

разницей, что для церковнослужителя Христос — Бог, а для государственного чиновника, в общем случае, — нравственный идеал и Бог — лишь в частном случае, когда чиновник верующий.

В X веке славяне Киевской Руси выбрали ортодоксальное христианство как религиозно-нравственную идею становления новой культуры, а с православием и византийскую политическую модель развития. Из разрозненных языческих племён на протяжении жизни всего нескольких поколений произошло удивительное преобразование духа народа, создавшего в новой единой идеологической среде колоссальное по своей культурной, военной и экономической мощи государство. Христианство было столь глубоко и проникновенно воспринято Русью, что сделалось мощным фактором национальной самоидентификации. Единство народа и веры на века стало духовной и жизненной аксиомой. Нашим горючо верующим предкам был очевиден промыслительный характер произошедшего, подготовившего Русь к необычайной судьбе — свершать великие задачи, быть в авангарде человечества. Позднее понимание того, что Москва стала главой православия — «Третьим Римом», стало осознанием великой миссии — нести миру слово истинного христианства, быть центром духовного единения всех православных земель. Православие в наиболее полной мере сохранило дух первых христиан и имеет успешный многовековой опыт лидирующей имперской религии, умеющей жить в согласии с традиционными религиями иных народов. Православная Церковь в России, Украине и Белоруссии осталась единственным местом, где люди действительно равны и действительно едины. Именно православная религиозно-нравственная идея предопределила становление и развитие культуры нашей Отчины, именно с православной традицией ассоциирует себя подавляющее большинство соотечественников.

В обществе всегда присутствует противостояние идей свободы и равенства. Любая из известных идеологий включает в той или иной мере эти идеи, противостоящие друг другу ввиду их противоречивости: свобода исключает равенство и наоборот. Идея милосердной любви Иисуса Христа стоит над этим противостоянием, как бы объединяя, находя баланс справедливости между противоречивыми гуманистическими устремлениями.

Парадоксальность христианства заключена в его простоте. Чтобы понимать христианство, достаточно помнить всего-то две заповеди Христа: «Возлюби Господа Бога твоего...» и «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Христианин

лишь тот, кто пустил в свою душу любовь, а не тот, кто старательно соблюдает церковный ритуал или начитался религиозных книг. Любовь и есть спасение. Милосердная любовь является лучшим средством нравственного воспитания. Последнее утверждение понятно не только верующим, но и атеистам. Всем. Следовательно, годится и для идеологии. Однако, если церковнослужитель призывает молиться за своих врагов, то идеолог настраивает воинов на борьбу с врагами (в том числе с вражескими идеологиями и сектами), цитируя святого Александра Невского: «Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет». Согласие достигается в общем призыве церковнослужителя и идеолога: «Живи по совести!».

Идеологические установки в православной империи основываются на нравственном законе религии своего народа. И вот почему. Зрелость личности и общества определяется тем, какое место в их жизни занимает нравственный закон, поскольку основные проблемы человека и общества образуются из-за ложных целей и ценностей, выходящих за рамки нравственного закона. Только нравственный закон сохраняет за собой статус подлинного регламента (регулятора) жизнедеятельности людей. Совесть человека развивается должным образом только в нравственной культуре, только в поле нравственного закона. Несоблюдение нравственного закона неминуемо ведёт к разрушению личности, а затем и общества. Поэтому нравственный закон является важнейшей жизненной необходимостью, залогом нормального функционирования и защиты от вырождения.

Ещё одна причина, по которой идеология православной империи поддерживает Церковь: обществу необходим институт религии как хранитель и проводник нравственного закона, гарант его неизменности и долговечности.

У восточных славян, собственно говоря, выбор религиозно-нравственной стратегии небольшой: либо нравственная идея лидирующей имперской религии (религии титульного этноса империи), либо новая религиозно-нравственная идея, либо вариант какой-либо «интеррелигии» как синтеза взаимодополняющих мировых идей и национальных религий.

Однако двадцатый век, приведший к олимпу власти три новых религиозно-нравственных идеи — коммунизма в России, фашизма в Италии и Испании, а также нацизма в Германии, убедительно продемонстрировал пагубность такого новаторства для народов.

Приготовить съедобный винегрет из идей разных религий тоже ни у кого не получилось, несмотря на многочисленные попытки (бахизм, ведантизм, теософия Е. Блаватской, «агни-

йога» Рерихов, «христианская йога» Махариши, «сознание Кришны», «интеррелигия» Д.Андреева, учение Ошо, мунизм и т.п.). Вместо того, чтобы стать основой для становления новой интеркультуры, эти «интеррелигии» имеют лишь сектантский эффект разрушения традиций и основ национальных культур.

По методу исключения остаётся нравственная идея лидирующей имперской религии. В случае восточных славян — это православие.

При этом речь ни в коем случае не идёт о том, чтобы православная империя директивно навязывала своим гражданам духовную и ритуальную составляющую христианской религии. Такого никогда не было и не будет. Вера и религия — личное дело и выбор каждого. Согласно православной традиции Церковь принимает в свои ряды только тех, кто стремится к ней по собственной и свободной воле. Свобода совести должна быть в любом государстве, уважающем своих граждан. Речь идёт только о принятии единых нравственных норм, без чего общество неминуемо саморазрушается. В условиях засилья материалистических и либеральных установок в умах соотечественников речь может идти только о нравственной составляющей христианства как отеческой культурной Традиции, речь лишь идёт о возвышающем нравственном идеале.

Концепция народности

В православной империи концепция народности рассматривается как сочетание широкого использования референдумов и народного представительства в органах власти.

Всенародный референдум по многим важнейшим вопросам (но не «уличная демократия», не цветная революция, не митинговые провокации, не вооруженная оппозиция, не партийная система, не спонсируемые из-за рубежа демократические институты) как главный инструмент прямой демократии позволяет обеспечить социальную гармонию через народное волеизъявление и становление подлинного народовластия. В наше время, благодаря доступности средств коммуникаций и интернета, современное общество уже может позволить себе роскошь частых электронных референдумов как универсального средства реальной демократии (то есть демократии в древнегреческом понимании, а не в понимании современной либеральной демократии). Например, всеукраинский референдум по вопросам языка, вступления в НАТО или Таможенный Союз очевидно позволил бы избежать гражданской войны. Но ИА не позволила быть такому референдуму.

С другой стороны, власть в стране, имеющей идеологию, должна сохранять преемственность своему идеологическому курсу. Следующий император не должен разрушать построенного предыдущим. Возможностью и эффективностью выборности первого руководителя (императора, президента, председателя, иерарха) из круга профессионалов при сохранении преемственности курса демонстрируют процедуры избрания православных патриархов и римских пап. Другой удачный пример совмещения выборности и преемственности в настоящее время демонстрирует Китай. То есть выборность первого руководителя при сохранении вектора развития возможна, но осуществима, когда из выборов не устраивается профанация.

Существующая партийная избирательная система действительно обеспечивает баланс интересов, но только для олигархических кланов, содержащих свои партии как инструменты своего влияния. Замена партийной системы в парламентарном и местном самоуправлении возможна через представительство профессиональных сословий: крестьян, рабочих, врачей, учителей, учёных, инженеров, чиновников, церковнослужителей, военных, полицейских, бизнесменов и всех других.

О внутри- и внешнеполитических концепциях

Главное — формирование союза патриотических сил и движений, декларирующих строительство государственности как приоритетной задачи. И в первую очередь, союз должен включать евразийцев, коммунистов и российские исламские общины.

Евразийская интеграция рассматривается как глобальный проект восстановления общего пространства развития народов, веками живших вместе, сотрудничавших и обогащавших друг друга, а также как путь к формированию нового полюса силы.

Былые идеологические установки марксизма о необходимости классовой борьбы, о происхождении человека от обезьяны и о всемирном «призраке коммунизма» не актуальны, поскольку никто их более не «раскручивает» в СМИ. Но нельзя забывать другое. Современные коммунисты, в отличие от большевиков троцкистского толка, не только не являются агентами империи англосаксов, но наоборот, убеждёнными противниками всех врагов Отечества. Коммунисты нацелены на государственное строительство и защиту интересов трудящихся. При всех «грехах» большевиков периода 1917—1940 гг., именно они удержали Отчизну от полного го-

сударственного разрушения. Коммунисты построили мощнейшую сверхдержаву — СССР, обеспечили её индустриализацию, обеспечили победу в Великой Отечественной войне, создали качественную систему образования, науки и искусства. Именно коммунисты вписали в историю Отчизны самые её величественные страницы, и наше нынешнее существование возможно лишь благодаря мощному промышленному заделу, оставленному СССР. Идеи равенства и справедливости получили в Советском Союзе практическую реализацию, может быть, лучшую в истории человечества. Идеологическое согласование сторонников православной империи с коммунистами допустимо, поскольку и те и другие руководствуются имперским патриотизмом, близкими представлениями о нравственности и морали.

Отеческие мусульманские народности живут вместе с православными славянами много веков. Умеренный Ислам остаётся главным духовным союзником православной империи. Империя предполагает свободу совести, возможность национального традиционного самоуправления. Православные и мусульмане могут и должны быть вместе и в горе, и в радости. Вместе противостоять разрушению Традиции.

Объединение в широкую коалицию государств, исповедующих традиционные ценности, во имя суверенитета, процветания своих народов, обеспечения международной справедливости и противостояния мировому злу (богоборчеству), антиценностям глобализации. Единство мира рассматривается в многообразии традиционных культур, основанных на системе ценностей мировых религий (буддизм, ислам, православие) и готовых стать духовными союзниками в религиозной войне с богоборчеством.

Следование идеологическому курсу православной империи есть альтернатива западному безнравственному и бездуховному курсу. Запад давно сдался богоборчеству и на нём лежит вина за антихристианские идеологические новаторства (бонапартизм, марксизм, национал-социализм, фашизм, либерализм), обернувшиеся социальными потрясениями и духовным кризисом самого человека. Можно смириться с идеологическим вакуумом, упадком и разложением народного духа и самобытной культуры, а можно действовать, воссоздавая свой высший смысл в формате народной православной империи. Перед восточными славянами стоит особая мировая миссия.

РУССКИЙ МИР — ЭТО ГДЕ?

Начались испытания, решающие нашу судьбу. Либо исполнятся пророчества святых о возможности возрождения Руси в силе и славе. Либо Отечества не станет.

Не будем отвлекаться на потоки яда, испускаемые существами, что присвоили пусть и не лучшее, но все же произносимое именование «либерал».

Не заслуживают много внимания и эскапады номерных патриотов, бесстыже торгующих своим кособоким «мнением» во время самого драматичного момента битвы Новороссии с нечестью.

Раструбадуренный СМИ писатель Прилепин узрел вдруг в истерике украинских бандеро-предателей «борьбу нации за самоопределение», которую та якобы героически готова вести до последней капли крови. И это когда 80% призывников бежит в РФ! Когда только «батальоны» отъявленных мерзавцев, возомнив себя «королями» грядущей державы и попяв, что в случае поражения им «кирдык», намерены продолжать убивать и быть убитыми. Когда зомбированное, подмятое олигархической тиранией население Киева и других городов только-только начинает прозреть.

Не удар даже ножом в спину, а грязный глупый плевок во все завоевания армий ДНР и ЛНР. Прилепин подбадривает ублюдков — убийц детей: патриотизм их «добровольческих формирований» выходит у писателя как бы круче, чем у того же «более удачливого» Моторолы (Арсения Павлова). Но в том-то и дело, что Арсе-

ний и его братья — победители, а не «удачники». Потому что по-настоящему, по-античному фатально храбры. А еще потому, что Бог — в правде.

Похоже, теперь заодно венедиктовы и прилепины — начнут склонять народ к мысли о принятии статус-кво, когда в Киевской Руси будет расти и крепнуть зловонное чудовище, истребляющее на своей территории все русское и православное. Чудовище, готовящееся к прыжку на Крымскую и Кубанскую земли. Будут заговаривать зубы небылицами и страшилками (вот ужo нападет НАТО), лишь бы никто ничего не делал для подлинного пробуждения и мобилизации.

Но это напрасно. План постепенного, комфортного для элит перехода из состояния постсоветского распада в клуб «цивилизованных стран», как теперь уже очевидно, не сработал.

Иначе и не могло быть. Слишком робки и медленны были действия по воссозданию государства, утонувшие в практике воровской экономики. Слишком глубок компромисс власти с ненавистниками и разрушителями. Слишком крепким стало финансово-экономическое срастание «силовиков» и «либералов». Слишком сильно отчуждение Кремля от народа и приобщение к Западу, к сверхпотреблению. И сейчас уже трудно сказать, существовали ли за пределами державной риторики планы реального возрождения нации. Вопрос был бы не столь существенным, если б и ныне не продолжалась необъяснимая игра в гибельные «реформы» и с каждым новым витком кризиса не происходило поощрение сил, все более враждебных Государству Российскому.

Никем и ничем не остановимый вывоз валюты из страны (только по официальным данным, более 150 млрд. долларов в год). Немотивированное закрытие медицинских и образовательных учреждений. Продолжение финансирования информационных координаторов и вдохновителей здешнего майдана, служителей заокеанского Левиафана. Поощрение вредительства, некомпетентности, а также разрушительных действий Центробанка и финансового блока правительства. Насаждение ювенальной юстиции под видом «социального сопровождения».

Ну и Донбасс, где вчерашних героев и защитников новоявленные коменданты вдруг объявляют бандитами и безжалостно убивают (пример — полковник Александр Беднов — «Бэтмен»). Вот лишь некоторые штрихи «русской зимы», в которую, увы, неуклонно перерождается «русская весна».

Происходит вышеназванное на фоне выпяченной риторики, квинтэссенцией коей следует считать словосочетание «русский мир». Горько сознавать, но оно чем дальше, тем

больше становится обозначением мифического нечто, не имеющего ни малейшего отношения к действительности.

До сих пор внятно так никто и не смог сказать, где этот самый русский мир находится, в чем заключены его смыслы, какое идеологическое, политическое, структурное, финансовое наполнение имеет.

Разумно было бы предположить, что русский мир начинается в Москве, как в столице России. В городе, где находятся властные структуры, резиденция и кафедра Патриарха. Попробуем назвать некоторые ключевые институты, расположенные в Москве, чтобы, суммировав их, понять, что представляет собой на деле ядро «русского мира».

Центробанк во главе с Э.Набиуллиной — любимой ученицей основателя Высшей школы экономики, «звезды» погрома 90-х Евгения Ясина. Сама Высшая школа экономики, почитаемая в качестве ведущего вуза и интеллектуального центра во главе с Я.Кузьминовым — видным либеральным теоретиком (мужем Э.Набиуллиной).

Ключевые министерства: финансов (Силуанов — заместитель и наследник А.Кудрина), экономразвития (Улюкаев — соратник Е.Гайдара). Социальный блок, курируемый О.Голодец (в недавнем прошлом заместитель и соратник олигарха М.Прохорова). Здесь же всеполномочные вице-премьеры, известные ультралиберальными взглядами (А.Дворкович, И.Шувалов). Далее по списку.

Конечно же, в Москве расположены главные офисы госкорпораций. Например, такой, как «Роснано», возглавляемой А.Чубайсом, отвечающей за создание передовых технологий, за модернизацию промышленности. Или «Русгидро», возглавляемая воспитанником Чубайса Е.Додом, в чьем ведении вся гидроэнергетика. Или «Росатом», управляемый ельцинским «киндерсюрпризом» А.Кириенко.

На одной из улиц Москвы можно найти и головную контору всероссийской сберегательной кассы, то есть «Сбербанка», где восседает на горах народных денег Г.Греф.

Так, с точки зрения управления экономикой, всеми финансами, банковской системой, энергоресурсами и наиболее перспективными направлениями промышленности, выглядит нынешнее средоточие «русского мира».

Весьма интересно смотрится оно и в медийно-идеологическом ракурсе. Первым каналом ТВ руководит К.Эрнст, пришедший в Останкино при Ельцине и Березовском. Второй канал, то есть ВГТРК возглавляет еще один заметный «теледемократ» — О.Добродеев. НТВ — бывший сотрудник «дружественной» радиостанции «Свобода» Е.Кулиستиков.

Если финансово-экономический блок обеспечил девальвацию рубля и инфарктное состояние экономики, то руководство ведущих телеканалов девальвировало государственное вещание и транслируемые им смыслы. Уйдя от лобового противостояния с государством, начальники эфира превратили главные телечастоты в мусорные площадки для рекламы, в собственную бездонную кормушку. При этом новостное содержание как было, так и остается параллельным реальной русской жизни.

При рассмотрении печатной прессы, интернет-ресурсов, радиовещания на предмет их соответствия национальным интересам выявится и вовсе безотрадная картина. Рядовой гражданин существует в медиа-поток, как минимум чуждом, но чаще всего язвительно-враждебном всему российскому, тем более русскому.

В стольном граде предполагаемого «русского мира» есть также заведение с характерным названием «Мэрия». Там фонтанируют идеями сверхучитель и «оптимизатор» средней школы И.Калина, ликвидатор больниц и роддомов Л.Печатников, суперстроитель М.Хуснуллин и культуролог-авангардист Капков.

Очевидно, обозначенную совокупность явлений только законченный чужак может считать сутью Родины. Так что поиски «русского мира» нужно, по логике, сместить куда-либо в провинцию. Конечно же, не в русскую. Потому что ее, убиваемую и унижаемую — псковскую, владимирскую, тверскую — трудно соотнести с неоправданным пафосом.

Лучше поехать в Сочи, в Краснодарский край — лакомую часть Федерации, где почти все лучшие места под солнцем облюбовали «горнолыжники» и прибрежные армяне. Или в славный своими технопарками, Универсиадой, индустрией Татарстан (тоже, правда, как бы не совсем русский). Или заселяемый китайцами Владивосток, где годами не могут построить достойный этого города православный храм.

Остается искать «русский мир» за пределами РФ. Что, правда, без возрождения и нового строительства Русского мира в самой России выглядит иррационально, скорее абсурдно. Не потому ли даже заявка огромных регионов на русскость, на принадлежность к Русскому миру оканчивается чаще всего неудачей или затяжной трагедией, как то случилось с Донбассом и его защитниками. Можно лишь в недоумении развести руками, так и не поняв, где же он, этот славимый «русский мир».

Да, существует счастливое исключение — Крым. Но в создавшейся ситуации полуостров может остаться исключением, проходящим скорее по разряду чуда, чем по графе учета результатов осмысленной политики. Заметим, вышеска-

занное не имеет целью нагнетание нигилистических настроений, революционности или же безысходности. Скорее это призыв к трезвости, обращенный к гражданам, к патриотам, ко всем православным людям.

Следует отчетливо представлять сложившуюся обстановку. Перестать тешить себя сладкими мифами, химерическими построениями, далекими от реальности. Неприятно осознавать, но сегодня не время утопичного прочтения империи и не время расплывчатого понятия «русский мир», на данный момент напрочь лишённого даже самых слабых признаков национальной солидарности. Настало время последнего сосредоточения сохранивших разум и волю русских людей для спасения Отечества и перехода к форсированной подготовке отпора, к отражению страшных угроз.

Время обвыкания с мыслью о том, что государство как центр реального, а не романтического «русского мира» еще должно быть выстроено. Время, когда не стоит намертво скреплять и увязывать себя с текущими формами социального и административного устройства, с именами, его олицетворяющими. Они неизбежно, по самой природе событий, из глубинных предпосылок отойдут в прошлое. А нам предстоит здесь жить и, если потребуется, здесь же принять сражение.

Победа возможна лишь при одном условии. Настоящий, а не вымышленный Русский мир возможен исключительно на основе Православия и русского принципа Народности. Будем называть его так, коль скоро понятие национализма скомпрометировано и оболгано. Время конформного ухода от собственной идентичности, разного рода компромиссов и соглашательства подошло к концу.

Либо мужество отстаивания христианского, славянского, свободного бытия и права нести эту свободу другим народам. Либо признание завершенности пути России в качестве мировой державы с уходом в сугубо духовное православное делание — чем дальше, тем более исповедническое в условиях глобального мира, движущегося к царству Антихриста.

Половинчатость сулит лишь прелесть и пропасть ложно понятой богоизбранности, веру в фантомные построения, в мифологию несуществующего. Неисчислимы муки из-за вовлеченности в противостояние глобалистских структур. Их цель — рвать на куски природные богатства России, использовать население в качестве «массовки», подопытных кроликов и пушечного мяса для масштабных конфликтов на евразийском пространстве.

В сложившихся условиях несколько пугающим выглядит решительный настрой некоторых искренних патриотов «идти

до конца». То есть идти по пути большой войны со всеми страшными, вплоть до ядерного конфликта, последствиями. Настораживают ожидания того, как русские парни «вновь зальют своей кровью Европу», а потом на танках въедут в Берлин (Константин Душенов).

До конца можно идти при двух условиях. Когда идешь сам или ведомый руководством, которое самостоятельно, самодержавно принимает решения, в том числе и трудные, во имя Веры, во благо Отечества. До конца шли на поле Куликовом, в Бородинском сражении, под Сталинградом. Когда благословлял св. Сергей. Когда впереди наступающих на неприятеля был Раевский с сыновьями, то есть сама власть. Когда мысленно шли в одном строю с Александром Невским и Дмитрием Донским, командовал Жуков, дети вождя сражались и погибали, как все, а враг был обезумевшим извергом, вешающим детей.

Но идти ли «до конца» ради того, чтобы олигархи остались при своих? Чтобы продолжилось «имперское строительство» за счет русских и на костях русских? Чтобы по великим праздникам изредка и украдкой услышать в эфире русское имя? Чтобы христианство стало приправой на торжище экуменизма, всеобщего растреления и заражения духом ростовщичества? Чтобы уныло смотреть, как поля зарастают бурьяном, а древние города превращаются в пыль и базары для пришельцев? Как церковная жизнь вырождается в обрядовую профанацию? Ради чего будут десятки миллионов жертв, отравленная земля и воды, реки крови и слез?

Очевидно, следует упорядочить цели и задачи, а также последовательность действий по их выполнению. Писатель Александр Проханов, отвечая на вопрос о параметрах «русского мира», называет такую его характеристику, как «божественная справедливость». Остается лишь восхититься полетом мысли мастера слова. И тут же усмехнуться, соотнеся мечту с действительностью. Более несправедливого, бесцельного, безнравственного общества, чем то, что было наворочено (не построено даже) на обломках СССР, найти на планете трудно. Судят ведь не по словам, а по делам.

Предстоит великая работа по очистке наших пространств — духовных, интеллектуальных, природных, социальных, государственных. Борьба за утверждение Православия и русской культуры. Только так может родиться новая Россия и Русский мир.

«Спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи», — говорил св. Серафим Саровский. Сначала надо спасти Русь. Затем начнет раскрываться её благодатное влияние. Лишь так утвердится настоящий Русский мир и никак иначе.

РУССКИЙ МИР — ЭТО ПРЕДДВЕРИЕ НЕБА

Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие престола Господня. Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский.

Иоанн Кронштадтский

Вопрос, послуживший заглавием статьи Александра Израилева «Русский мир — это где?» поставлен неправильно. С тем же успехом можно спросить: «Александр Израилев — это где?». Существует ли в действительности Александр Израилев? Может быть, это не человек, а миф? Не обусловлено ли его бытие чьими-то смутными о нем представлениями?

Для меня бытие Русского мира не менее реально, чем бытие отдельного человека, которого я могу увидеть и даже пощупать. Разница в подходе. Воспринимая Русский мир умозрительно, я задаю вопрос не «где?», приложимый, согласно грамматике русского языка, к обстоятельствам места, а вопрос «что?», который подобает обращать к имени существительному. Для меня Русский мир не обстоятельство, а сущность.

Александр Израилев в основном справедливо говорит о множестве греховных язв, присущих современной России, однако вывод делает неверный. У пророка Исаии в его время было ничуть не меньше поводов для обличения язв общества. Вспомним хотя бы слова, чтомые на паремии понедельника первой седмицы Великого поста: «Увы, народ грешный, народ, обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святаго Израилева — повернулись назад. Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места...» (Ис. 1, 4-6).

И что же? Сомневается пророк в существовании Израиля как Божия народа? Если бы он в этом сомневался, то, наверное, не пророчествовал бы. Зачем что-либо говорить тому, чье существование под вопросом? Не удел ли безумных — разго-

варивать с тенями и призраками? Мог ли бы явиться пламенный серафим с горящим углем, чтобы очистить пророка, дабы он изрекал возвышенные откровения Божью народу непогрешительно?

Книга Исаии столетиями чтётся Великим постом, и все боголюбивые христиане относят ее содержание прежде всего к себе, а не к давно прошедшим временам, ведь язвы общества — всё те же, потому как не напрасно сказал другой пророк — «нет ничего нового под солнцем».

Видение хоть своих личных, хоть общественных грехов должно побуждать к покаянию, т.е. к исправлению, к изменению собственной души и всего общества в лучшую сторону. Если это видение влечет за собой уныние, т.е. медленное самоотрицание, медленное самоубийство, — кому это на руку? Только врагу нашего спасения. Поэтому Исаия, безпощадно обличая, говорил людям и немало утешительного, великого, победоносного.

Не мое дело судить, в ком больше греха: в людях, распиливших пополам Исаию деревянной пилой, или в некоторых современных российских общественно-политических деятелях. Важно другое: даже самые тяжкие грехи не могут отрицать субъектности грешника. Согласно преданию Исаию распилили по приказу царя Манассии. Проклял ли его за это Исаия, пытался ли как-то отрицать его субъектность? Ничуть не бывало. Исаия молился за своего царя-грешника. И Манассия впоследствии воспрял от греха, принес плоды покаяния, памятником чего служит записанная им молитва, которая входит в чин Великого повечерия.

Обличая грехи отдельных людей и целого общества, Исаия никогда не говорил даже по поводу Манассии: а есть ли царь в Израиле? А где Израиль? Не фантом ли? Подобные мысли бывают от гордости, когда человек, недостаточно проникнутый покаянием, начинает сравнивать себя с теми, что явно совершают большие грехи. Он начинает произносить суд над ними. Он не хочет составлять с ними единого народа, отпихивает их от себя. И уже, как следствие, озираясь «семя и овалом», не видит Божия народа, пусть и обремененного многими грехами, не хочет нести на себе бремена этих общих грехов.

Именно тогда человек, даже благожелательно настроенный, увы, присоединяется к дружному хору врагов Божиих, говорящих: «Где он — Русский мир?» Подобным образом и в ветхозаветные времена, наверное, говорили некоторые: «Где он — Израиль?»

Еще раз повторюсь: важно не обстоятельство (где), а сущность (что). В дрвности само имя «Видящий Бога» заключа-

ло ответ на поставленный вопрос. Оно и теперь относится к народу-богоносцу. Нравится это кому-то или нет, на наших глазах сбывается пророчество старца Филофея о том, что все христианские царства должны сойтись в царство Русское. И словосочетанием «Русский мир» обозначается сущность указанного процесса.

Довольно изданных Ватиканом сказок об «экуменическом единстве всех христиан». Даже если взять Православный мир, можно увидеть закономерность: чем ближе он к Русскому миру, тем и православней. Но это не потому, что чистота веры вдруг стала зависеть от национальных особенностей, а потому что народ, сумевший создать государство, единственное в последние столетия стоявшее на страже Православия, намного легче сумеет отстаивать его святую и в дальнейшем. Русская цивилизация и русская культура уникальны по своей способности нести Православие людям в современном, по преимуществу отступническому, мире. У других православных народов нет этого драгоценного навыка — побеждать современный мир. Они гораздо чаще терпели и по сие время терпят от него поражения, постепенно скатываясь с вершин христианского благочестия в болото индифферентизма.

Александр Израилев предлагает ложную дилемму: «Либо мужество отстаивания христианского, славянского, свободного бытия и права нести эту свободу другим народам. Либо признание завершенности пути России в качестве мировой державы с уходом в сугубо православное духовное делание». Что это за «делание», от которого изрядно пахнет мертвечиной буддизма? Если мы возьмем начальников русского монашества — Антония и Феодосия Печерских, то должны будем засвидетельствовать: их духовное делание распространило пределы Русского мира на сотни и тысячи верст вокруг, т.к. большая часть русских архиереев вышла из Киево-Печерской лавры, впитав в себя учение названных отцов. Если мы возьмем преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского, то должны будем засвидетельствовать: их духовное делание очищало и укрепляло Русский мир, накапливало потенциал, вскоре вылившийся в виде мощной экспансии.

Поэтому никакой дилеммы нет, да и никогда не было. Путь русского народа и возглавляемого им Русского мира — духовный подвиг и державное, имперское строительство, иными словами, разум и деяние, которые помогают друг другу. Отступление от этого предначертанного пути ведет только к разложению и смерти, чего да не будет!

Русский православный народ — это ядро, светило, излучающее свет Христов, пока наряду с другими, меньшими, светилами (другими православными народами). Его лучи, действующие во многом при посредстве русской культуры, — область указанной экспансии, которая осуществляется в пространстве не только географическом, но и межличностного общения.

Когда выяснена сущность, можно ответить в какой-то мере и на обстоятельный вопрос. Русский мир — он везде, где Русь духовно побеждает. В том числе, это может происходить в душе каждого из нас. Если же рассматривать географически, он может быть в США, Канаде, Австралии, одним словом, — везде.

Александр Израилев утверждает: «Предстоит великая работа по очистке наших пространств — духовных, интеллектуальных, природных, социальных, государственных. Борьба за утверждение Православия и русской культуры. Только так может родиться новая Россия и Русский мир».

Русскому миру не нужно второй раз рождаться, ибо он уже родился одновременно с Русским народом через Крещение в 988 году, с тех пор Русский народ был, есть и будет субъектом духовной истории человеческого рода. Русский мир неотделим от народа, это его сущностное свойство. Что же касается покаяния (если под «очисткой пространств» имеется в виду именно это, я с радостью присоединяюсь), оно необходимо всем и каждому. Без него как отдельный человек, так и целое общество, могут быть поглощены грехом. Уже как следствие этого внутреннего изменения в худшую сторону, придут и внешние поражения.

Поэтому прекратите попытки ставить под сомнение существование Русского мира. Лучше прильните к его неиссякаемым источникам: к молитве и церковным таинствам, к житиям святых, к достижениям русского гения, которые широко представлены в любой сфере человеческой деятельности. Тогда вам не придет в голову вопрошать: «Русский мир — это где?», потому что вы ощутите его внутри самого себя.

ЧТОБЫ ВОСКРЕСНУТЬ РУСЬЮ

Нынешней Украине, превратившейся в свалку всевозможных отбросов Западной цивилизации, необходимо огненное крещение, которое выжжет всю грязь, очистит души людей и

возродит их для Бога. Премудрый говорил: «золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, в горниле уничижения» (Сир. 2, 5).

Это горнило уничижения уже раздувает свои мехи над юго-западной Русью. Нищета, разруха, безработица, бесправие, тысячи насильственных смертей суть Божии бичи, что свистят над головами людей, которых сумели оседлать гордецы, строившие свою государственность в качестве анти-России. Сеявшие ветер тлетворного и призрачного западнического «обновления» пожинают на восточных своих пределах бурю обновления подлинного, которое, выжигая всё наносное, просвещает всё сущностное.

Государство и общество, основное содержание которых составляет огромный жирный знак «минус», должно умереть. Это единственный выход, так как «плюс» может получиться лишь в том случае, когда всепоглощающий «минус» умножается на «минус» сравнимой с ним интенсивности. Поэтому я глубоко убежден, что давно пора прекратить речи о «великой Украине» и «великом братском украинском народе». «Украинский народ» не может быть братским по той простой причине, что искусственно конструировался ради единственной большой цели — отрицания Руси. «Украинский народ» во многом напоминает янычар, которых в свое время детьми турки отбирали у христиан и воспитывали в ненависти к христианам.

Нужно говорить о несчастном русском народе юго-западных (галицийских) земель, зараженном болезнью украинства. Нужно отделять сущностное (русское) от наносного (украинского). Хватит подлой лести, хватит ласкательства! Хватит делать вид, будто болезнь является нормой жизни. Не святой ли долг большей части русского народа указывать на болезнь и помогать от нее избавиться? И не будет ли исполнение этого долга лучшим проявлением братской любви? Более года назад В.Путин готов был ввести на территорию Украины войска ради защиты сущих здесь русских людей от майданной заразы. Однако их голос оказался, увы, слишком слабым. Нам кажется, это явилось основной причиной, почему войска не были введены. Как можно предлагать лечение тому, кто почитает наиболее тяжкую из болезней благословением Божиим? Как можно предлагать лечение тому, кто, глядя на врача, видит в нём истязателя и набрасывается на него с проклятиями? Именно так восприняли желание защитить граждан Украины от только еще нарождавшегося нацистского режима многие иерархи УПЦ (МП), и такое собственное превратное восприятие публично озвучили. Тем

самым они озвучили собственный диагноз и, соответственно, навлекли на себя и на вверенный им народ гнев Божий. Не желаящей смерти грешникам Господь наказывает Украину за ее массовое отступничество от Святой Руси.

Исходя из сказанного, отметим, кто является на Украине подлинным сепаратистом. Это те, кто повторяет: «Украина не Россия», «Украина цэ Эуропа», «Украина по над усе», «Москаляку на гияляку» и т.п. Хочется озвучить здесь следующую закономерность: как после цветов бывают ягоды, так последовательно проводимая русофобия всегда приводит к фашизму. Поэтому не стоит удивляться при виде того, как русофобствующие российские либералы, всего несколько лет назад бравировавшие своим «антифашизмом», сливаются теперь в идейном экстазе с укро-нациками, что обвешаны с головы до пят фашистской символикой. Тех и других объединяет животная ненависть против русских.

Сепаратисты, они же — проамериканские коллаборационисты — окопались в Киеве и терроризируют всех, кто с ними не согласен. Поначалу удивляло: почему действия, проводимые киевскими сепаратистами на Донбассе, были названы АТО (антитеррористической операцией). Когда каратели отметились во всех местах своего пребывания подлинным террором в отношении мирных жителей, уже не удивляет, ибо каратели здесь не субъект, но объект для наказания. К виску отрицателей Святой Руси приставлен внушительный отрезвляющий «минус». Соответственно, зона АТО должна распространиться на всю Украину, при том, что это уже делается руками самих трусливых карателей, все более определенно одержимых манией преследования, все более определенно сходящих с ума. Их главари (все эти порошенки, яценюки, турчиновы, аваковы и прочие), подобно своим наставникам — Гитлеру с Геббельсом — должны трястись в бункере в ожидании неминуемого возмездия.

По мере увеличения зоны АТО будет шириться партизанское движение, будет усиливаться живительное отрицание анти-России. Террористы, подобно шакалам, будут сбиваться в стаи, тем самым становясь все более удобным объектом для антитеррора.

Христолюбивому русскому воинству, восстающему на Украине против заразы фашизма (ягодки, разившейся из цветочка русофобии), не нужно смущаться, если некоторые еще не одолевшие в себе болезни украинства священнослужители, его осуждают. Русскому христолюбивому воинству не впервой побеждать тех, кого благословляет на войну против русских политически ангажированная иерархия. Во вре-

мя всех русско-турецких войн восточные патриархи молились за султанов, а не за русских Божиих Помазанников, однако их молитвы о турецком оружии были последовательно отвергаемы Христом. Возможно, к их гражданскому патриотизму иногда примешивалось неприязненное чувство к русским, посмевающим воздвигнуть Третий Рим вместо павшего Второго.

Чтобы не наследовать довольно печальную, основанную на зависти (откуда все их проклятия в сторону Москвы) участь, почитающие себя украинцами прежде должны отвергнуть свое украинство, отвергнуть свое подданство Вашингтонскому «султану» и стать русскими, созидателями христианской империи, — лишь тогда они смогут увидеть в нас братьев. Прекрасно понимаю, что это крайне болезненный процесс — отрицать часть своей души. Но не так ли поступает подвижник, сражающийся со всякой греховной страстью? И в первую очередь Русская Православная Церковь на Украине должна стать действительно русской. Это будет весьма непросто, однако иначе нельзя. И чем быстрее пойдет обрусение Православия на Украине, тем быстрее юго-западная Русь избавится от своих тяжелых болезней, тем быстрее свергнет с себя изуверское иго бандеровщины.

Укажем здесь вторую причину, почему не следовало вводить на Украину российские войска. Освобожденные от турок христолюбивым русским воинством балканские народцы оказались неблагодарны к своим освободителям. Почти даром доставшаяся им свобода тотчас была брошена под ноги западным державам. Во вновь созданных странах утвердились немецкие династии, которые окружали лояльные Западу и враждебные России элиты. Поэтому сломать хребет террористам должна сама воскресающая из скелета Украины Русь. Российские же войска могут оказать ей поддержку лишь в случае наглой прямой оккупации со стороны НАТО. По-настоящему драгоценной может быть только свобода, добытая собственными силами. Ее никто не позволит продать, ее никто не отнимет.

Некоторые люди утверждают странные вещи — будто бы украинство есть знамя некой «пассионарности», некой плещущей через край и обновляющей мир энергии, которой русским якобы трудно что-либо противопоставить. Подобные утверждения выдают людей крайне близоруких, которые, заметив на человеке прогрессирующую гангрену, утверждают, будто это не иначе как здоровый румянец.

Готов видеть пассионариев в арабских, турецких и монгольских ордах с VII по XIII век, но только не в «украинцах».

Те народы имели в себе силы для завоевания могучих государств. Эти же, наряду с прибалтийскими нациками,годились и продолжают годиться только для карательных операций. Все их «герои» — дегенераты, от Мазепы до Грушевского и Петлюры, от Бандеры до Яценюка и «Сэмэна Сэмэнченка». Хороши «пассионарии», отгораживающиеся от соседей рвами и колючей проволокой! Хороши «пассионарии», не могущие сделать шага без одобрения из Вашингтона! Хороши «пассионарии», правительство которых чуть не наполовину состоит из иностранцев! Хороши «пассионарии», хозяйственная деятельность которых в основном заключается в выпрашивании на Западе подачек! Хороши «пассионарии», для которых свободная конкуренция с чужой культурой равнозначна смерти!

Всё перечисленное выше — признаки вырождающихся общностей, признаки дистрофиков и кастратов, боящихся умереть от малейшего сквозняка всемирной истории. Таково тепличное растение украинства!

Да и что это за имя? Какая идея в нем заключается? Быть с краю? Стоять на обочине мировой истории? В этом всё счастье? В самом имени содержится отрицание сущности, в нем — метастазы нигилизма, страсть саморазрушения. Отсюда же — мазохистский культ германского национал-социализма, согласно доктрине которого славяне — низшая раса. Почитать орудие собственного унижения не есть особенность здоровой психики. Это есть особенность людей, влюбленных в собственное рабство по отношению к некой «высшей» расе. Таковы же и прибалтийские нацики. Они в определенном смысле — тоже украинцы, носители той же болезни, с некоторыми национальными особенностями.

Уникальную способность украинцев к рабству, разумеется, Запад будет использовать на полную катушку в своей самоубийственной войне против России. Он будет воевать с нами до последнего украинца! Поэтому для всех, даже для Европы, будет лучше, если *украинцы* исчезнут как можно быстрее, но только ни в коем случае не физически (да будет таких смертей как можно меньше!), а для греха, чтобы, преодолев с честью все посланные испытания, воскреснуть для Бога и вновь стать чадами Святой Руси, противостоящей западной фашистской гнили.

Дай же Бог, чтобы нынешние украинцы, умертвив худшую часть своей души, воссоединились во Христе со своим народом, чтобы вновь ощутили себя русскими.

УКРАИНА — ПРОЕКТ ЛЕНИНА

После первой годовщины т.н. «национальной революции на Украине» стоит вернуться к вопросу возникновения этого государства и вспомнить об исторических персонажах, внёсших существенный вклад в его становление. Одним из таких героев считается Степан Бандера — нетленный символ борьбы за независимость украинской державы. В дни антиправительственных демонстраций в Киеве многие люди поднимали на знамёнах изображение своего кумира и его ближайших соратников по Организации украинских националистов. Другой же страстный украинофил остался на обочине истории и в массовом сознании ассоциируется с совершенно другими событиями и исключительно другой страной.

История не всем воздаёт заслуженную славу. Это коснулось и российского революционера Владимира Ульянова, известного всему миру по партийной кличке Ленин, которого по праву можно считать создателем Украины как государства. Именно под его руководством были созданы предпосылки для превращения «украинского вопроса» из заботы местечкового разряда при Царе в крупную болевую точку России сегодня, которая в итоге стала полигоном военного столкновения.

Октябрьская революция была не только концом Исторической России как государства веры и традиции, но и положила начало никогда не существовавшему прежде государству Украина. Впрочем, украинская государственность является не единственным творением приехавших с Запада деятелей революции. Руководствуясь представлением о России как о «тюрьме народов», считая русского человека «подлецом и великодержавным шовинистом», ленинское правительство широко практиковало предоставление территориально-политических автономий разного уровня. Подобная автономизация России на деле вылилась в государственную поддержку сепаратистских движений. Было достаточно

встречи с Лениным, как сделали, например, татарские сепаратисты Б.Мансуров и С.Саид-Галиев, и на карте России появилась никем не прошенная, в том числе и татарским народом, Татарская АССР. Таким образом начало «параду суверенитетов» было положено при коммунистах, а лишь либералы довершили распад великого русского геополитического пространства в годы перестройки.

Коммунисты раздавали территории разномастным сепаратистам на фоне кровавой гражданской войны в России. Однако до самого её окончания неясным оставалось то, в какой форме будет существовать новое государство. По этому поводу в партии большевиков разгорелся жаркий спор, в ходе которого выяснилось принципиальное расхождение позиций Ленина и «специалиста в области национального вопроса» Сталина. «Вождь мировой революции» настаивал на делении территории России по национальному принципу и формировании равноправных советских республик. Будущий же «вождь всех народов» считал, что основой государства должна быть советская Россия, в которую войдут национальные объединения. Ход внутрипартийной борьбы в партии вынудил Сталина уступить Ленину, поскольку в преддверии столкновения с группировкой Троцкого он не хотел терять расположение вождя. В итоге, в конце 1922 года под нажимом Ленина и Троцкого, чьё влияние тогда было непреодолимым, на территории погибшей России было создано новое государство на русофобской основе — Союз Советский Социалистических Республик. В качестве одного из учредителей выступила Украина (УССР), сплывленная из бывшей УНР Петлюры, а также Одесской и Донецко-Криворожской советских республик. Так началась история великого русского раскола между великороссами и малороссами.

Важно обратить самое принципиальное внимание на тот факт, что если учреждение других ССР и АССР можно попытаться оправдать предполагаемым стремлением народов к большей автономии, что, однако, не было замечено в массовом порядке, то создание же «Украины» в рамках советского государства объяснить по такой схеме не получается. В случае «Украины» отсутствовал народ, ради которого якобы создавалась республика.

Говоря о том или ином народе, немаловажно определить, где расположены населёемые им земли. Российская империя официально не признавала существование украинской нации, которая справедливо считалась лишь проектом Польши и других западных государств. Господствовала концепция триединого русского народа, согласно которой рус-

скими считались не только жители Москвы и Петербурга, но и Киева, и Минска. Как же обижаются нынешние «обукраиненные» русские, когда знающий историю человек называет их земли Малороссией! Впрочем, надо не обижаться, а гордиться, ибо термин «Малороссия» означает первоначальную часть России, которая первая приняла Крещение. В состав Российской империи входила вся территория нынешней «Украины», за исключением её западной части. Таким образом, большинство населения этой страны ещё сто лет назад жило в уютной русской гавани вне всяких доктрин о самостийности.

Иначе обстояло дело в австрийской Галиции, в которой ещё с конца XVI века стала насаждаться уния с Ватиканом. Однако документы и факты говорят, что и в австрийских землях украинцев как нации не обнаруживается, там было угнетаемое поляками униатское население. К сожалению, в России господствует точка зрения, согласно которой Западная Украина (которую во многом образует Галиция) всегда враждебно относилась к России. Это во многом не соответствует действительности, если вспомнить, что в начале XX века Львов был центром русского движения в Австро-Венгрии. Крестные ходы тамошних русских людей каждый год прорывались через границу в Почаевскую лавру, в самом Львове издавались газеты на русском языке, например, «Галичанин» и «Червона Русь». Таким образом, мы вправе считать, что в начале XX века «украинство» не было отдельной нацией, а лишь представляло собой своего рода проевропейские политические взгляды части населения австрийской Галиции. Примерно так же можно сегодня определить цвет «украинской нации» — стояльцев в Киеве, выкрикивающих лозунги за единство с Европой при полном молчании большинства населения страны.

Таким образом, на момент создания УССР украинский народ как субстанция отсутствовал. Эту мысль подтверждает русский мигрант Николай Ульянов. В фундаментальной монографии «Происхождение украинского сепаратизма» он пишет, что в отличие от других случаев сепаратизма на Украине «сначала обнаружилось стремление к отделению и лишь потом стала создаваться идейная основа как оправдание такого стремления». Другими словами, сначала возникли интеллектуалы, мечтавшие об украинском государстве, и лишь потом началось создание украинского народа.

Вопрос об отсутствии «титულიной нации» в УССР был решён просто и по-большевистски — её необходимо было создать. В значительной мере этому способствовал XII съезд

партии, на котором было принято решение о начале политики коренизации. Эта политика предполагала преодоление выдуманного коммунистами «великодержавного шовинизма» через привлечение в партийный аппарат местных кадров. На Украине эта политика получила название «украинизации». Надо ли говорить, что на деле эти преступные действия вылились в изгнание русских с руководящих постов в т.н. «национальных республиках».

Когда читаешь советские документы той кровавой эпохи, обнаруживается поразительный парадокс. Складывается устойчивое впечатление, что власть в России захватили не чуждые всяким национальностям и «национальным предрассудкам» коммунисты-интернационалисты, но, наоборот, чуткие националисты. С поразительным трепетом советская власть отстаивала интересы украинского сепаратизма. И чем больше революционеры шли на уступки, тем больше они предавали Россию, разрывая не только страну на федералистские клочки, но и саму общерусскую национальность.

Фактически коренизация положила начало созданию первой в истории украинской элиты. На всей территории УССР так и не было определено юридическое положение русских. Насаждался украинский язык, на развитие которого советское правительство выделяло приличные средства. Была даже придумана новая форма написания слов, благодаря чему украинский язык приобрёл графическую самостоятельность. Без знания этого придуманного русско-польского языка в 1920-е гг. отказывали в приёме на работу.

К 1926 году настала необходимость провести перепись населения СССР, которая отразила первые результаты преступной политики «украинизации». Гражданин мог выбрать только из двух вариантов — русский или украинец. Право назвать себя малороссом отсутствовало. Учитывая притеснения русского языка в 1920-е гг. на Украине, многие русские малороссы предпочли формально записаться украинцами, что впоследствии для их детей уже переставало быть формальностью.

Создание Украины, пусть на правах республики и в составе союзного советского объединения, но всё же отдельного государства, перечеркнуло усилия наших предков в борьбе против польского католического гнёта в Малороссии в XVII веке и отменило результаты Переяславской Рады, когда жители Киева сказали: «Волим под Царя Московского православного». Коммунисты дали выпестованным поляками и австрийцами «украинским» сепаратистам самое главное — государственные границы, фактически воплотив в жизнь

мечту европейских государств о расчленении России, о создании буферного государства между Россией и Европой. Пусть это разделение пока носило внутренний характер, но уже любой униат или подкупленный Веной украинский писатель вроде Грушевского мог взглянуть на карту и показать точные границы «своей страны».

Однако Ленин не ограничился юридическим отколом русских земель от России. По его настоянию, к новому государственному образованию были присоединены Криворожье, Запорожье, Донбасс, Харьков, жители которых никогда даже не слышали об идее «украинства». Представьте, с каким недоумением мы бы восприняли весть о том, что украинский язык является государственным в некоторых областях центральной России, например в Брянской, Курской и Белгородской. А ведь именно такая судьба постигла жителей Новороссии, земли которой коммунистическая власть отдала на откуп украинским сепаратистам.

Коммунисты оказали украинскому национализму ещё одну неоценимую услугу. Уничтожив мыслящих людей, советская власть сумела убедить русский народ в существовании народа украинского. В качестве обрамляющей рамки даже выдумали миф о дружбе народов, который надолго усыпил бдительность всех слоёв русского народа в отношении разрушительных процессов на Украине.

Так зачем же Ленин создал Украину? Современные коммунистические идеологи не любят вспоминать о подробностях создания СССР, очевидно, понимая, что списать создание УССР на мифический рост сепаратизма в Малороссии не получится. Во-первых, в таком случае невозможно объяснить насильственную украинизацию. Во-вторых, если бы создание советской Украины в качестве республики было бы вынужденной мерой, вряд ли бы советское правительство стало опекать разного рода русофобов вроде Михаила Грушевского — основоположника концепции разного происхождения и исторического пути «Украины» и России. Напомню, что в конце 1920-х гг. Грушевский стал академиком АН СССР, а сегодня его именем наречена улица в Киеве, которая стала местом столкновений в дни недавнего противостояния. Удивительные параллели хранит история. Вписать ленинские деяния в административно-территориальной сфере в патриотическую концепцию нынешних коммунистов очень трудно. Зато преступное создание УССР вполне сочетается с убийством Царя, гонениями на Церковь и казачество, уничтожением крестьянства, т.е. желанием ослабить Россию как можно сильнее во всех сферах, в том числе в территориальном аспекте.

Итак, мы видим, что украинский вопрос есть национальная трагедия России и русского народа. Преступное создание Украины и отделение её от России ознаменовало начало долгого марафона украинизации этих русских земель. В первые годы советской власти наступление «украинства» на территории УССР было тотальным, но уже к концу 1930-х годов Сталин принял решение о сворачивании этой программы. Тем не менее «государство» УССР уже существовало, а украинский язык продолжал упрочивать позиции в народе, пусть и не такими темпами, как при Ленине. Со временем сформировалась и национальная элита Украины, которая, в конечном счёте, в лице Кравчука приняла непосредственное участие в демонтаже хрупкого советского государства. Можно сказать, что советская власть «выносила» украинский национал-сепаратизм, словно мать носит дитя. После родов 1991 г. украинская идеология вышла из материнской утробы, попав под пристальное внимание западных стран. Безусловно, неокрепшее государство, сотканное из разных исторических территорий, с весьма сомнительным по происхождению «украинским» народом не смогло бы выжить без поддержки. В сложившейся ситуации материнским молоком нынешней Украины стали транши из западных банков, а «украинство» вновь, как и столетие назад, оказалось эффективным инструментом Запада в борьбе против России. Разница состояла лишь в том, что теперь западные страны могли сделать ставку не на кучку сепаратистов, а на целое государство с «обукраиненным» русским народом. Жутко становится от той мысли, что государство это было создано не традиционными противниками России — поляками, германцами или американцами, а «нашими» коммунистическими предателями.

Пренебрежение уроками истории приводит к печальным, а порой и к совсем удивительным последствиям. Например, волнения на Украине в ходе т.н. «национальной революции» вылились в массовое уничтожение памятников Ленину. Революционеры на Майдане забыли, что объект их ненависти, которого они ошибочно считают символом влияния русских на Украине, создал украинскую государственность и внёс решающий вклад в распространение украинского языка. Очевидно, местным националистам их духовные отцы из УГКЦ не объяснили, что именно попираемый Ленин, а отнюдь не чтимый Бандера подарил Украине границы на востоке, скроив новое государство из русских земель Новороссии и Малороссии. Если уж им говорить о ненависти к «москалям» и крепить на рукавах гитлеровские нашивки, то надо

и добрую память о русофобе Ленине сохранять. В противном случае украинское политическое самосознание выглядит шизофреническим. Что касается патологической русофобии основателя СССР, то Господь завещал судить человека по его плодам, а гнилые плоды преступной ленинской политики в сфере административно-территориального деления и политики украинизации народы России и Новороссии пожинают до сих пор.

Роман ИЛЮЩЕНКО

УСПЕТЬ СТАТЬ РУССКИМИ

То, что произошло на незалежной Украине, где всего за 150 лет родился «новый» народ, должно стать сигналом тревоги и уроком и для нас — то ли русских, то ли россиян, то ли всё ещё советских?

Но что нам эти чужие полтора столетия, если мы сами, ещё сто лет назад бывшие подданными одного Государя, носителями общей великой культуры и хранителями единой веры и языка, так и не осознали масштабов произошедшей катастрофы, не поняли истинных целей её закулисных организаторов! «Разрушалась Россия сознательно, — писал обер-прокурор Святейшего Синода князь Н.Д. Жевахов, — и ее развал явился не результатом теоретических ошибок и заблуждений идейных борцов революции, желавших взамен дурного старого создать что-то лучшее и новое, как думали и продолжают даже теперь думать незрелые люди, а выполнением давно задуманных, гениально разработанных программ, обрекавших Россию на вымирание».

Революция была направлена не столько против монархического правления или буржуазно-демократического строя, носила не декларативно-классовый или социально-экономический характер марксовских реформ, но была своим остриём нацелена против одного из самых мощных, трудолю-

бывых и высокоорганизованных народов на земле — русских. Их численность (вместе с малороссами и белороссами) быстро росла, составляя к началу XX века более 80 миллионов человек. Россия тогда в чём-то походила на сегодняшний Китай — независимый, быстрорастущий, успешно развивающийся, экономически и политически очень активный, опирающийся на традиционализм и национальную идеологию. Создал на 1/6 части суши огромную и мощную Империю, ставшую центростремительным объединением для других народов, в первую очередь славян, русские в своем подавляющем большинстве были и носителями православной модели (матрицы) поведения — единственной, серьёзно конкурирующей одухотворенной идеей, не вписывающейся в планы масонов-глобалистов, стоящих за спинами революционеров.

Отличительная суть любого народа, согласно открытию русского ученого социолога Н.Я. Данилевского, является единство для всех его носителей одного языка, общей культурно-исторической доминанты и веры. Это значит, что у народа, считающего себя единым, есть общий корень: связывающий всех общий смысловой и понятийный аппарат — язык (ибо люди даже мыслят языковыми образами); есть вера — общая сакральная, одухотворенная связь триединства между незримым Небом (будущим), требующей о себе каждодневной заботы землёй (настоящим) и безвозвратным, но не забытым прошлым — Историей. На этом «фундаменте» базируется испокон веков стабильность родословия народов. «Нация, — писал другой русский писатель, И.Л. Солоневич, — есть не только настоящее, но есть и прошедшее, и будущее. И что, следовательно, всякое данное поколение только наследует имущество отцов и дедов — с тем, чтобы передать его детям и внукам. Данное поколение — только одно из звеньев в общей цепи — нации». «Мы — всего лишь третья часть нации, притом наименьшая, — словно вторит ему современник, другой известный русский публицист М.О.Меньшиков. — ...Мы всего лишь делегаты... бывших и будущих людей, мы — их оживленное сознание, — следовательно, не наш эгоизм должен руководствоваться нашей совестью, а нравственное благо всего племени».

Прекрасно зная эти закономерности, именно с целью разрыва этой цепочки поколений и были предприняты конкретные меры по дерусификации сознания русского народа. Первым атаке подвергся язык. Трудно рационально объяснить, почему один из первых декретов советской власти — в декабре 1917 года — вносил изменения в русскую грамматику и орфографию, изгнал из букваря выполняющие специфичес-

кую, сакральную функцию «яти», «еры» и другие буквы алфавита, дарованные нам просветителями славян, братьями Кириллом и Мефодием. А затем русский язык наводнил изуродовавший его новояз, вперемежку с получившим негласное одобрение властей матом — языком освобожденного пролетариата, численность которого составляла тогда не более 7% населения России. Быть может, лучше всего эти странности пояснил Г.Лебон — известный французский психолог и социолог, которым зачитывались и Ленин, и Гитлер: «Когда после разных политических переворотов и перемен религиозных верований в толпе возникает глубокая антипатия к образам, вызываемым известными словами, то первой обязанностью настоящего государственного человека должно быть изменение слов».

Логически необъяснима и ярая атака, предпринятая большевиками на веру и Церковь, которая первыми же декретами была отделена от государства и уже потому не могла претендовать на власть, к тому же большинство архиереев поддержали республиканскую, демократическую форму правления. Это не спасло ни толерантных пастырей, ни храмы, которые подверглись уничтожению, разграблению и осквернениям. Из 48 тысяч православных храмов к концу 20-х гг. осталось чуть больше половины, только в 30-е годы было репрессировано свыше 45 тысяч священнослужителей. Не меньшему разгрому подверглось также историко-культурное и духовное пространство России. История как наука была фактически запрещена, а возродилась уже в 30-е годы как специальный отдел политпропаганды при ЦК партии. Культура и классическое образование подверглись зачистке и купированию, а традиционно сопутствующая им в России духовность извращена или загнана в подполье. Вот типичный пример литшедевра того времени, принадлежащий перу одного из видных пролетарских поэтов Д.Алтаузену, кавалеру ордена Красного Знамени: «Я предлагаю Минина расплавить,/ Пожарского. Зачем им пьедестал?/ Довольно нам двух лавочников славить,/ Их за прилавками Октябрь застал./ Случайно мы им не свернули шею./ Я знаю, это было бы под стать,/ Подумаешь, они спасли Расею./ А, может, лучше было не спасать?»

Всё это делалось с целью воспитания нового человека без каких-либо предрассудков, разорвавшего все связи с прошлым, — «ивана, не помнящего родства». Для этого и требовалось лишить его своих корней, чтобы потом пересадить на новую, удобренную идеями пролетарского интернационализма почву. В БСЭ о коммунистическом воспитании говорится: «Коммунистическая мораль служит разрушению старого

общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, строящего коммунизм».

Но никому не дано право нарушать законы мироздания! «Без участия прошлого не формируется никакое настоящее, а всякое будущее основано на сегодняшнем настоящем», — предупреждал И. Солоневич. Вот мы сегодня и получили вместо естественной «цепочки», связывающей все поколения русского народа, порванную в нескольких местах ржавую «цепь» — то ли якорную, тянущую нас на дно мрачного праславянского язычества, то ли рабскую, держащую нас в плену замутнённых, чуждых уму и сердцу марксистско-ленинских догм...

Однако, несмотря на все усилия врага, правда, истина, находит дорогу в сердца русских людей, постепенно пробуждающихся от долгой спячки. Народу вернули веру и производное от нее Слово, что положило начало «второму крещению Руси»; возвращаются к нам, словно из небытия, овеянные славой военные победы России, подлинные Герои Отечества, державные лидеры, забытые и оклеветанные национальные символы, традиции, песни, художественные произведения. Благодаря этому, приходит и запоздалое понимание, что же произошло на Украине, где теми же силами сеялась в сознании людей смута, направленная на отрыв их от русских корней. Стать украинцем означало перестать быть русским. Символом такой печальной политики стал памятник Тарасу Шевченко, установленный в 1939 году в Киеве на постаменте, принадлежавшем раньше Русскому Императору Николаю Первому — главному «обидчику» Кобзаря. «Таким образом, — отмечает писатель и публицист Ю.Ю. Воробьевский, — «хуторянский поэт» уже после своей смерти осуществил заветную мечту — сверж москальского царя!» Что интересно, при оккупации Киева немцами памятник этот, в отличие от других, нисколько не пострадал.

Печальный украинский опыт может и должен помочь нам самим вернуть себе утерянную память. Ведь прежде чем пытаться образумить соседей, призывая их вернуться к общим культурным, духовным и лингвистическим истокам: «услышать» голос крови, надо прежде самим стать русскими!

Делать это надо как можно скорее, не только глядя на запад, но и оборотившись на восток, где в ходе последней переписи населения выяснилась негативная тенденция: довольно значительная часть русских людей, пользуясь предоставленным правом, назвала себя на вопрос о национальной принадлежности, где-то казаками, где-то поморами, а где-то сибиряками...

ПОЛОВЕЦКИЕ ПЛЯСКИ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСТВА

Ритмические подскоки толпы под кричалку «хто нэ скачэ, той москаль» в последний год стали озвученной, живой картинкой украинства. К слову, именно украинства, не украинцев. Первое отличается от вторых в такой же степени общих признаков, как группа охваченных опасным психопатическим недугом от здоровой части общества. Но стремительный рост инфицированных вызывает обеспокоенность. Эпидемия налицо в стране многолюдной и обширной, с неофициальным пока названием Евроукраина. Противники переименования опасаются, что новое имя будет воспринято, как «окраина Европы» (знов «з краю»!), и предлагают вариант — «Цэевропа».

Наконец перейдём к нашим половцам. Они мной не с потолка взяты. Половцы (тюркский степной этнос и родственные ему печенеги, торки, берендеи, др.), по Л.Н.Гумилёву, принимали длительное и результативное участие в этногенезе коренных насельников Южной Руси, впоследствии названных украинцами. Влияние на русов Поднепровья степных соседей оказалось много большим, чем золотоордынцев на окско-волжскую, московскую Русь. Вот доказательство: невзи-

рая на «250-летнее иго», в русский язык проникло в 4—5 раз меньше (!) тюркских слов, чем в украинскую мову без «ига», и среди них такие родные, как «кохана» (любимая) и «ненька» (маменька). Ну а слово «майдан» стало международным. Даже своего любимого (т.е. «коханого») поэта украинцы нарекли Кобзарём — по названию половецкого струнного инструмента.

Только одно языковое влияние — не столь существенно на изменение ментальности народа. В современной украинской мове до 3000 слов польского происхождения (каждое второе общеупотребительное), тем не менее среднестатистический украинец и поляк не одно и то же. Отличается потомок легендарных укров, несомненно, и от русского, великоросса (к этому отличию я ещё вернусь). Так значит, это и есть оригинальный естественный украинец — безумно скачущий представитель общерусского корня? Не имея живых примеров для сравнения, мы с этим соглашаемся. Но каждый, кто знаком по исторической литературе с «половецким типом», может убедиться, что тот «тип» не вымер. Он сохранился в поколениях украинства, а в нынешнем — возродился в наибольшем приближении к изначальному образцу.

Внедрение «половецкого типа» в предков нынешнего украинства ускорило после правления Владимира Мономаха, за 100 лет до нашествия Батыя. Тогда происходил массовый исход населения южной (поднепровской) Руси, терзаемой половецкими ордами, на безопасный север, за Оку, в плодородное Ополье, где было достаточно пахотной земли и строевого леса, обильного промысловым зверем, мёдом, воском, пенькой. Там брали начало полноводные рыбные реки, стекающие к Балтийскому, Белому, Чёрному морям, к Азову и Каспию, являя собой летом и зимой надёжные дороги. Они укоротили путь из Балтики в Персию и Индию.

Владимир-на-Клязьме, при правлении Всеволода Большое Гнездо, задолго до Москвы сделал решительную заявку на собиране русских земель, растерянных Киевом. Это великое княжество защищали от сильных врагов не оборонительные сооружения, а расстояния и внутренний добротный каркас. В мирной тишине, в добром единстве власти и народа процветали ремёсла, каменное строительство. Полезные ископаемые, рудные и другие, удовлетворяли хозяйственные потребности. Здесь были редки губительные для юга засухи. Хлеба выращивалось столько, что и 300 лет спустя, когда число жителей Окско-Волжского междуречья удесятерилось, иностранцы изумлялись скирдам зерновых, которые не успевали обмолачивать. Для всякого, кто бежал с опасных «украин» от смерти и невзгод, Северо-Восточная Русь представлялась землёй обетованной. Позднее «свидомое украинство», с лёгкой руки полонифила Франтишека Духинского, станет описывать её как

угрюмый, голодный край лесных чащ и болот, населённый дикими финнами. Известно, зависть — удел нищих душ.

Пришлые двигались с полуденной стороны волнами после каждого крупного поражения от половецких ханов недружных между собой Рюриковичей. Вскоре переселенцев стало больше, чем местных славян (вятичей и кривичей в основном). Вместе они в 200—300 раз превосходили количественно туземцев финского происхождения. Те, будучи охотниками и рыбаками, уходили от землепашцев всё глубже в заболоченные леса северо-востока. Поэтому генный анализ, проведённый недавно англо-эстонско-российской экспедицией, не выявил ни малейшего финского следа у коренных жителей Центральной России (исключение составили поморы). Наоборот (по заключению экспедиции), жители Московско-Смоленской, Валдайской и Среднерусской возвышенностей, Поднепровья, Подолии, белорусы, часть литовцев и поляков представляют собой единый восточноевропейский антропологический тип. А тюркского в них не больше, чем у германцев (у тех — от Аттилы). Общего «украинского антропологического типа» вообще не существует. У галичан, например, кельтского больше, чем славянского, что объясняет и поведенческую особенность украинских «западэнцив». Ведь ни одному кельтскому этносу (будь то галлы, галисийцы, гэллы, «наши родные» галичане) не удалось создать в Европе сколько-либо стабильного государственного образования. Всюду они «присасывались» и, «присосавшись», в новой среде, изменяя её своей ментальностью, «рассасывались». Так, в далёком прошлом, галлы стали французами; так сегодня галичане, пожирая изнутри русскую душу исторической области Украины, под чужим именем, чужими руками, из чужого материала создают своё, враждебное Русскому миру государство.

Конечно, лёгкость, с которой этот процесс вершится, в первую очередь обеспечена недальновидной политикой современной России. Но и сам «материал», попавший в руки «западэнцив», оказался податлив, лишённый такого важно-го признака русскости, как предпочтение государственного интереса всем иным, общего — над частным. Это один из заметных отличительных признаков русского человека от украинца. Вообще, Кучма прав: Украина — не Россия. Безымянный автор статьи «О промыслительной непобеде Игоря Стрелкова над Украиной», на мой взгляд, верно подметил «окраинность украинской ментальности»; она оторвана от власти. Украинец надеется на самого себя, мечтает не о справедливости во всем мире, а о мире «в садку вышнэвому коло хаты». Он часто прикидывается простачком и добряком и всегда готов решать проблемы по-хорошему, не готов идти до

конца и умирать за какие-то идеалы. Русский человек хочет заставить украинца летать, в то время как тому неплохо и на земле. Русский живет завтрашним светлым днем, а украинцу хорошо в сегодняшнем, какой есть. Русская идея упирается в справедливого царя, идея украинца упирается в большой огород. Так иронически рассуждает неизвестный автор. И ещё (без иронии): на востоке Украины главная проблема между людьми — зависть и стадность; «феноменальная оболваненность пропагандой говорит скорее об отсутствии подлинных духовных ценностей, исторических императивов. Суррогаты легко заполняют вакуум, но этот вакуум состоялся по вине России. Россия не умеет пропагандировать. Россия может только воцерковлять». Вот так!

Видимо, выработка своеобразного украинского менталитета началась в ослабленном физически и духовно населении южных княжествах — Киевском, Переяславском, в порубежных с Диким (половецким) полем частях других феодальных владений при «великом исходе» во второй половине XII века. Ведь кто снялся с насиженного места и двинулся на север, вверившись неизвестности? — Люди неординарные, инициативные, способные сопротивляться неблагоприятным обстоятельствам, непокорные и решительные, страстные, энергичные, верящие в свои силы подняться на пустоши. Пешие и конные, на волах, тысячные толпы землепашцев и ремесленников, с пожитками, орудиями труда, с женами и детьми, со священниками своих приходов, с книгами уходили в мирные края от половецких стрел и арканов. Достигнув намеченной цели, переселенцы бок о бок со старожилами, начинали распахивать лесную целину, строить веси и города, которым давали дорогие сердцу названия, принесенные с юга: Киево, Галич, Звенигород, Вышгород, Стародуб; безымянным водотокам — Лыбедь, Почайна, Ирпень, Киевка. Что знаменательно: буквально вся древнерусская литература, включая «Слово о полку Игореве», богатырские былины, заветы на юге, сохранились только к северу от Оки, за 55-й параллелью. Настолько сильным оказался духовный упадок тех, кто остался жить на Днепре и его притоках, в верховьях Южного Буга и Днестра, в постоянном страхе перед степняками. Страх этот достиг такой степени деморализации, что ещё Владимир Мономах замыслил пополнять гарнизоны пограничных укреплений «непугаными северянами».

Станным может показаться, что, собираясь в дорогу куда глаза глядят, «древние украинцы» (как называют новые украинцы своих предполагаемых предков) забыли прихватить с собой... украинский язык. Да, говоры пришельцев с юга оказали влияния на говоры северян, но даже следов **отдель-**

ного языка переселенцев нет ни в литературном и канцелярском языке заокской (московской) Руси, ни в одном устном или письменном произведении, созданном на днепровском юге, на Киевщине. И не менее удивителен факт полного отсутствия произведений на местах их создания. Даже в фольклоре украинцев не осталось ни отрывка, ни строчки из поэм, подобных «Слову», из богатырских былин.

Так в чём причина? Первая, умозрительная, — в самих украинцах, о которых тогда (между нами говоря) не было ни слуху, ни духу. Следовательно, **не было украинского языка**, и местное население разговаривало на южнорусском наречии, понятном и на берегах Белого моря. Вторая причина (реальная) — в половцах же! До середины XIII века они были тормозом хозяйственного и культурного развития южных княжеств Рюриковичей, Божьим бичом православных. Нашествие Батюга, вовлекло половцев в монголо-татарский поток. Они стали его основной силой и практически обезлюдили степное Причерноморье до границы лесов. Папский нунций Карпини, проезжая в Каракорум через разрушенный в 1240 году Киев, видел вокруг только горы скелетов и запустение. На сотни миль ни дыма, ни других признаков жилья. Уцелевшие от погромов таились в норах речных обрывов, в лозняке водных низин, в балках и рощах, бежали преимущественно на Запад, под защиту польского короля, ибо и Заокскую Русь наследники Чингисхана превратили в сплошное пожарище.

Когда потомки беглецов стали постепенно возвращаться с тощих суглинков перенаселённого Запада на тучные чернозёмы прародины, они находили там легендарный Киев, превращённый в заштатный городишко, и редкие селения вокруг. Их жители по-прежнему разговаривали на южнорусском наречии, а возвращенцы «мувили» на подобии польского «янзыка». При общении тех и других постепенно выработывалась речь, которую впоследствии назовут украинской мовой. И хотя хранители древних знаний и мудрости в Киево-Печерской лавре продолжали говорить и писать так, как Нестор-летописец и автор «Слова», не они, ввиду своей малочисленности и оторванности от масс, стали просветителями народа, попавшего в вассальную зависимость от польской и литовской корон. Народ жадно внимал бродячим певцам, которые под звуки кобзы исполняли «думы», сочиняемые ими не на общерусском книжном языке, а на понятной всем разговорной мове. Этими думами и зачали «окремую» от общерусской украинскую литературу, начисто забыв всё, созданное за предшествующие века. Кто такие были богатырь Илья Муромец и Ярославна, чей плач когда-то разносился по Руси со стены Путивля-града! И былины и «Слово»

теперь надо переводить на мову. «Мэшканцям» киевского Подола, под Литовским замком, тот язык стал чужим, его понимают «москали» и новгородцы, жители далёкого Беломорья. А здесь, под южным солнцем, появились свои народные герои — казаки, степные «лыщари» Мамай, Байда, Голота. Их воспевают понятными на Днепре словами. Они вызваны к жизни самим временем.

Действительно, и для Поднепровской Руси, для Подолии наступило время пассионариев. Ни Вильнюс, ни Краков с Варшавой, разделившие между собой большую часть киевского наследства, не смогли оградить свои южные владения от опустошительных набегов половцев, сначала как золотоордынской составляющей, затем совместно с крымскими татарами. А может, не хотели, посчитав, что дешевле лишиться части православных подданных, чем строить вдоль границы со степью оборонительные линии и заводить полевую артиллерию, как это сделал Иван Грозный, когда в сражении с крымчаками при Молоди московские «пушки решили всё» (цитата из европейской хроники).

Земледельческое сообщество Поднепровья, фактически брошенное католическими хозяевами на произвол судьбы, стихийно ответило на смертельный вызов Дикого поля. И, как теперь говорят, ответило адекватно. Оно противопоставило половецкой орде орду же (лишь по крестикам на шеях православную), воспитываемую в духе половецкого исторического опыта, половецки организованную. Образ жизни, приёмы поведения — всё заимствовалось у степняков. Эта славянско-православная (по происхождению) орда самоназвалась запорожскими козаками (запорожскими казаками) по месту постоянного нахождения. Здесь отмечена наибольшая концентрация слов из тюркского лексикона: тот же козак, отаман, куринь, кош, майдан, килым, кавун, казан, бугай, байрак, могорыч и сотни других. Отсюда ростки ментальности современного украинства.

Если бы Запорожское казачество, приняв образ оборотней, зачистило Дикое поле от кочевников и, выполнив миссию защитников православного люда, вернулось к прежнему образу жизни, свойственному славянам — христианам восточного обряда, то пребывание казаков среди агарян можно было бы оправдать стратегическим манёвром. Но в том-то и дело, что они не столько преуспели в замирении Дикого поля и Крыма, уже как иррегулярное войско русских царей, сколько в **перевоспитании малороссов-украинцев по образу своему и подобию, то есть в половцев**. Начав с себя самих, запорожцы не ограничились ролью защитников родной земли. Всё чаще стали действовать как неразборчивые добытчики и как наёмники то польского короля против царя, то на оборот; или вместе с тем и тем против басурман, нередко в со-

юзе с Бахчисараем грабили земли католиков и православных, униатов-галичан. Доходило до того, что, оказываясь в должниках у татар, позволяли им грабить и уводить в плен на невольничьи рынки своих же, мирных малороссов. В конце концов казачья старшина убедила Варшаву вписать отборных (а вернее, отобранных ими) казаков в особый служебный реестр. Так был сделан первый шаг «степного лыцарства», особой военной касты Речи Посполитой, к сближению с шляхетством. Но гоноровая шляхта ревниво держала дистанцию между собой и «беспорточной гольтьбой», чем была между грабежами разночинная вольница, оставлявшая трофеи в шинках. Для неё стало идеей фикс добиться дворянских привилегий. Ждали только благоприятного момента.

Занять особое положение в сознании жителей Южной Руси запорожское казачество смогло не только в силу своей исключительности как живое воплощение всем желанной воли, как гарант безопасности. Богдану Хмельницкому удалось «оказачить» всю Малороссию ещё до Переяславской Рады. Гетман и не помышлял о всенародном восстании. Оно началось стихийно в 1648 году, когда чудовищное польское крепостничество довело малороссийский народ до взрывообразного бунта. Реестровые вдохновились: настало для них время добыть вожделенные привилегии саблей. Разумеется, восставшее простонародье признало своим авангардом и командирами проверенных в боях запорожцев. Те за годы освободительной войны решительно ликвидировали, куда только дотянулась мстительная рука, польскую администрацию. Паны полковники, сотники, есаулы, другие казацкие начальники заменили изгнанных чиновников Речи Посполитой. Над всеми в освобождённом крае стал гетман Войска Запорожского с Войсковой канцелярией, управляя на местах через старшину. Малороссия со всеми условиями, городами и сёлами превратилась в эдакое Большое Запорожье, разделённое наподобие комендатур.

Дух половецкого поля окутал Левобережье. До учреждения «Малороссийской коллегии» в 1722 году, царская администрация допускалась сюда с большими трудностями. Во времена смут и гетманских измен её вообще не было. Московское правительство довольствовалось номинальным пребыванием Левобережья в составе Российского Государства. Местные налоги шли в гетманскую казну, которую разворовывали высшие чины канцелярии. Особенно одарённым и ловким казнокрадом оказался гетман Мазепа (он же великорусский помещик, владелец недвижимости в Первопрестольной, до поры, до времени любимец Петра) — икона нынешней Украины. И образ украинства, к слову. Если Москва пыталась сдерживать казацкую верхушку от своеволия и воровства,

свободолюбивое панство истерически призывало на помощь татар или поляков. Здесь уместно отметить, что ни царь Алексей Романов, ни его сын Пётр Великий также не пошли на встречу реестровым в их мечте о шляхетстве. И тем самым получили массу проблем, труднейшей из которых стала Руина. А вот Екатерина II (немецкая голова!) быстро разобралась в природе запорожской фронды и, приравняв казацкую старшину к российскому дворянству, понизила почти до нуля градус недоvolьства — до ворчания по углам. Правда, новые аристократы, в отличие от старого благородного сословия империи, служению отчеству предпочитали все те же «садки вышнэви» (теперь «коло панських маеткив») и ради «прибутку» выжимали все соки из крепостных — потомков тех самых, которых степные «лыцари» гетмана Богдана освобождали от польского ярма.

Когда не стало ни запорожцев, ни гетманов, в просвещённом малороссийском обществе, вновь сильно ополеченном присоединением Правобережья и Царства Польского к Российской империи, появилась написанная прекрасным русским языком фальшивка «История Русов». Она всколыхнула малороссийскую ностальгию по золотым временам казацкой вольности. С векового расстояния различались лишь романтические штрихи скачущего на степном скакуне чубатого всадника с кривой саблей — то ли казака, то ли половца... Да какая разница?!

Половецкая ментальность, как вирусы, найдя благоприятную среду, с изначальной выразительностью проявилась в воинствах Махно и Петлюры. Нигде на территории Гражданской войны 1918—1921 годов не отмечено столько изошрённой жестокости, сколько на Украине. Половецкие «скачки» под известную кричалку кажутся смешными, пока не переходят в сожжение живьём инакомыслящих, как это случилось в Одессе 2 мая 2014 года и пока из танков Порошенко не ведётся «развлекательный» огонь по домам мирных жителей.

Такое поведение украинства объясняется врождённым ему «чувством зрады»: как бы повыгоднее продать себя. Это объединяющее украинцев чувство проявилось во всей «героической» Малороссии. Руководствуясь не идеей «незалежності», но идеей перехода из одного подданства в другое, гетман Хмельницкий до конца своих дней так и не стал приверженцем окончательного выбора. Присягая царю перед святым Евангелием в 1654 году, он тайно для Москвы становился двоedanником, ибо четырьмя годами ранее принял от Стамбула «штуку златоглавую» и кафтан с плеча наместника Пророка на земле. Защитник православных «возложил на себя» эти мусульманские регалии как «верный данник» султана. Тот кафтан был на нём спустя 4 года, на исторической Раде,

под московскими соболями... «Царь турецкий в золоте и аксамите нас водить будет», — мечтала старшина и пугала подчинённых перспективой переобувания в *москальские* лапти. Видимо, чтобы не выглядеть двоедушным, гетман одновременно проявил «троедушие» — до конца продолжал тайные переговоры с польским королём (католиком!) о возвращении под его испытанную, милостивую руку. Заодно предводитель запорожцев заигрывал с королём Швеции, помогая его лютеранам (!) захватывать польские города, за которые кроваво билась Россия, вступив в тяжёлую, не ко времени, войну с Польшей, дабы спасти Хмельницкого от неминуемого краха, что показали последние поражения повстанцев.

Перенесёмся в годы «незалежности» (1991—2015). Проблемой из проблем для свидомого украинства стал свалившийся на голову «сувэрэнытэт». Ведь как изначально повелось на Сечи? Сначала изменить одному партнёру, затем отдаться другому. А тут привычная цепочка нарушена: некому вроде бы изменять! А так хочется — внутренний голос из половецкой ментальности соблазняет. «Незалежность» со всех сторон обступила, не даёт сыграть традиционное действие по полной программе. Но недаром бытует выражение «хитрый хохол». Нашли-таки выход — изменить самим себе: своей русской природе, исторической памяти, предкам, оставшимся в общей Руси, когда столицей был Отец Городов Русских, и Руси Малой, вырванной по кускам всем русским миром у иноземных владельцев. Изменить всем добровольным и умелым строителям империи и СССР, их доблестным защитникам, Православному Богу и собственной совести. Вопрос же, кому отдаться, не стоит. «Водить будет» в натовских сапогах (решили на Днепре) самый нынче сильный, самый богатый... Догадайтесь, кто!.. А дальше что? На что надеется украинство? Отдельного государства половцы так и не создали: не по Сеньке Шапка Мономаха! Вся их энергия была направлена на то, чтобы разваливать, ослаблять соседей. Куда конь с копытом, туда и рак с клешнёй. Четыре украинских президента за 23 года развалили до основания самую крепкую экономику в СНГ, подготовили гражданскую войну, свели армию до уровня ватаги уличных драчунов, потеряли часть территории и много вдобавок свершили удивительного. А для чего? Чтобы Обама наложил санкции на Россию. Такая вот «выгода».

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2015 г.

(Январь — апрель)

Сразу после Нового года в Одессу вошли вооруженные подразделения «нацгвардии». Начались зачистки населения и «усмирение города».

На наших глазах усилием Европы и Америки создается аналог нацистской Германии. Инакомыслящих хватают на улице, избивают или бросают за решётку. Артистов, солидарных с Россией, не допускают до сцены, третируют в СМИ. На телевидении всё российское блокируется и оскорбляется. Это даже похлестче, нежели было в нацистской Германии, потому что гораздо беспардоннее, злобнее, истеричнее, а чаще всего — смехотворнее. Недаром говорят, что в истории всё повторяется в виде пародии.

Хохлам еврейская хунта позволила распоясаться, и те, почуяв безнаказанную волю, кинулись во все тяжкие, извергая из себя всю свою генетическую злобу, изливая на «москалей» всю свою копившуюся веками местечковую, украинную неполноценность, пытаясь хоть так, через

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

самовосхваление, поднять себя в собственных глазах. Но распоясавшаяся злоба не дает им удовлетворения и требует всё новых и новых поношений «москалей» и новой крови «пособников русских оккупантов». А хунта потирает ладошки: не знающая удержу ненависть хохлов к Москве — это гарантия ее власти и западных валютных вливаний.

* * *

Обыватель прёт на концерты Петросяна, Киркорова, Ст. Михайлова, Лепса, Орбакайте, Аллегровой... Билеты от 30 до 50 тысяч. Свободных мест нет. Тут у «русского» обывателя просто аховая солидарность: хлебом не корми, только дай на безголосого Лепса поглазеть.

Но попробуйте заставить русских подписаться на русский журнал. Куда там! Денег жалко. 660 руб. за «Молодую гвардию» на полугодие. Очень дорого! Можно три бутылки водки купить — это гораздо солидарнее...

Русских литературных журналов осталось — раз-два и обчёлся. Но читать русским стало лень. Уж не говорю о том, чтобы думать. Вся их солидарность — в просиживании у монитора или у зомбоящика. А русские журналы пусть сами собой выживают. С чего это вдруг 600 рублей на ветер выбрасывать!.. Уж лучше на Орбакайте сходить, побалдеть за 50 тысяч...

Но и т.н. русская интеллигенция недалеко от них ушла. На Киркорова она, может быть, и не пойдет за 50 тысяч, однако и на русские журналы тоже подписываться не будет. Действительно, зачем, когда можно в Интернете порассуждать о русской солидарности, о русском сопротивлении, о русской культуре...

* * *

Показали по ящику «американца» Е.Евтушенко на его вечере в Ростове. Ужас и кошмар какой-то. Едва живой, иссохший, сгорбившийся, хромающий, с перевязанной рукой, реально живой труп — а всё лезет на сцену, хорохорится, пижонит в своём цветастом пиджаке, корчит из себя большого поэта. Ну никак не может обойтись без поклонников и поклонниц, без аплодисментов и прежних восторгов. Уже почти на ладан дышит, надо исповедоваться и о душе думать, а ему всё аплодисменты подавай. Как был всю жизнь игроком и себялюбцем, таким и остался. Смотреть было противно. Суций Гангнус (его подлинная фамилия). А рядом с ним на сцене сидел такой же старый, сгорбившийся еврей Гафт и что-то шамкал из евтушенки своими обвисшими слюнявыми губами...

Весь западный мир стонет по поводу расстрела исламистами журналистов во Франции. Присоединился к этому стону и Кремль — соболезнования, цветы к посольству...

Когда те же исламисты месяц назад напали на Дом печати и школу в Грозном — вся Европа аплодировала. Более того, вся Европа была недовольна жестким отпором, данным исламистским боевикам нашими спецназовцами. И никаких соболезнований по жертвам того теракта со стороны Европы не было. Промолчал и ничтожно-трусливый Олланд. Никто в Европе не принёс к нашему посольству цветов. Наоборот, ввели, а потом ужесточили санкции.

А теперь у них трехдневный траур... За что боролись, господа, на то и напоролись.

Самые радикальные либералы, находящиеся в России и каждой своей клеткой ненавидящие русских патриотов, как только приезжают в Израиль, мгновенно превращаются в самых радикальных еврейских патриотов, ортодоксальных иудейских традиционалистов и консерваторов.

Путин не оправдал надежд многих людей в России и в Новороссии. Сказав «а», он испугался сказать «б». Крым без Новороссии нормально существовать не сможет — там будут возникать нескончаемые проблемы: со снабжением, с сообщением, с электроэнергией, с газом, с водой и т.д. и т.п. Только независимая от Украины Новороссия может закрепить присоединение Крыма. Но Путин боится сделать единственно верный, исторически оправданный шаг. Не хватает личности, не хватает мужества, воли и харизмы. Да и повязан он по рукам и ногам своими прикормленными либералами.

Тяжёлая укропская артиллерия вновь бьет по Донбассу. Не остановилась даже на Рождество. Нет у этих «укров» ничего христианского.

Киев уничтожает Донбасс, а Кремль убеждает упёртую хунту: это неотъемлемая часть Украины, мы против отделения Донбасса, это ваша территория... Хунта ввела экономическую блокаду ДНР и ЛНР, не допускает туда собственную гуманитарную помощь, фактически отказалась уже от этих областей, а Кремль стоит на своём: нет-нет, их отделять нельзя, это часть Украины... Ни те, ни другие не хотят брать на себя восстановление разрушенного.

И Донбасс умирает. Люди остаются без жилья — зимой, в мороз. Без зарплат и пенсий. «Гумпомощь», приходящая из России, тут же разворовывается, до людей почти ничего не доходит, доставленные продукты тут же оказываются на рынке... Пенсионеры и дети испытывают голод.

А Кремль всё ведет «переговоры», всё соблюдает «перемирие», всё политиканствует... Любимое занятие.

* * *

То, что Путин допустил на Донбассе, не имеет никаких оправданий. Тысячи убитых, искалеченных и оставшихся без жилья ни по какой моральной шкале не смогут стать приемлемой ценой возвращения Крыма. Один смелый шаг повлечёт за собой бесконечную череду отступлений и примирений с наглостью и жестокостью откровенных врагов России. Обелить трусость, бездарность и ничтожество власти одним-единственным достойным поступком не удавалось никому. Мирным небом Крыма невозможно прикрыть ужас и кровь Новороссии. Оторванные руки и ноги детей Донбасса будут торчать из всех швов путинского рейтинга, сколько бы хитромудрые путинисты и кремлёвские пиарщики ни возносили своего кумира до небес.

* * *

Я уже писал о том, что хохляцкий нацизм мерзее немецкого. Оба они нашли себе главного врага в лице русских. Оба они не уступают друг другу в жестокости, подлости и лжи. Но хохляцкий еще и корчит из себя жертву, убивая, насилая, издеваясь над здравым смыслом и историей, предавая всё и вся. Изображая себя жертвой России, хохляцкий нацизм кланится денег у Запада, стелется перед ним, как полая тряпка, готов лизать подметки любому, кто погладит его по холке. И его гладят: давай-давай, поноси русских, мы тебе еще дадим пакет печенья и банку варенья...

Ублюдок Парашенко, расстреляв пассажирский автобус под Волновахой, помчался в Париж лить крокодиловы слёзы по застреленным педерастическим карикатуристам, издевавшимся над Христом и Мухаммедом. Эта кровавая «потрошковская» мразь питает страстную любовь ко всем, кто над кем-либо издевается. Еще одна патология хохляцкого нацизма.

Европа же, поощряя кровавый ужас на Донбассе, устроила шоу из цэрэушной спецоперации по «наказанию» безмозглых «карикатуристов». Плевать она хотела на шесть тысяч убитых и десять тысяч искалеченных гражданских жителей

Новороссии. «Я — Шарли!» — до сих пор орёт Европа, отождествляя себя с дегенеративными кретинами из газеты «Шарли Ебдо». И в этом она точна. Она действительно стала «Шарли» — подлая, ничтожная, ублюдочная, гомосексуальная и антихристианская. А «Украина — це Эуропа!»

Бойня на Донбассе — это продолжение Великой Отечественной войны. Америка и Европа руками вскормленных ими хохлятских нацистов пытаются взять реванш за нашу Победу 70-летней давности. Они решили продолжить ту войну, окончательно и бесповоротно отрезав от нас Украину вместе с Новороссией. Это уже не просто пересмотр итогов той войны, это — сама война. И если мы отступим на Донбассе, то она перекинется на нашу, русскую землю и дойдет, как в 1941-м, до Москвы. Понимают ли это в Кремле? — вот сейчас главный для России вопрос.

Нет, не случайно зубастый кролик Яценюк заговорил о вторжении Советского Союза в Германию 70 лет назад. Им, укровронацистам, нужно словесное прикрытие прошлой и нынешней войны с Россией. Этот мерзляк идёт ва-банк, сжигает мосты для отступления, чтобы не оставить путей отхода от конфронтации с Россией ни своей фашистской хунте, ни реваншистской Европе. Это второй Саакашвили. С ним никто в России больше не будет иметь никаких отношений. То есть т.н. «украинское правительство» сознательно и открыто выставляет себя в качестве вражеской по отношению к нам евромарионетки.

После январских самых жестоких бомбардировок Донца Путин опять обратился к Парашенке со своим мирным планом. Это значит, оставшиеся там люди будут гибнуть и дальше. Кремлёвские менеджеры и думские сидельцы за свое спокойное прозябание готовы отдать тысячи жизней Донбасса. А московские трусливые пиарщики будут и дальше воспевать своего любимца.

Кто подсчитал, скольких трупов стоил предыдущий «мирный план» Путина? Не будь этого плана, армия нацистских ублюдков была бы отогнана за пределы Донецкой и Луганской республик, и никаких обстрелов их столиц не было бы. Сможет ли Кремль навязать Новороссии новое «перемирье»?

По Первому каналу ТВ жительница Донецка несколько раз обозвала Парашенку дебилом. Господин Путин, вы и дальше будете пожимать руку дебилу?

Слава Богу, ополченцы проигнорировали второй «мирный план» Путина и пошли в новое наступление. Похоже, и до самого Путина наконец-то дошло, что с ублюдочными киевскими «партнёрами» договариваться о чём-либо бессмысленно. Только разгром украинской «армии» сможет остановить трагедию на Донбассе. Ничто иное, кроме разгрома, не заставит киевскую хунту и оборзевших хохлятских нацистов поджечь хвост и пойти на мир с Новороссией. И это для неё, незаконнорожденной «Украины», будет самым лучшим вариантом. Потому что в противном случае она как государство прекратит существование. Ее даже уничтожить будет не нужно — она развалится сама собой. И вот тогда т.н. хохлам не позавидуешь. История отомстит им за всю их глупость, подлость и наглость. При этом исходе в скором времени никаких хохлов вообще не останется — они станут жителями других государств, и их внуки будут стыдиться этого слова «хохол». А правнуки вообще забудут, что когда-то был такой странный народ... Поэтому спасение **именно для «Украины»** заключается в мире с Новороссией. Но, к сожалению, понять этого хохлы не способны.

Что же касается преступной хунты, то, надеюсь, уже в этом году ее в Киеве не будет.

Украинские писатели не выступили с публичным протестом против уничтожения Донбасса. Одни трусят, другие считают это уничтожение правильным. Поэтому никакой украинской литературы больше нет. Она утратила моральное право на существование. Хотя, конечно, будут еще литераторы, пишущие на украинской мове. Но украинской литературы не будет. Она сама себя изжила. И она больше никому не нужна. Как и сама Украина.

Теперь мы видим, сколько потребовалось времени и трупов, чтобы Путин наконец прочухался и чтобы наконец понял, что никакой мир и никакие переговоры преступной хунте не нужны. Теперь он, Путин, с экрана зомбоящика объясняет нам, что Потрошенко использовал минские «договоренности» для наращивания войск на границе с Новороссией.

Спасибо за объяснение, г-н президент. А то бы мы сами никогда не догадались. Но всё же хочется спросить: а кто это «перемирие» предложил? Кто уговорил ополченцев остановить наступление в августе прошлого года? Кто пожимал руку военному преступнику и кровавому потрошителю? Или, может, вы не слышали трезвых голосов о том, что грош цена любым договоренностям с киевскими узурпаторами власти и нацистскими ублюдками? А тут вдруг вы неожиданно прозрели, у вас наконец спала с глаз пелена! И не на вашей ли совести, г-н президент, более шести тысяч убитых и более десяти тысяч искалеченных мирных граждан? Не слишком ли дорогая цена вашего прозрения? Хотя, можно не сомневаться: и это неимоверно позднее прозрение ваши воспеватели и лизоблюды вознесут до небес!

27 января вся Европа стонала от горя по еврейскому холокосту 70-летней давности (это когда некие «украинцы» освободили Освенцим...). А в это же самое время реальная артиллерия и реальные ракетные установки крушили города и посёлки Донбасса. Но Европа этого не видела и не слышала.

За отрицание «холокоста» в Европе — тюремный срок. А за уничтожение людей Донбасса — аплодисменты для нацистской Хохляндии. Хорошо устроились европейские ребята. Нет, не случайно их деньги называются еврами...

28 января российскую парламентскую делегацию изгнали из ПАСЕ, лишив ее права голоса и всех представительских полномочий. И слава Богу! В этом явно проявилась воля Провидения. Руководители делегации С.Нарышкин и А.Пушков до последней минуты цеплялись за эту ПАСЕ, предлагали всяческие уступки, компромиссы, обращались с просьбами не изгонять нас, но Европа с оскорблениями и издевательским хохотом проголосовала против. И правильно сделала! Для нас правильно! Нечего нам делать среди этих русофобов и ничтожеств. Хватит там пастись. Нарышкин вынужден был объявить о нашем уходе до конца года. Но вслед за этим нам нужно выходить из Совета Европы и прекратить вносить туда членские взносы.

Еще в прошлом веке я писал, что нам рано или поздно придется выйти из этой организации. Тогда (еще при Ельцине) для многих это казалось невыносимым, но я знал, что мы к этому придем. Вот и пришло время.

Кроме прочего, эта самая ПАСЕ выдвинула нам ультиматум: в течение 24 часов освободить украинскую террористку Н.Савченко.

У Путина всё меньше путей для отступления. Жизнь и сами европейцы вынуждают его идти на конфликт с Западом. И этот конфликт — единственное спасение России от либеральной трясины.

Ближайший разгром укродебилов в дебальцевском котле будет ответом Европе за ее наглость и мерзость.

30 января, в день наибольшей крови на Донбассе, в день гибели десятков людей, в день страшных человеческих трагедий нам впарили по ящику новое эстрадное шоу «Главная сцена» — с новыми кривляньями экзальтированных «певцов» и новыми завываниями на английском языке, но, однако, со старыми осточертевшими нерусскими физиономиями т.н. «жюри». Вальяжно развалившись в креслах, оно хохочет, жестикулирует и вскрикивает от удовольствия. Вот так, наверное, бесы визжат и прыгают от радости в аду, видя душевные страдания несчастных.

Украинская армия, конечно же, будет разгромлена ополченцами Донбасса. Это неизбежно. Тут уже действуют сверхъестественные силы, т.к. преступления хунты перешли все грани человеческих и божественных допущений. Когда армия позволяет себе зверские издевательства над гражданским населением, уничтожая его сознательно и целенаправленно, и при этом глумится, лжёт и хохочет над чужим горем, сваливая свои зверства на других, эта армия утрачивает моральное право на победу. И победа ей не даётся свыше. Когда вояки этой армии прицельно бьют по больницам, школам, детсадам и храмам, победить уничтожаемый народ они не смогут ни при каких обстоятельствах. Рядом с воинами Народного ополчения в бой идут ангелы, наполняющие бойцов духом правды, справедливости и самоотверженности. Преступная же армия лишена этой поддержки и потому — труслива, подла и бездарна. Ее конец неотвратим.

Но вместе с украинской армией поражение потерпят стоящие за ее спиной Америка и Европа. То есть Народное ополчение Новороссии, идущее в бой с Образом Спасителя на своих знамёнах, одержит победу над главными сатанинскими силами — фашистской Украиной, обезумевшей Амери-

кой и извратившейся Европой. А вместе с ними — и над всей либеральной сворой, русофобствующей в России.

То, что творят международные военные преступники, засевшие в Киеве, — это сатанизм в чистом виде. По их приказу свихнувшиеся от «украинства» безумные «киборги» с прицельной точностью бьют из ракетных «Ураганов» по больницам, школам и детсадам городов и поселков Донецкой и Луганской областей. Бьют по беженцам, покидающим эти города и посёлки, а беженцы — в основном старики, женщины и дети. Фашистские «киборги» терпят поражения под натиском ополченцев, и агония киевских военных преступников, превзошедших по своей жестокости военных преступников нацистской Германии, с каждым днём только нарастает. В ночь на 5 февраля они вновь, как летом 2014 года, применили фосфорные снаряды, взрывающиеся в небе над Донецком и заливавшие его огненным ливнем. Видимо, дьявол уже напрямую руководит этим зверьём, потерявшим человеческий облик. А на российском телевидении в разных политических шоу-балаганах торчат киевские посланники, оправдывающие эти жуткие преступления, сравнимые разве что с американскими атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. Киевские и вашингтонские сатанисты слились в экстазе. И ракетные разрывы в жилых домах и на людных улицах — это не что иное, как бурные, оглушительные аплодисменты дьявола.

Но в ООН этих дьявольских аплодисментов не слышат. Там всех захватила эпидемия тугоухости. Это ведь не Шарли и не «холокост» 70-летней давности...

В начале февраля было опубликовано письмо группы режиссеров и актеров (Ф. Бондарчук, Н. Михалков, К. Шахназаров, С. Мирошниченко, О. Табаков и В. Хотиненко), адресованное премьер-министру Д. Медведеву, с предложением разрешить матерщину в художественных фильмах. Вот выдержка из письма этих деятелей «культуры»: *«Нецензурная брань сама по себе является частью нематериального культурного наследия и традиционно использовалась и используется в художественных произведениях в различных целях, к которым относятся правдивость изображения образов героев, усиление эмоциональной окраски происходящих на экране событий и так далее. Запрет является излишним и существенно обедняет возможности художественной реализации авторс-*

кого замысла и восприятия художественных произведений совершеннолетними гражданами».

Они раскрылись, они сами себя разоблачили, сами поставили на себе клеймо, а точнее говоря, тавро обесовлённых деятелей, видимо, давно уже заражённых потребностью расхристанной «свободы творчества» — не понимая, не чувствуя, не вынеся из своей души простой истины, что т.н. «свобода творчества» — это «творчество», освобожденное от Творца.

Они сказали нам, что их «искусство» без мата — неполное, несвободное, неполноценное, неискреннее и что настоящее удовлетворение в своей деятельности на ниве искусства они получают лишь при наличии матерщины. Они сами себя отделили от сеятелей добра, о которых говорил Христос. Они и есть те самые плевелы, склонные к пороку, которые, по словам Христа, должны быть отделены от сеятелей добрых семян.

Они стали проводниками псевдокультурной, постмодернистской идеи оскотинивания общества, им зачем-то понадобилось опустить всех нас до узаконенного похабства не только в жизни, но и в искусстве. Они пытаются внушить нам эту лукавую сатанинскую мысль: если нечто есть в жизни, в реальной действительности, то оно имеет полное право и даже обязано быть в искусстве. Но сатанинский соблазн пошлости, грубости, хамства и непотребства, разрешенный и узаконенный в качестве авторского оригинальничанья, очень скоро заполнит всё пространство постмодернистского искусства и станет самим искусством, основным его направлением, презирающим и отвергающим все иные взгляды и позиции. И тогда уже, насмотревшись таких фильмов и начитавшись таких книг, каждый ребенок в семье и каждый ученик в школе с недоумением спросит родителей или учителя: если мат есть в кино и в книжке, то почему нельзя в жизни?

5 февраля нам продемонстрировали, как Парашенко, словно приговоренный к смерти, облизывал (пока словесно) штатовского госсекретаря Керри и его госдеповскую подружку Нуланд, прилетевших в Киев с новым пакетом печенья. Казалось, еще мгновение — и этот шоколадный шакал упадет на колени и начнет целовать их обувь. Редчайшая мразь!

Американо-европейские вороны, слетелись в Киев после сомкнувшегося кольца дебалычевского окружения, в котором оказались преданные Киевом и брошенные укроподобные биороботы. Оланд, Меркель, Керри и Нуланд срочно примчались спасать бандеро-фашистских нелюдей с трасу-

щимися губами. Ополчение громит обезумевших в звериной жестокости биороботов-киборгов, и главное мировое воронье судорожно пытается предотвратить полный разгром укропедобной банды, т.к. после этого все областные центры левобережной Малороссии восстанут и скинут ставленников преступной хунты. И на этом история «Украины» закончится. Чтобы этого не случилось, европейское ястребиное воронье (Меркель с Оландом) летит в Москву, к Путину. И скорее всего опять о чём-то договорятся... Но о чём? Никакие договорённости не остановят войну с русскими. Америка не даст остановить.

Теперь мы все собственными глазами разглядели, к чему привело навязанное России украинство. Даже безразличные к политике люди поняли, увидели, что украинство — это путь к расчеловечиванию, стремление превратить целый народ (малороссов) в нелюдей, проклявших своё исконное происхождение. Ложь, злоба, цинизм, жестокость — это та пища, которой насыщаются украинствующие нелюди. Они с мстительной радостью, с хохотом и звериным наслаждением распространяют вокруг себя человеческую трагедию, не сознавая трагедии собственной, которой являются они сами. Говорить с ними невозможно ни о чём.

Яркий пример — киевские засланцы в политических дебатах на российском ТВ. Им говорят о тысячах убитых и покалеченных, о разрушенных домах, школах и больницах, а они корчат гримасы, нагло лыбятся и несут какую-то несусветную бессвязную околесицу. Разве это не факт расчеловечивания, разве можно называть их людьми?

Долго выпестывалось украинство политтехнологами Запада, как, впрочем, и русофобами в самой России. Результат и кровавые плоды этой работы мы пожинаем теперь. Можно себе представить, какую эйфорию восторга испытывают современные архитекторы «украинской нации»!

Бандеро-фашистские изверги киевской хунты обрекли жителей Донбасса выживать в нескончаемом ни на минуту аду. Их убивают не за то, что они «сепаратисты», а за то, что они — русские. По приказу из США. Плачущие женщины, которых нам изо дня в день показывает российское ТВ (в перемешку с веселой рекламой и бесовским воем эстрады), эти женщины, потерявшие в каждодневных бомбёжках своих близких, сквозь слёзы спрашивают: «За что?» Но даже они не в силах понять:

за то, что они русские. Им понять это трудно, очень трудно. Но придётся. Понять это придётся и **всем** в России. Тогда, когда Украина превратится в один большой Донбасс, когда большая война будет открыто идти не с «сепаратистами», а с русскими, то есть уже реально — с Россией.

* * *

12 февраля на переговорах в Минске в составе т.н. «норманской четверки» под благие намерения о «прекращении огня» и «отводе войск» Путин в очередной раз попытался слить Новороссию с тем, чтобы оставить ее в составе Украины. Попытка эта не удалась. Во-первых, потому, что изложенное на бумаге соглашение никто из «переговорщиков» не подписал, а во-вторых, Украина первой же его и нарушит. Парашенко уже заявил, что будет по-своему трактовать результаты новых переговоров в Минске. Кстати сказать, в тексте этого соглашения (никем из глав государств не подписанного) не упомянута даже автономия Донбасса...

Нужно всем в конце концов понять простую истину: никакие компромиссы, никакие переговоры остановить, а тем более отменить войну не способны. Покончить с войной может только **победа**. А в войне с русскими — только в единственном варианте: **победа русских**. Никакая другая победа этой войны не остановит. Да и любая другая победа невозможна в принципе.

В августе 2008 года перемирие с Грузией было? Нет. Мирное соглашение было? Тоже нет? А победа была? Была. После этого война там закончилась навсегда.

Новые минские переговоры не дадут никакого мира, как и предыдущие. И не способны дать, т.к. мир на Украине не нужен бандеро-фашистской хунте и ее американским кукловодам. Война — это единственное условие существования и пребывания у власти фашистской хунты. Остановка войны равносильна ее гибели.

Упёртые бандеро-хохлы 15 часов сопротивлялись уговорам Путина, Меркель и Олланда остановить кровопролитие — даже при условии неопределённого статуса Донбасса. Парашенко бегал звонить Обаме. В результате эта свиноподобная мразь на словах что-то там пообещала, ничего не подписав. И на этом все разехались. В тот же день Донецк и Луганск и их пригороды были подвергнуты жесточайшим бомбардировкам, в Горловке были убиты трое детей. Киевская свинья, поощряемая американской обезьяной, продолжала убивать русских. И будет продолжать, пока с неё не снимут шкуру.

Уже через три дня все поймут, что эти «договорённости» оказались ничтожными. Лишний раз мы убедимся, что русским с укронацистами о чём-либо договориться невозможно.

Странное какое-то кино: Путин во второй раз спасает преступную украинскую армию от полного уничтожения...

Любому школьнику ясно: мир — это не перемирие и не временная остановка войны. Мир наступает после разгрома и окончательного поражения противника. До этого времени мира быть не может. Любое перемирие противник использует ради накопления сил и реванша.

Что, эта школьная азбука неизвестна в Кремле? Кого они хотят обмануть? Телевизорных пенсионеров или самих себя? Кому они хотят пустить пыль в глаза бесконечными призывами к переговорам и отводу войск? Эти призывы только затягивают войну и увеличивают число невинных, гражданских жертв. Вместо того, чтобы остановить озверевшего от крови фашистского агрессора, кремлевские «миротворцы» заняли позицию наблюдателей, «неучастников конфликта». В этом «конфликте» только со стороны Донбасса погибло уже более шести тысяч русских людей, а они всё наблюдают и призывают к перемирию...

Я даже преувеличил срок новых минских «договорённостей» — три дня. Уже через день все увидели, чего стоят «соглашения» с фашистской нелюдью.

Врут нам соловьевские телевизионные оракулы, как дятлы, повторяющие эту безмозглую чушь: мол, все войны заканчиваются переговорами. Все войны (за редчайшим исключением) заканчиваются победой одной из сторон и соглашением о капитуляции — другой.

Ублюдочная карательная армия вдрызг раздолбана ополченцами. Что и предсказывалось, что и ожидалось всеми нормальными людьми. Воевать ублюдочной, фашиствующей армии было не за что. Во второй раз она оказалась в окружении и, как побитая собака, начала скулить, трусливо разбегаться и тупо, побросав оружие, сдаваться. Те самые укредебильные отморозки, которые долбили из «Градов», «Ураганов» и «Смерчей» по городам и деревням Донбасса, оказавшись в плену, стали корчить из себя невинных овец, насильственно мобилизованных. Да и в Киеве что-то поутихли уже скачущие дегенераты с дубинами наперевес. Что-то уже

не слышно там этих взвизгиваний с вытупленными глазами: «Слава Україні!», «Хероям слава!». Им очень хотелось подвесить москаляку на гиляку.. Они поперлись на Донбасс освободить «рідну землю» от москалей и «террористів»... Пришли и умылись кровью. Получили таких отборных люлей, после которых желание скакать на площадях как-то само собой выветрилось. Они усеяли своими трупами донбасскую землю и обеспечили Новороссию трофейным оружием на многие годы. Ничего, кроме бесчеловечной тупости и жуткого позорища, эта преступная армия миру не показала.

Символом этого позорища стал т.н. «президент» т.н. «Украины». Болтливый, изолгавшийся пустышка-самозванец, возомнивший себя главой самозванного псевдогосударства. За две недели собирался он навести порядок на востоке страны. Бросил туда столько тяжёлого оружия, сколько было у немцев под Сталинградом и на Курской дуге. Провёл четыре мобилизации населения, ввёл натовских наёмников и вдрызг был разбит бывшими шахтёрами и трактористами. Натовские псы войны из-под Дебальцева еле ноги унесли. Потому что на стороне ополченцев были правда и Бог, потому что им было за что погибать, потому вся Россия питала их своим моральным духом и стояла рядом с ними. Укронацистские недоумки пошли не просто на Донецк и Луганск, они пошли на русских и Россию. И вновь получили по зубам. Это им не шины жечь в Киеве и не камни в безоружный «Беркут» бросать...

Позорище карателей-террористов зафиксировано в памяти миллионов людей, в тысячах документов, снимков и видеоклипов. Им от этого позорища уже не отмыться НИКОГДА. Отупевший от злобы нацист и фашист везде ведёт себя одинаково. Уходя из Дебальцева, они взрывали и минировали объекты инфраструктуры города, как это делали немецкие изверги. Они издевались и глумились над местным населением, грабили, насиловали, пытали и расстреливали безоружных людей. По рассказам очевидцев, ставили стариков, женщин и детей на колени и заставляли петь украинский гимн... Украинцы... Бывшие наши братья-славяне... Не было никогда такого государства, Украина, и не будет. Само себя изничтожит. Потому что пошло против Бога и против правды.

Предательский дух украинской армии порождает только жестокость и бесчеловечность и никогда не принесёт победы.

Скачущие хохлы не знали этого, но теперь знают: воевать с русскими на их земле — бессмысленно.

Поразительно циничный западный мир! Властные чиновники привечают, пожимают руку военному преступнику, отдававшему приказы бомбить города своей страны, уничтожая гражданское население. И они же вводят санкции для той страны, которая спасает, кормит и пытается как-то помочь этому уничтожаемому мирному населению. Запад погряз в подлости, мерзости и цинизме. Он, как таковой, потерял право на Божественное охранение и должен понести высшее наказание. И оно будет ужасным.

Татьяна Глушкова написала в свое время о том, что Ю. Кузнецов так и не стал трагическим поэтом, хотя очень к этому стремился. Он искусственно создавал вокруг себя (а критики этому способствовали) ореол трагического поэта, но у него ничего из этого не вышло. Весь его стихотворный трагизм был придуманным, умственным, интеллектуальным, а попросту говоря, высосанным из пальца. Это видно по стихам. Написано было много и часто хорошо написано. Но почти всегда — умом, а не сердцем. Однако трагизм невозможно придумать, его надо пережить в душе, пронести в сердце через всю жизнь, тогда и поэтическое слово будет достоверно, насыщено правдой образов, чувств и переживаний.

Головных поэтов в России было немало. Была даже целая плеяда «поэтов-любомудров», среди которых наиболее известные — Баратынский, Ф. Глинка, Шевырёв... В. Кожин относил к ним даже Тютчева. Но Тютчев через личную трагедию сумел преодолеть, вернее, прорвать эту сеть поэтического умосочинительства. Не случайно именно он дал нам эту гениальную идею, которая разрывает рамки интеллектуальной поэзии: «Умом Россию не понять...»

У Тютчева есть стихотворение, написанное на годовщину смерти Е. А. Денисьевой: «Ангел мой, где б души ни витали, Ангел мой, ты видишь ли меня?..» И вот вам чисто умственный комментарий Кузнецова по поводу этих строк в газете «День литературы»: «Тютчев смотрит с земли на небо, но он не видит души Денисьевой. А моя поэма видит и его женщину, и тень от дыма при луне. Так чей уровень выше? Духовный объем тютчевского стихотворения тонет только в одном куске «Сошествия в ад».

То есть Кузнецов к своим стихам и к стихам Тютчева примерял чисто интеллектуальный аршин: сравнивал, у кого значительнее «духовный объем», уверенный в том, что он видит больше, чем Тютчев, — и его женщину, и тень от

дыма, и т.д. Но разве этим «аршином» измеряется трагичность, духовный уровень и глубина поэзии?

Вот поэтому Тютчев — трагический поэт в отличие от Кузнецова.

Наши спецслужбы опять проспали запланированную, давно готовившуюся провокацию. Лично я ожидал подобное событие, ничуть не сомневаясь в том, что оно должно, просто обязано было произойти в ближайшее время. Вашингтону и Киеву нужно было любой ценой отвлечь мировое внимание от преступлений фашистской хунты на Донбассе и от тяжелой экономической ситуации на Украине. В Киеве установилась жесточайшая политическая диктатура в преддверии восстания обворованного населения. А Россия пообещала адекватно ответить Америке на ужесточение санкций. Поэтому всё внимание мировых СМИ нужно было переключить на «варварскую» Москву, а еще точнее, на «коварный» Кремль...

В последний день февраля, накануне «пятоколонного» митинга, в двухстах метрах от Кремля был застрелен давно отработанный, траченный молью «оппозиционер» Б. Немцов. И мировая пропагандистская машина заработала на полную мощь. Тема наступления на оппозицию «коварного Кремля» обрушила мировое информационное пространство. Киевские телебесы, как сорвавшиеся с цепи голодные шакалы, заголосили о невиданной жестокости «кровавого путинского режима», поднявшего руку на харизматического политика, давнего друга Украины. Там, в Киеве, этой провокации ждали как праздника, и она совершилась по всем законам т.н. «теории заговора». Тем более что «масло» либерально-провокационной «Аннушкой» было разлито у стен Кремля уже давным-давно...

Ясно, что Немцова в этот вечер и в эту ночь «вели». Наводчицей, по всей видимости, была та самая девица, его подружка, прибывшая из Киева и заманившая его в ресторан возле Красной площади. После ресторана, под утро, они пошли прогуляться на Васильевский спуск... Остальное было делом техники профессиональных киллеров.

Лучшего повода для начала московского майдана и быть не может. «Пятоколонники» уже заявили, что их «антипутинский» марш 1 марта станет траурным маршем, посвященным памяти их товарища, убитого «агентами власти». А место гибели «оппозиционера», похоже, скоро станет местом их постоянного ристалища — у стен Кремля. И, ко-

нечно же, 1 марта соберется там вся возмущенная московская интеллигенция — с цветами и свечами...

Бедный Боря... Всю свою жизнь врал — и другим, и себе. Суетился, качал права, обливал соком Жириновского, бегал во вражеские посольства, брызгал слюной на Болотной, кричал на киевском майдане «Слава Украине!»... Наверное, надеялся на признание «заслуг» перед Западом... А его использовали, как ритуального козлёнка, как скандальную жертву... Такой ли участи он себе хотел?..

Вся либеральная «пятоколонная» тусовка стопроцентно сознаёт, что Немцов их хозяевами принесён в жертву. Она, эта тусовка, конечно, удручена, потому что любой из них мог (и может) оказаться на его месте. Ритуальная ликвидация «яркого оппозиционера» — это сигнал всей либеральной «пятоколонной» тусовке: плохо работаете, обленились, бабки кланчите, а дела нет. Лучше надо работать, громче, активнее... Берите пример с Киева... А то... опять вам придется кого-то хоронить...

Киевские фашистские ублюдки перекрыли газ Донбассу. Только после этого Путин заикнулся о том, что это «попахивает геноцидом». А то, что полгода жителей Донбасса обрабатывали из реактивных систем залпового огня, геноцидом, выходит, еще не пахивало...

Весь западный мир скорбит о гибели «самого светлого и самого честного оппозиционера» — Эйдмана-Немцова. Уже по официальным данным ОБСЕ, на территории, контролируемой ополчением, за время боевых действий погибло более семи тысяч человек мирного населения. И 15 тысяч были ранены. И — никакой скорби западного мира. Да и либеральные московские тусовщики по этому поводу тоже особых скорбей не проявили. Ну еще бы! Там ведь не «Шарли»!..

На траурный марш-митинг по Эйдману-Немцову в Москве собралось, по данным полиции, более 20 тысяч скорбящих. А по словам либер-тусовщиков, — не менее 50 тысяч. Я всё еще не перестаю удивляться: сколько же вокруг нас живёт дураков и врагов России!..

Но вот интересный факт, на который сразу многие как-то не обратили внимание: на месте расстрела Немцова не было ни капли крови... Хотя в него, как сообщалось, попали четыре пули, причем одна из них — в голову...

* * *

Боязнь новых санкций толкает трусоватую власть на всё новые и новые предательства национальных интересов. На переговорах по газу в Брюсселе руководство Газпрома уже согласилось не учитывать газ, поступающий из России на Донбасс, при оплате Украиной газовых поставок. Украина и Европа в этом вопросе действуют сообща, зная, что с помощью угрозы новых санкций безвольную российскую власть можно вынудить на любые уступки. Что и происходит. И все довольны. Блокировка Украиной поставок газа на Донбасс геноцидом больше не «попахивает»... Теперь это проблема не Украины, а Газпрома. Но при этом Донбасс в кремлевских (и киевских) мозгах остается частью «нэзалэжной»...

* * *

Именно Украина является тем, в чём она обвиняет Донбасс. Именно ее безродная власть вместе с упёртым укронацистским отребьем — сепаратисты и террористы. Украина в результате госпереворота 1991 года вышла из единого Советского Союза, а точнее говоря, из единой России, став сепаратистским и, как показало время, несостоявшимся псевдогосударством. И когда русские области этой сепаратистской Украины стали от нее отваливаться, она бросила всю свою военную технику на подавление тех, кому был отвратителен ее фашистско-бандеровский угар. Это подавление превратилось в сплошную, многомесячную террористическую операцию против собственного антифашистского народа.

Таким образом, являясь, по сути своей, сепаратистским антигосударством, Украина, ведомая антинародной марионеточной властью, превратилась, помимо всего прочего, в террористическое сепаратистское антигосударство. Ее диктаторская безродная власть отвергла все атрибуты демократии, которыми любит кичиться Запад. Но этот факт уже не волнует ни ЕС, ни США. Для них важно то, что террористическое сепаратистское антигосударство Украина должно быть и уже является плацдармом для нового фашистского наступления на Россию.

* * *

Следствие по убийству Немцова решило ограничиться версией чеченской мести. Надо думать, версией, спущенной сверху. Как говорится, и волки целы, и овцы сыты... Что ж, довольно разумно: и заказчиков не надо искать, и отношений из-за этого не нужно ни с кем портить... Один из арестованных чеченцев уже во всём сознался и всё объяснил...

Да, изначально было понятно, что исполнители — кавказцы, скорее всего, чеченцы. Другие на столь дерзкие действия вряд ли способны. Но чтобы мочить раскрученного «антипутинца» за его высказывания на религиозные темы... — не стоила овчинка выделки. Визгу много, а шерсти клоч.

Нет, господа, в эту версию поверить очень трудно. Это для детского сада и телевизорных пенсионерок. Без украинско-американского следа это дело обойтись никак не могло. Подобные громкие (на весь мир) преступления так просто не совершаются. Тем более что чеченские боевики полностью подконтрольны американским спецслужбам и обеспечены госдеповским финансированием. И самостоятельно (ради религиозной мести) они пальцем не пошевелят.

Продолжается комедия садомазохистского театра абсурда. Потрошенко заявил о закупке в ЕС летального вооружения. Барак Обама объявил о предоставлении Украине военной помощи в виде военной техники и 75 млн. долларов. А Россия как член МВФ вносит свою часть валютного транша финансовой помощи киевской хунте для погашения ее долгов перед международными кредитными организациями. То есть преступная кровавая хунта, на весь мир обзывающая Россию агрессором, вооружается с нашей помощью, чтобы закупленным оружием убивать наших же людей.

Вступление в Совет Европы обернулось для нас бесконечными оскорбительными резолюциями со стороны т.н. ПАСЕ.

Вступление в ВТО обернулось против нас нескончаемыми экономическими санкциями.

Вступление в МВФ обязало нас платить за вооружение фашистского ненавидящего нас псевдогосударства, с территории которого в любой момент может начаться война против России.

А с каким рвением, с какой настойчивостью наши депутаты, дипломаты и члены правительства в свое время добились вступления во все эти проамериканские финансово-политические структуры!.. Скорее всего именно этих результатов они и добивались.

По ящику 15 марта показали фильм-реконструкцию о возвращении Крыма — с многочасовыми подробностями крымских событий годичной давности. Ясно, что этот фильм был призван оправдать Путина на фоне уничтожения Донбасса и гибели более 7 тысяч русских людей. Я слушал его улыбочи-

вые ответы на победные вопросы ведущего и всё время мысленно спрашивал: а как же Донецк и Луганск, там ведь тоже наша исконная земля, там ведь тоже люди жить хотели? Там ведь тоже поверили обещаниям! Там ведь тоже был референдум с 97% населения, желавшего вернуться в Россию!..

Фильм, конечно, получился красивый и патриотичный. Но на фоне разбомбленных городов Новороссии — нечестный, с каким-то лицемерно-пиаровским душком. Смотрел — и горечь подступала к горлу. Невозможно было избавиться от вопроса: как, с каким чувством должны его лицезреть люди, живущие в Донецке, Горловке, Дебальцево, Мариуполе, Одессе?..

Парашенко призвал Европу бойкотировать чемпионат мира по футболу в России. Интересно, ВВП и дальше будет пожимать руку «Петру Алексеевичу»?..

Почему российская власть позволила какой-то ублюдочной Украине массово убивать людей на территории проживания русских? С какой стати эта Украина вдруг решила, что она имеет такое право? Отчего Россия сразу же не пресекла варварский геноцид на бывших российских территориях? Когда такое было? Или демократия за какие-то 25 лет превратила Россию в беззубо-толерантную, слишком осторожную, третьестепенную страну? Да, превратила, но только не страну, не народ, а вечно оглядывающуюся на Запад кремлевскую верхушку, не способную отодрать за уши обнаглевшую киевскую хунту. Так отодрать, чтобы от одного только строгого взгляда России она прикусывала язык и пряталась под стол. Сила России — в сильной и справедливой власти. Когда же такой власти в России нет, тогда и творят всё, что хотят, одуревшие от тупой наглости отпущенные на свободу наши осколки. А недостойная великой России власть трусовато уговаривает эти осколки к «федерализации», к «перемирию», к каким-то «минским соглашениям»... В то время как нужно всего один-единственный раз ударить кулаком по столу, чтобы все разгулявшиеся от кровавой «свободы» осколки встали по стойке «смирно».

Путин создал для себя козырную карту — Крым. И ведь карта что надо — настоящая, убедительная! Плохо лишь то, что используют ее в нехорошей игре. И Кремль будет еще долго пользоваться этой козырной картой при всех провалах правительства.

В стране жуткая инфляция, и остановить ее громкими заявлениями о недопущении завышения цен на продовольственные продукты невозможно. Инфляцию порождают не корыстные хозяева торговых предприятий (хотя и они в ней тоже повинны), но главным образом ее создает, холит и удерживает либеральная финансовая система, в которую искусственно загнана страна. И когда кто-то из добросовестных специалистов начинает за это власть критиковать, нам тут же суют в нос главный путинский козырь — возвращение Крыма: мол, не ворчите, народ Путина поддерживает.

По всей России идет небывалое сокращение стационарных медицинских учреждений и увольнение медработников, которые уже выходят на митинги протеста. Мало того, что они становятся безработными, но простые люди повсеместно остаются один на один со своими болезнями. Нахождение в оставшихся больницах и, естественно, лечение — резко уменьшается: приказано экономить бюджетные деньги на больных. А чтобы не было слышно причитаний недовольных и возмущенных — нам по ящику круглосуточно показывают счастливые лица в Крыму. А заодно с каким-то сладострастием — смакуют разборки украинских олигархов. Да, действительно, есть чем отвлечь российского обывателя от упорного стремления хитромудрого правительства трудиться во имя обрыдших нам ростовщических ценностей...

И Крым — очень удачное для них прикрытие этой вредоносной деятельности.

В марте по Первому каналу нам впаривали антисоветский, антихудожественный, а попросту — мерзкий фильм про Орлову и Александрова. Испохабилы всё и всех. Из Сталина сделали полного идиота, поиздевались над ним от души. И вообще абсолютно все в этом фильме врут, приспосабливаются, продаются, лебезят, изменяют, лицемерят, даже Орлова достигает карьеры и славы через постель. «Грешна, — говорит, — грешна...» Не понимаю, кому нужно такое примитивное, ублюдочное «кино». И главного не понимаю: зачем актерам сниматься в этой дешёвке? Или ради денег им на всё плевать? Похоже, реальная жизнь и судьба Л.Орловой их мало волнует.

Допрыгались. Те, кто орал «Украина — це Європа!», теперь бегут в Россию, потому что в незалежной им больше нечем заняться: нет ни работы, ни денег на сало. Те, кто скакал,

чтобы не казаться москалём, теперь прёт к этим самым «москальским оккупантам» в надежде на любую работу. Эуропа так и не открыла для них свою границу. Благодаря майдану, гривна обрушилась, цены и тарифы выросли в несколько раз.

«Москальские оккупанты» снабжают прыгунов льготным газом, но им, прыгунам, не хочется быть братьями, но очень хочется стать рабами, а точнее, рабочим скотом вожделенной Эуropy. И кто-то, кому повезёт, становится. Однако основная часть нэзалэжников, чтобы прокормиться, рвётся к ненавистным и ужасным москалям, «оккупантам», «агрессорам»... Эти бывшие прыгуны больше не скачут. Выходит, стали москалями... Вот-вот запоют: «Украина — це Россия!». И всё реже слышна эта дурость из дэржавного гимна: «Ще не вмерла...»

* * *

Чтобы Донецкая и Луганская республики не вымерли с голода, их надо присоединять к России. С каждым днём становится всё яснее, что для них это единственная возможность выжить. В блокаде, которую им устроила Украина, спасение для них может быть только в объединении с Россией. И это объединение рано или поздно произойдет, независимо от того, что думают по этому поводу в Кремле. Конечно, Кремль, этого очень не хочет. Но придется. И заставят пойти на это сотни донбассцев, умерших голодной смертью.

Гуманитарная помощь не может быть бесконечной, и она не решает главного: не спасает от голода и не возвращает людей к нормальной жизни. (ООН прекратила поставки продовольствия жителям Донбасса. Надо понимать, по рекомендации США.)

Правительство РФ продлило скидку на газ для Украины, и хунта тут же повысила в три раза тариф на него для населения «дэржавы». А Донбассу вообще газ перекрыла. Но кого это волнует в Газпроме? Им там очень денежек хочется. А то ведь нэзалэжники им вообще ничего не заплатят. А так с паршивой овцы хоть что-то...

* * *

Через 10—15 лет с карты Европы исчезнет название «Украина». А лет через тридцать не станет такого понятия, как украинский язык. Где-то в глухих хуторах Малороссии, наверное, еще можно будет его услышать, но в качестве официального языка его использование прекратится.

Многим уже сейчас понятно, что Украина не способна быть самостоятельным государством, а так называемый украин-

ский язык — это местечковое наречие малограмотного сельского населения Южной Руси, искусственно навязанное огромному числу людей, этнически относящихся к русской нации. Для фольклора, для мелодичных песен и сентиментальных стихов он неплохо подходит, но для серьезной литературы, государственных документов и делопроизводства не годится абсолютно. (Сколько украинских стихотворцев в советское время я перевёл на русский язык!)

Нашим детям, а уж внукам наверняка, предстоит увидеть исчезновение Украины, украинского языка и желто-синего петлюровского флага «нэзалэжной дэржавы». Хотя... историческое время движется сейчас с необыкновенной скоростью. И я не исключаю того, что всё это может произойти уже и на нашем веку. Кто два года назад мог предположить, что Крым в одно мгновение станет российским?..

Хохлы так до сих пор и не поняли, что оставаться украинцами они могли только в одном случае — в братском союзе с Россией. Но, как говорится, Бог наказывает дураков полной потерей разума. Заменяв ум наглостью и жадностью, они объявили русских и Россию своими врагами — и потеряли всё. Потому что перестали читать русскую классику. Сказка о рыбаке и рыбке в том числе и про них написана...

* * *

9 апреля киевская Рада приняла закон, отменяющий все советские праздники (в том числе 9 Мая) и запрещающий всю советскую символику (в том числе и термин «Великая Отечественная война»). Одновременно Верховная рада признала деятельность ОУН-УПА борьбой за независимость Украины и проголосовала за закон о правовом статусе ее участников. В тот же день главарь бандеровской хунты Потрошенко объявил Гитлера и Сталина виновниками Второй мировой войны. По всей видимости, это лишь первый шаг. Вторым шагом главным виновником будет объявлен Советский Союз.

Путин промолчал. Не исключено, что в скором времени мы вновь станем свидетелями путинского рукопожатия с этим обесовленным дегенератом.

Совсем скоро Кремль будет с помпой и парадом отмечать 70-летие Победы над нацистской Германией. И одновременно тот же Кремль делает скидку на газ и поставляет бесплатный уголь (в качестве «жеста доброй воли») террористической нацистской киевской хунте. Если кто-то думает, что это признак раздвоенного сознания российской власти, тот сильно ошибается. Это не что иное, как признак единого либе-

рально-кремлевского сознания, согласно которому можно дурить наше население сколько угодно.

Никакого перемирия на Донбассе нет и в помине. Каждый день со стороны укрокарателей — обстрелы и убийства людей. Как я и писал ранее, перемирие к миру не ведёт. **К миру, причём долгому и прочному, ведёт только боевая и окончательная победа.**

В Ровенской области во исполнение закона, принятого Радой, безмозглые укроживотные снесли памятник легендарному советскому разведчику Николаю Кузнецову. Кремль вновь промолчал.

В начале года (30 января) сгорела библиотека Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии. Библиотека ИНИОН — четвертая в стране по объемам фондов и вторая в Москве после Российской государственной библиотеки («Ленинке»). Начиная с 1920 года, библиотека получала обязательный бесплатный экземпляр всех издававшихся книг, журналов и газет по социальным и гуманитарным наукам. Комплектование иностранной литературы осуществлялось прямыми закупками в зарубежных странах и по линии книгообмена.

Как сообщала на Русской народной линии Ольга Четверикова, книжный фонд библиотеки до пожара насчитывал 6 миллионов единиц хранения, фонд периодических изданий — 7,5 миллиона, фонд аудиовизуальных материалов (включая микрофильмы) — 19 тысяч, рукописных материалов — 121 тысяча, диссертаций и малотиражных изданий — 450 тысяч. Это документы на древних и современных восточных, европейских и русском языках. В фондах библиотеки хранились редкие издания XVI — начала XX века, включая несколько тысяч томов Готской библиотеки (большая часть которой была возвращена ГДР в 1956 году). Кроме того, в библиотеке имелись самые полные, а в отдельных случаях и единственные в России собрания документов Лиги Наций, международных организаций, парламентские отчеты США (с 1789 года) и Англии (с 1803 года). Коллекция книг на славянских языках считалась одной из крупнейших в России и в мире, а многие журналы были представлены комплектами за сто и более лет — и это не говоря об уникальном собрании региональной периодики времен Гражданской войны 1917—1922 годов.

Те издания и документы, которые удалось спасти, сильно пострадали от воды и едкого дыма во время тушения пожара.

Директором этой уникальной библиотеки был известный телешоумен, беспробудный либерал и русофоб Ю. Пивоваров. Вот лишь некоторые высказывания в печати и на ТВ этого «демократа»: *«Я убежден, что Россия в ближайшие полстолетия уйдет из Сибири: демографические процессы будут столь сильны, что Россия географически сузится до Урала... Старая русская история закончится, когда Россия потеряет Сибирь и Дальний Восток...»* Великая Отечественная для него — не Великая и не Отечественная, а «так называемая» война, а победа в ней — миф.

Кто-то, возможно, помнит его слова в передаче «Суд времени»: *«Богомерзкий Сталин создал отвратительный культ Александра Невского... Тот же Александр Невский — одна из спорных, если не сказать смрадных фигур в русской истории, но его уже не развенчаешь».*

И вот этот русофобский ублюдок кем-то был назначен директором одной из главнейших российских библиотек, являющейся поистине нашим национальным достоянием.

Уже после пожара некоторые редчайшие издания из этой библиотеки были обнаружены в Москве у книжных перекупщиков. То есть до того, как библиотека была сожжена, она была разворована. И мерзавец Пивоваров до сих пор гуляет на свободе.

Каждый год одно и то же. Не успела начаться весна, как по всей стране пошли т.н. «природные пожары». Но очень уж странно ведёт себя эта «природа». В Хакасии ночью при сильном ветре вдруг загорелась прошлогодняя трава, и огонь мгновенно перекинулся на десятки населенных пунктов. За одну ночь и один день сгорело более тысячи частных домов. Погибли 30 человек. В Сибири с наступлением весны — та же картина: горят леса, горит сухая трава, горят деревни и дачи. В Читинской области уже уничтожены огнём сотни домов. И сколько сил ни бросают на борьбу с пламенем, площадь пожаров только увеличивается. Никакие прошлогодние уроки никому не идут впрок. Россию опять сжигают. О спланированной преступности поджигателей в СМИ — ни слова. О тупом разгильдяйстве местных властей — тоже.

Наученные прошлым горьким опытом, власти обязаны были заранее предупредить сельчан, организовать дежурство вокруг населенных пунктов и начисто, с жёстким наказанием за нарушение запретить разведение костров в лесах и полях. И главное — отлавливать поджигателей и публично судить. В том, что эти пожары — спланированные действия, не может быть никаких сомнений.

Еще не началось лето, а в Забайкальском крае уже охвачены огнём 100 тысяч гектаров леса. И эта картина стабильно происходит каждый год. В теленовостях, как обычно, нам втюривают одну и ту же байку про «неосторожное обращение с огнем». Но главное — скрывают. В 2012 году я писал в «Протуберанцах»: «По ныне действующим правилам, после пожара выгоревшие участки леса без аукциона передаются для санитарной рубки. Занятие это очень выгодное, так как за вырубленный лес вообще ничего никому не надо платить. И занимаются этим, вырубкой леса, в основном китайские фирмы. Вот и думайте, отчего по всей Сибири с такой скоростью возникали новые пожары и почему их не удавалось остановить...»

* * *

Ну что же теперь посыпать голову пеплом? После одесского крематория, после малазийского «Боинга», после бомбардировок Донецка и Луганска, после убийства сотен детей разве могло их что-то остановить? Разве мало было бессмысленной жестокости с их стороны за прошедший после майдана год? Что для них убийство конкретных людей — хоть бы и журналистов, хоть бы и бывших депутатов, хоть бы даже и своих писателей?.. Для них чья-то гибель — как плевков в сторону, как развлечение по пьяни. А если еще и под истерическим визгом «освобождения от ненавистной русни» — то это для них просто моральный оргазм...

Тут, господа, что-то новое, чему еще и точного определения не нашли. Это ведь даже не фашизм и не нацизм в точном значении этих понятий. Тут нечто иное. Фашизм и нацизм как политические течения имеют свою теорию, базу, идею. Какую-никакую, но понятную для трезвых мозгов идеологию. То, что мы наблюдаем на т.н. «Украине» в виде безумных, отмороженных дикарей, заражённых бешеной ненавистью к любому, кто способен здраво рассуждать и трезво говорить, не имеет никакого внятного объяснения, никакой логической основы.

Этой ненависти и этому явлению еще не найдено точного определения, и потому дикарей, находящихся удовольствие в убийстве, по инерции называют фашистами или нацистами. Но то, что мы видим, это хуже любого фашизма и страшнее нацизма. Целый народ, названный «украинцами», с помощью пропаганды ненависти и злобы у нас на глазах превращают в обезумевших бесов, не способных ни к состраданию, ни к человеческим чувствам, ни к ра-

зумному мышлению. пытки и издевательства их «гвардейцы» проделывают с ехидной ухмылкой. Когда идеологам хохлодебилизма показывают разорванные снарядами тела детей, они лыбятся во весь рот, а их глаза покрываются сладострастным туманом. И если расчеловечивания хохлогромодян прямо сейчас не остановить, мы будем свидетелями чего-то такого, чего в земной истории еще не было — обесовления целого народа. Может, это Божие пощущение, кто знает? Но судьба такого народа будет страшна и ужасна — повторяю, если душевного и умственного помрачения т.н. «украинцев» не остановить в ближайшее время. И остановить этот процесс способна только Россия.

В Киеве положено начало политическим убийствам известных людей. И теперь это смертное колесо покатится с грохотом дальше.

Тупой, инфернальный террор грозит истреблением в обесовленных хохлятских душах всего человеческого и возвращением в них Зверя. Он уже вскормлен, выпестован и временами выпускается на свободу. Он живёт уже в крови немалой части хохлятского населения. В 1945 году его придушили, но не додали до конца, и он, таясь, дожидается своего времени. Когда хохлятский народ большей своей частью станет Зверем и он, Зверь, окончательно вырвется на волю, наступит его время. Именно этого ждут не дождутся Европа и Америка (США). Зверь будет пожирать всех, на кого они укажут. История с Гитлером повторится. И лишь ценой невероятных жертв придётся нам ликвидировать Зверя. Пока еще это можно сделать малой кровью. Но, похоже, останавливать Зверя никто не намерен.

* * *

Официальные лица в России, включая президента и премьер-министра, прямо говорят об украинском фашизме и нацизме. Но они же заявляют о необходимости сохранения «единого украинского государства». И как мы должны это понимать? Как сохранение единой и неделимой фашистско-нацистской Украины? А как еще?

«Нэзалэжную» уже топчут сапоги натовских вояк, которые открыто готовят беспощадных головорезов для нападения на Донбасс. А Кремль не перестаёт ратовать за сохранение единой бандеровской дэржавы. И в течение года — трижды спасал омерзительный режим Потрошенко от полного военного разгрома. Интересное получается кино...

Одно из самых отвратительных явлений нашей действительности — реклама на радио и телевидении. Если к ней прислушаться, то становится ясно, что рассчитана она исключительно на быдло. Ни один нормальный человек ее не слушает и не смотрит. И вряд ли она даёт существенный материальный эффект. Но ее всё равно диктаторски навязывают. И цель ее — давно уже не прибыль рекламодателей, а дебилизация населения и моральное издевательство над нормальными людьми. Издевательство целенаправленное, сознательное, циничное, внедряемое уже исключительно ради издеательства. Реклама в электронных СМИ — это мерило нравственности власти, признак враждебности власти по отношению к народу. Пока она существует — власть антинародна.

Первым делом русской власти будет ликвидация этого убийственного психотропного оружия под названием «реклама». Нравственность и оглушающая, кричащая реклама — несовместимы.

Загублен еще один космический транспортный корабль «Прогресс». 28 апреля он не вышел на заданную орбиту и не реагирует на команды с земли. По сообщению СМИ, на корабле произошел взрыв. Кроме средств обеспечения жизни на МКС, он должен был доставить нашим космонавтам копию Знамени Победы 1945 года. Теперь же, как радостно ёрничает всезнающее «Ухо Москвы», 9 Мая «Прогресс» сгорит в плотных слоях атмосферы... Вместе с копией Знамени Победы.

Украинские каратели в конце апреля возобновили артиллерийский обстрел Донецка. Снова — разрушения и погибшие люди. Цена «перемирия». Остановленная война, не достигшая победы, не может дать людям мира и покоя. Жизнь тысячи раз подтверждала эту прописную истину. И тысячи раз люди игнорировали эти подтверждения, преследуя сиюминутные корыстные цели.

О Россию разбились многие имперские цивилизации: хазарская, монголо-татарская, османская, французская, германская... На очереди американская.

ИЗРЕЧЕНИЯ ЧЕРНОМЫРДИНА

Лучше водки хуже нет.

Вот два еврея дерутся за телеканалы, а какая в них разница?

Правительство — это не тот орган, где, как говорят, можно одним только языком...

Помогать правительству надо, а мы ему — по рукам, по рукам, всё по рукам... Да еще норовим не только по рукам, но и еще кое-куда, как говорил Чехов.

Я с молодых лет всегда работал первым лицом.

Никак еще не могу это для себя понять: где я? куда я попал? *(На встрече с журналистами в Госдуме 18 января 2000 г.)*

Никто, наверное, не подумает, что Черномырдин занимается охотой ради мясных дел. Нет, Боже упаси, Боже упаси!

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Ну, кто меня может заменить? Убью сразу... Извините.

Ну, Черномырдин говорил не всегда так складно. Ну и что? Зато доходчиво. Сказал — и сразу все понимают. Ну, это мой, может быть, стиль. Может, я не хочу сказать, что самый правильный, но очень понятный и доходчивый. А это нужно сейчас.

Рубль при мне обвалился? Вы что, ребята? Когда ж вы это успели всё? Наделали, значит, тут кто-то чего-то, теперь я и рубль ещё обвалил!

Черномырдину пришить ничего невозможно.

Что я буду в тёмную лезть. Я еще от светлого не отошёл. *(На вопрос, будет ли он участвовать в теневом кабинете).*

Я готов и буду объединяться со всеми. Нельзя, извините за выражение, все время враслопырку!

Я не из тех людей, чтобы доводить до мордобоя, я извиняюсь за слово. И мордобой-то опять не они же, не их же! Если бы им бы там навесить — это бы с удовольствием! А те — мордобой. В мордобое люди же участвовали: народ как всегда.

Я не тот человек который живет удовлетворениями.

А кого обвиняют в коррупции? Меня? США? А чего это они вдруг проснулись?

Вряд ли должность определяет или дает мне какой-то вес. Ну куда же еще больше нужно человеку, который все уже прошел, все многое знает в этой жизни. Многое знаю. Может, даже лишнее. Вот это слишком все прямолинейно и перпендикулярно, что просто мне неприятно лично.

Я бы не стал увязывать эти вопросы так перпендикулярно.

Вы думаете, что мне далеко просто. Мне далеко не просто.

Мы не однодневки, не одноразовые.

Сегодня им один не понравится, завтра другой... То им черный, то им кудрявый, то им рыжий, то им сивый... Ну что это

за подход? Можно перекрасить всех — ума тут не надо.

Два еврея схватились. Вся страна будет наблюдать этот балаган. *(О битве двух олигархов — Б.Березовского и Ю.Гусинского летом 1999 г.)*

Россия со временем должна стать еврочленом.

Геннадий Андреевич, ну зачем вы так? Не расчленили и никто не расчленил!

Я же вижу по глазам: вас же тошнит...

Впервые за многие годы отмечено сокращение сброса поголовья скота.

Если бы я всё назвал, чем я располагаю, — да вы бы рыдали здесь!

Тут у многих, между прочим, лежит. Ну и пусть лежит. Вот у тебя лежит? Ну, значит, он тебе не нужен, ну если нет нужды его использовать.

У кого руки чешутся? У кого чешутся, чешите в другом месте.

Красивых женщин я успеваю только заметить. И ничего больше.

Ни то не сделали, ни эту не удовлетворили, ни ту.

Когда моя... наша страна в таком состоянии, я буду все делать, я буду все говорить...

А кто попытается мешать — о них знаем мы в лицо! Правда, там не назовёшь это лицом!

А мы еще спорим, проверять их на психику или нет. Проверять всех! *(О депутатах Госдумы.)*

Бабушка с дедушкой вместе зашли в кабинку. Интересно, а как же дедушка может без бабушки? Кто же ему даст команду?

Вот Михаил Михайлович — новый министр финансов.

Прошу любить и даже очень любить. Михаил Михайлович готов к любви.

Все его вот высказывания, вот его взбрыкивания там... ещё даже пенсионером где-то вот, говорят, меня обозвал. Сам я не слышал. Но если я пенсионер, то он-то кто? Дед обычный. *(О Ю. Лужкове.)*

Вчера Шумейко был с нами, сегодня оказался там, завтра окажется еще в одном месте...

Его реакция, она всегда, увидим, будет или не будет. Если не будет — значит, такая реакция. Если будет — то никакая реакция. *(О Е. М. Примакове.)*

Если он как Лесин — это один вопрос, а если он как министр — так, наверное, делать... делать... Тем более там прописано такое, что уму непостижимо. *(Об участии Михаила Лесина в деле Медиа-Моста.)*

Заболел, кашляет, ещё раз, по-всякому. Но президент есть президент. *(О Б. Ельцине.)*

Когда замминистра вдруг ни с того ни с сего делает заявление, что вот должны 200 тысяч учителей, врачей сократить. Или у него с головой что-то случилось? Вот что может произойти, если кто-то начнёт размышлять. Другого слова не хочу произносить.

Кто-кто раньше хорошо жил? Повторите. Встаньте! Кто это там встал? Макашов? А-а, ну вы-то жили, конечно...

ЛДПР — это партия придурков. И фюрер их такой же: девчат за волосы хватает и таскает их туда-сюда.

Наш президент — он уже, по-моему, лет пять или десять денег в глаза не видел. Он даже не знает, какие у нас деньги.

Ночь прошла, они хватились! *(О действиях команды Кириенко.)*

Ну что нам с ним объединять? У него кепка, а я вообще ничего не ношу пока. *(О Лужкове.)*

Он сплошь длинноногих любит. А у нас жизнь была тяже-

лая, нам приходилось то, что давали. *(О Немцове.)*

Он ястреб. Даже и не ястреб — слово-то для него это слишком большое, это не для него. Туповатый ястреб — вот это ближе к делу. *(О Зюганове.)*

Очень обидно, когда вас волнует не дело, а тело ваше! *(Г.Явлинскому.)*

Представлять Анатолия Борисовича нет необходимости. Все его знают, кто не знает — узнает. *(О Чубайсе.)*

Стоит только Чубайсу рот открыть, ему тут же насуют, будьте любезны.

Умный нашелся! Войну ему объявить! Лаптями! Его! Тоже! И это! Сразу как это всё! А что он знает вообще! И кто он такой! Ещё куда-то и лезет, я извиняюсь. *(О предложении Г.Зюганова объявить войну НАТО.)*

Это не политики, это... Ну, не буду говорить, а то зарыдают все сразу.

Я могу работать с Селезевым, но с членами отдельными — я их в упор видеть не могу.

Мы ещё раз говорим: пять лет работы, наверное, меня чему-то жизнь научила в этой части.

Были у нас и бюджеты реальные, но мы все равно их с треском проваливали.

Вообще-то успехов немного. Но главное: есть правительство!

Говорят: даешь эмиссию триста тридцать триллионов рублей. Экономике нужен кислород. Как раз наоборот. Это не кислород. Один раз дыхнешь, а потом только останется дрыгнуть. Ногами.

Естественные монополии — хребет российской экономики. Этот хребет мы будем беречь как зеницу ока!

Изменений, чтобы дух захватывало, не будет. Иначе, что-

бы кому-то что-то делать, нужно будет у другого взять или отобрать.

Корячимся, как негры...

Кто говорит, что правительство сидит на мешке с деньгами? Мы мужики и знаем, на чем сидим.

Курс у нас один — правильный.

Локомотив экономического роста — это как слон в известном месте.

Мы впервые увидели человека здесь, в бюджете.

Мы выполнили все пункты: от А до Б.

Мы об этих мерах скажем... Я об них и озвучу и предложу... Ещё раз вам говорю: это комплексные меры, которые позволяют вытащить, и решить, и остановить эти процессы.

Мы продолжаем то, что мы уже много наделали...

Мы сегодня на таком этапе экономических реформ, что их не очень видно.

Надо делать то, что нужно нашим людям, а не то, чем мы здесь занимаемся.

Надо контролировать, кому давать, а кому не давать. Почему мы вдруг решили, что каждый может иметь?

Нам никто не мешает перевыполнять наши законы.

Нам осталось рассмотреть полтора вопроса... Сегодня, до воскресения, успеем.

Наша непосредственная задача сегодня — определиться, где мы сегодня вместе с вами находимся.

Не могу себе дальше представлять, что можно так же работать дальше.

Работающий президент и работающее правительство — так это ж песня может получиться!

Реформы в России — это не автомобиль. Захотел — остановился, захотел — вновь сел и поехал! Так не бывает!

Страна не знает, что ест правительство.

Хотели как лучше, а получилось как всегда.

Это глупость вообще, но это мне знакомая песня. Во-первых, я думаю, что, ну, для многих это известно, я для толкача не подхожу. Поэтому я думаю, что, ещё раз, роль председателя правительства — он может собирать, он может не собирать, — он обязан всё равно всё знать, и он всё равно будет всё знать, и всё равно мы будем общаться, и всё равно мы будем советоваться по этим вопросам.

Это что, значит, Черномырдин ГКО отменил? Разве меня здесь — да меня в правительстве с марта месяца не было. Что тут без меня делали?! Мы очень хорошо работали, нет здесь никакой вины предыдущего правительства. Пенсии платились, зарплаты... А что сейчас? И не надо говорить про Черномырдина, это никому не нужно, зачем же это, кому?! Не поверит никто, а вы — Черномырдин, Черномырдин! Ты, Григорий Алексеич, говоришь, что тут пенсии, зарплаты, банки, а где деньги возьмёшь, где возьмёшь? Напечатаешь, что ли? Работать нужно, и, я думаю, можно!

Я готов пригласить в состав кабинета всех-всех — и белых, и красных, и пёстрых. Лишь бы у них были идеи. Но они на это только показывают язык и ещё кое-что.

Не один сейчас, а другой потом; не один сегодня, другой завтра, а вместе, в один день! Это говорит об отношении их к российскому флоту.

Нефтяников надо разжать. Нефть — это кладовая, это золото, это всё сразу, где отдача идет.

Никаких не будет даже поползновений, наоборот, вся работа будет строиться для того, чтобы уничтожить то, что накопили за многие годы.

Но если говорить о сегодняшнем заседании, то я дал бы конечно, удовлетворительную оценку. Я других оценок вообще не знаю.

Но пенсионную реформу делать будем. Там есть где разгуляться.

Ну, скажите, у вас, ну, когда Черномырдин работал, что, была боязнь, что кого-то расчленият из естественных монополий? Эх, вы! Меня можно расчлениить, меня можно убрать! А вот естественные монополии чтобы растащили — у вас даже и вопрос такой никогда не стоял перед вами, ибо это даже мысли такой никто не мог допустить, чтобы я, своими руками создавший эти отдельные монополии, и чтобы я был сторонником их уничтожить. Ну, зачем же вы так? Обижаете...

Посты вице-премьерские в такое время, как наше, — это все равно, что столб, на котором написано: влезешь — убьет!

Правительство обвиняют в монетаризме. Признаю — грешны, занимаемся. Но плохо. Народ пожил — и будет!

Привлекайте хоть самого Господа Бога! А его и надо, говорят, иногда спрашивать... И надеемся, что правительство решит эту проблему.

Не только противодействовать, а будем отстаивать это, чтобы этого не допустить.

Мы надеемся, что у нас не будет заповорев на границе.

Все говорят, что недовольны итогами приватизации, и я недоволен, и не говорю.

Были, есть и будем. Только этим и занимаемся сейчас.

В нашей жизни не очень просто определить, где найдешь, а где потеряешь. На каком-то этапе потеряешь, а зато завтра приобретешь, и как следует.

В совете директоров многие участвуют — представители государства, акционеры, так что это орган такой — советывает.

Важнейший итог петровских реформ — создание благоприятных условий для западных деловых людей.

Валили, валим и будем валить!

Вас хоть на попа поставь или в другую позицию — все равно толку нет.

Вечно у нас в России стоит не то, что нужно.

Вообще, странно это, ну, просто странно. Я не могу это, ещё раз, я не знаю и не хочу этого. Это не значит, что нельзя никого. Ну, наверное, кого-то, может быть, и нужно. Кого-то вводить, кого-то выводить.

Вот мы там всё это буровим, я извиняюсь за это слово, Марксом придуманное, этим фантазером...

Вот что может произойти, если кто-то начнет размышлять.

Все мы доживём. В какой конфигурации? В хорошей конфигурации.

Все те вопросы, которые были поставлены, мы их все соберем в одно место.

Второй канал государственный стопроцентно, но иногда такое выдает, что хоть глаза не открывай. Тяжеловато смотреть, тошнит порой, но смотришь, куда деваться.

Вы посмотрите — всё имеем, а жить не можем. Ну не можем жить! Никак всё нас тянет на эксперименты. Всё нам что-то надо туда, достать там, где-то, когда-то, устроить кому-то. Почему не себе?! Почему не своему поколению?! Почему этот, как говорится, зародился тот же коммунизм, бродил по Европе, призрак, вернее. Бродил-бродил, у них нигде не зацепился! А у нас — пожалуйста! И вот — уже сколько лет под экспериментом.

Вы там говорили, а нам здесь икалось, но я и к этому отношусь нормально.

Вы что же, считаете, что я сам себе лиходей здесь или лиходействую в своей стране?

Вы, главное, выигрывайте, а мы уж вам присудим.

Вы, это, мне тут не надо!

Да такие люди, да в таком государстве, как Россия, не имеют права плохо жить!

Если «Единство» и «Вся Россия» прекращают сразу, то для нас требуется время.

Если мы поймем, что нужно работать, тогда, я думаю, вреда особого не будет и не так уж много потеряем.

Если мы увидим, что это орган, из которого можно сделать блок, мы будем смотреть.

Если я не знаю, в каком контексте говорил президент, наверняка выдержку, которую зачитали... Надо понять, что это было до того, он сказал еще, после того сказал, только тогда можно уяснить, что это за треугольник и что он имел в виду.

Есть еще время сохранить лицо. Потом придется сохранять другие части тела.

Знаю, что можно, и знаю опять, как можно. А зачастую, и как нужно. Вот поэтому сегодня и выбрал такой путь.

И кто бы сегодня нас ни провоцировал, кто бы нам ни подкидывал какие-то там Ираны, Ираки и ещё многое что — не будет никаких. Никаких не будет даже поползновений, наоборот, вся работа будет строиться для того, чтобы уничтожить то, что накопили за многие годы.

Какую партию не делаем — всё КПСС получается.

Кроме того, что вы корреспонденты, вы же еще и люди.

Кто мне чего подскажет, тому и сделаю!

Мы всегда можем уметь.

Мы до сих пор пытаемся доить тех, кто и так лежит.

Мы не однодневки, не одноразовые.

...Пойти на какие-то там хотелки, я извиняюсь... Нечего устраивать здесь хочу-не хочу!

Мы сегодня как раз переживаем тот период, когда начинают, как говорится, ссылки делать. Когда говорят: там, жида, бей жидов...

Надо всем лечь на это и получить то, что мы должны иметь.

Надо же думать, что понимать.

Нам в жизни повезло, что это, по сути дела, историческое время выпало на нашу долю. Радуйтесь!

Много говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу.

Многое может сбыться. Сбудется, если не будем ничего предпринимать.

С сюрреализмом надо кончать, так чтоб дух захватывало!

По вопросам приобретения шеститомного Собрания сочинений Валерия Хатюшина, а также его книги «Протуберанцы. Размышления и воспоминания» звонить по телефону: 8 (495) 787-35-22 (пн., чт., с 12 до 16 ч.)